

ПАТРИК РОТФУСС

ИМЯ ВЕТРА

ХРОНИКА
УБИЙЦЫ
КОРОЛЯ
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Патрик Ротфусс
Хроника Убийцы Короля.
День первый. Имя ветра
Серия «Fantasy World. Лучшая
современная фэнтези»
Серия «Хроника Убийцы
Короля», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63840255

Хроника Убийцы Короля. День первый. Имя ветра / Патрик Ротфусс:

Э; Москва;

ISBN 978-5-699-99851-7

Аннотация

Всякое прошлое забывается, превращаясь в сказки, которыми пугают малых детей. Но пробьет час, и древние предания оживут и ворвутся в реальность, сея ужас и смерть... Так юный Квоут, актер бродячей труппы, сталкивается со страшными демонами чандрианами, уничтожившими всю его семью. Поклявшись отомстить, мальчик вступает на долгий и трудный путь, полный приключений и опасностей, ведь чтобы сразиться с легендарными чудовищами, ему самому предстоит войти в легенды.

Содержание

Выражаю признательность...	7
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	39
Глава 3	46
Глава 4	68
Глава 5	77
Глава 6	83
Глава 7	97
Глава 8	107
Глава 9	127
Глава 10	137
Глава 11	143
Глава 12	156
Глава 13	176
Глава 14	187
Глава 15	205
Глава 16	214
Глава 17	230
Глава 18	234
Глава 19	241
Глава 20	249
Глава 21	264

Глава 22	272
Глава 23	291
Конец ознакомительного фрагмента.	307

Патрик Ротфусс

Хроника Убийцы Короля

День первый. Имя ветра

Моей матери, которая научила меня любить книги и открыла двери в Нарнию, Перн и Средиземье.

И моему отцу, который научил меня, что, если уж собираешься что-то сделать, надо делать это не торопясь и с умом.

Выражаю признательность...

...Всем читателям черновых вариантов. Вас – легион, упомянуть всех невозможно, однако всех вас я люблю. Если я не бросил писать, то только благодаря вашей поддержке. Если я смог стать лучше, то только благодаря вашей критике. Если бы не вы, я бы не смог одержать победу...

...На конкурсе «Writers of the Future». Если бы не его мастер-классы, я никогда бы не встретился ни с моими замечательными товарищами по 18-му тому антологии, ни с...

...Кевином Дж. Андерсоном. Если бы не его советы, я бы никогда не познакомился с...

...Мэттом Байалером, лучшим литагентом на свете. Если бы не его руководство, я бы никогда не продал эту книгу...

...Бетси Волхейм, замечательному редактору и директору издательства DAW. Если бы не она, вы не держали бы сейчас в руках эту книгу. Какую-нибудь похожую – может быть; но вот этой книги бы не существовало.

И, наконец, мистеру Бохейджу, моему школьному учителю истории. В 1989 году я ему обещал, что упомяну о нем в своем первом романе. А обещания надо выполнять!

Пролог

Молчание в трех частях

Снова наступила ночь. Трактир «Путеводный камень» погрузился в молчание, и молчание это состояло из трех частей.

На поверхности лежала гулкая тишина, возникшая от того, чего там не доставало. Будь та ночь ветреной, ветер вздыхал бы в ветвях деревьев, поскрипывала бы трактирная вывеска, раскачиваясь на крюках, и молчание унеслось бы прочь по дороге, как прошлогодняя палая листва. Будь в трактире толпа народа – или хотя бы небольшая компания, – молчание наполнилось бы болтовней и смехом, топотом и гвалтом, какие ожидаешь услышать из питейного заведения в глухой ночной час. Играй здесь музыка... но нет, конечно, музыки не было. На самом деле ничего этого не было, и молчание никуда не девалось.

В «Путеводном камне» в углу у стойки притулились двое. Они пили с молчаливой решимостью, избегая всерьез обсуждать тревожные вести. И тем самым добавляли к большой, гулкой тишине свое маленькое, угрюмое молчание. Вместе они образовывали некий сплав, своего рода контрапункт.

Третье молчание заметить было не так просто. Но, если

вслушиваться в течение часа, его можно было ощутить в деревянном полу под ногами, в грубых, потрескавшихся бочках за стойкой. В массивности черного каменного очага, хранящего жар давно потухшего огня. В медленных взмахах белой тряпки, скользящей вдоль досок стойки. И в руках стоящего за стойкой человека, упорно полирующего красное дерево, которое уже и так блестело в свете ламп.

Человек был ярко-рыжий – рыжий, как огонь. Глаза у него были темные и отстраненные, и двигался он с ненавязчивой уверенностью, свойственной тем, кому многое известно.

«Путеводный камень» принадлежал ему, и третье молчание – тоже. Неудивительно, что молчание это было самым большим из трех: оно окутывало два первых, поглощало их – бездонное и безбрежное, словно конец осени, тяжелое, как окатанный рекой валун. То была терпеливая покорность срезанного цветка – молчание человека, ожидающего смерти.

Глава 1

Место для демонов

Был вечер поверженья, и в трактире «Путеводный камень» собрались привычные завсегдатаи. Пять человек – собрание небольшое; однако же нынче в «Путеводном камне» редко собиралось больше пятерых – такие уж времена настали.

Старина Коб честно играл свою роль рассказчика и советчика. Люди у стойки попивали пиво и слушали. В каморке за стойкой молодой трактирщик стоял, прячась от глаз за дверью, и улыбался, слушая знакомую историю.

– Вот как-то раз очнулся Таборлин Великий и видит, что заточили его в высокой башне. У него отобрали меч и лишили его всех волшебных предметов: ключ, монетка, свеча – все пропало. Но если бы только это! Видит он... – Коб выдержал паузу для лучшего эффекта, – что все лампы на стенах горят синим пламенем!

Грэм, Джейк и Шеп кивнули. Трое друзей выросли вместе, слушая рассказы Коба и не слушая его советов.

Коб пристально посмотрел на своего самого нового и самого внимательного слушателя – ученика кузнеца.

– А знаешь ли ты, мальчик, что это означает?

Кузнецова ученика все звали «мальчиком», хотя он был

на ладонь выше остальных. Маленькие городки – дело такое: ходить ему в «мальчишках» до тех пор, пока бородой не обрасстет или пока нос кому-нибудь не расквасит за «мальчика».

Мальчик медленно кивнул:

– Чандрианы.

– Ве-ерно! – одобрительно протянул Коб. – Чандрианы! Синий огонь – один из их знаков. И вот, значит, он...

– Но как же они его нашли-то? – перебил мальчик. – И почему не убили сразу, пока была возможность?

– Помолчи пока, дослушаешь до конца – все поймешь, – сказал Джейк. – Пусть рассказывает!

– Да ладно тебе, Джейк, – возразил Грэм. – Мальчику просто любопытно. А ты пей, пей свое пиво!

– Да я уж все выпил! – буркнул Джейк. – Я бы еще взял, да трактирщик наш до сих пор у себя в каморке крыс свежует!

Джейк гулко постучал пустой кружкой по стойке красного дерева и крикнул:

– Эгей! Мы тут от жажды помираем!

Появился трактирщик с пятью мисками рагу и двумя караваемы теплого хлеба. Он проворно и деловито налил Джейку, Шепу и Старине Кобу еще пива.

Посетителям временно стало не до историй – они занялись ужином. Старина Коб умял рагу с хищной деловитостью записного холостяка. Остальные еще только на миски дули, а Коб уже дожевал свой хлеб и вернулся к рассказу.

– Так вот, Таборлину надо было сбежать, однако, оглядев-

шись по сторонам, он увидел, что в его темнице нет ни двери, ни окон. Всюду, куда ни глянь, – сплошной гладкий твердый камень. Из такой темницы ни одному человеку не вырваться.

Но Таборлин знал имена всего, что есть на свете, и потому все на свете повиновалось его слову. И сказал он камню: «Рассыпьясь!» – и камень рассыпался. Стена разорвалась, точно бумага, и сквозь пролом увидел Таборлин небо и вдохнул душистый весенний воздух. Шагнул он на край, посмотрел вниз и, не раздумывая, бросился в пропасть...

Глаза у мальчика расширились:

– Не может быть!

Коб кивнул с серьезным видом:

– Таборлин рухнул вниз, но не отчаялся. Ибо он знал имя ветра, и потому ветер подчинился ему. Заговорил он с ветром, и ветер ласково подхватил его в свои объятия. Он опустил Таборлина на землю легко, точно пушинку, и поставил его на ноги нежно, точно матушка поцеловала.

Очувтившись на земле, Таборлин ощупал свой бок там, куда его пырнули, и увидел, что на том месте не осталось и царапины. Может быть, ему просто повезло, а может быть, – Коб многозначительно постучал себя пальцем по носу, – дело было в том амулете, что он носил под рубахой.

– В каком амулете? – жадно спросил мальчик с набитым ртом.

Старина Коб уселся поудобнее, радуясь случаю рассказать поподробней.

– За несколько дней до этого Таборлин встретил на дороге лудильщика. И, хотя еды у Таборлина было в обрез, он поделился со стариком своим обедом.

– И правильно сделал! – вполголоса сказал мальчику Грэм. – «За добро лудильщик платит сторицей», это всякий знает.

– Не-не! – проворчал Джейк. – Это не так говорится! «Лудильщика совет дороже ста монет».

Тут заговорил трактирщик – впервые за весь вечер:

– На самом деле, вы забыли больше половины, – сказал он, стоя в дверях за стойкой.

Лудильщик платит всякий раз:

За товары платит раз,

За добро он платит вдвое,

За обиду – даже втрое.

Люди у стойки были как будто удивлены, услышав Коута. Они много месяцев подряд собирались в «Путеводном камне» каждый вечер поверженья, но до сих пор Коуту ни разу не случалось вставить слово в разговор. Впрочем, этого следовало ожидать. Он же приехал в городок всего год назад, или около того. И до сих пор считался за чужака. Вон, ученик кузнеца живет в городке с одиннадцати лет, а все равно о нем говорили «тот мальчишка из Рэнниша», как будто Рэнниш где-то в чужих краях, а не в тридцати милях отсюда.

– Просто слышал когда-то, – пояснил Коут, чтобы нару-

шить воцарившееся молчание. Он явно смутился.

Старина Коб кивнул, прочистил горло и вернулся к рассказу.

– Так вот, амулет тот стоил целого ведра золотых ноблей, однако за Таборлинову доброту лудильщик продал ему этот амулет всего лишь за железный пенни, медный пенни да серебряный пенни. Амулет был черен, как зимняя ночь, и холоден как лед на ощупь, но, пока Таборлин носил его на шее, никакая нечисть ему была не страшна – демоны там, и все прочее.

– Ох, в наше время я бы за такую вещицу хорошие деньги отдал! – угрюмо сказал Шеп. Нынче вечером он пил больше всех, а разговаривал меньше всех. Все знали, что вечером в возжиганье на хуторе у него стряслось что-то дурное, но все они были хорошими друзьями и понимали, что не стоит вытрясать из человека подробности. По крайней мере, не сейчас, пока все еще почти трезвые.

– Ну а кто бы не отдал? – рассудительно сказал Старина Коб, хорошенько приложившись к кружке.

– А я и не знал, что чандрианы – демоны, – сказал мальчик. – Я слышал, будто...

– Не, не демоны они! – твердо заявил Джейк. – Это были первые шестеро, что отреклись от выбора пути, предложенного Тейлу, и Тейлу проклял их и заставил вовеки скитаться...

– Ну что, Джейкоб Уокер, дальше сам рассказывать бу-

дешь? – резко осведомился Коб. – Коли так – пожалуйста, продолжай!

Они некоторое время сердито смотрели друг на друга. Наконец, Джейк отвернулся и пробормотал что-то, что вполне могло сойти за извинение.

Коб снова обернулся к мальчику.

– В том-то и вся тайна чандриан, – объяснил он. – Откуда они являются? Куда деваются, сделав свое кровавое дело? Кто они – люди, продавшие душу? Демоны? Духи? Никто не знает!

Коб бросил на Джейка взгляд, исполненный глубокого пренебрежения.

– Конечнo, любой недоумок утверждает, будто он-то знает...

И рассказ плавно перешел в бурный спор о природе чандриан, о знаках, по которым осмотрительный человек может узнать об их присутствии, и о том, мог ли этот амулет защитить Таборлина от разбойников, бешеных собак и падения с лошади. Спор становился все жарче, но тут входная дверь с грохотом распахнулась.

Джейк оглянулся:

– А-а, Картер, ты как раз вовремя! Объясни ты этому проклятому тупице, в чем разница между демоном и собакой! Всякий же зна...

Тут Джейк осекся на полуслове и бросился к двери.

– Тело Господне, что с тобой такое?

Картер вышел на свет. Лицо у него было бледное и в крови. Он прижимал к груди старую попону. В попону было завернуто что-то странное и громоздкое, как охапка хвороста.

Его приятели вскочили с табуретов и кинулись к нему.

– Все нормально, – говорил Картер, медленно идя через зал. Он бешено косил глазом, как испуганная лошадь. – Все нормально. Все нормально...

Сверток он свалил на ближайший стол. Раздался стук, как будто в попоне были камни. Одежда Картера была крест-накрест иссечена длинными, прямыми разрезами. Серая рубашка свисала длинными лоскутами, не считая тех мест, где она прилипла к телу, пропитанная липким и красным.

Грэм попытался было усадить его на стул:

– Мать Божия, Картер! Садись скорее! Что случилось-то? Да садись, садись!

Картер упрямо потряс головой:

– Да говорю ж вам, все нормально! Не так уж сильно меня и поранило.

– Сколько их было-то? – спросил Грэм.

– Один, – ответил Картер. – Но только это не то, что вы думаете...

– Ох ты ж Господи ты Боже ж мой! Говорил я тебе, Картер, – выпалил Старина Коб с тем гневом и страхом, какой способны испытывать только родственники да близкие друзья, – сколько месяцев тебе говорил: не ездь в одиночку! Даже в Бейдн не ездь! Опасно это!

Джейк успокаивающе положил руку старику на плечо.

– Да ты сядь, сядь! – говорил Грэм, все стараясь усадить Картера на стул. – Давай-ка рубаху снимем, раны промыем...

Картер помотал головой:

– Да все нормально! Да, меня тоже слегка поранило, но кровь-то в основном Неллина. Эта тварь на нее наскочила и убила. Не доезжая двух миль до города, за Старокаменным мостом.

Услышав новость, все приумолкли. Ученик кузнеца сочувственно положил руку на плечо Картеру:

– Вот черт! Горе-то какое! А ведь кроткая была, как ягненок. Ни разу не попыталась ни укусить, ни брыкнуть, когда ты ее ковать приводил... Лучшая лошадь во всем городке! Черт. Я...

Он осекся.

– Черт. Даже не знаю, что и сказать...

Мальчик беспомощно озибался.

Коб наконец стряхнул с себя руку Джейка.

– Говорил я тебе! – повторил он, тряся пальцем перед Картером. – Нынче на дорогах такой народ, что за пару пенни укокошат, не то что за лошадь с телегой! И что ж ты теперь делать-то станешь? Сам в телегу впряжешься?

Повисло неловкое молчание. Джейк с Кобом свирепо уставились друг на друга, а прочие, казалось, не находили слов, не зная, чем утешить друга.

В тишине бесшумно вошел трактирщик с охапкой всякой

всячины. Он ловко обогнул Шепу и принялся раскладывать и расставлять на столе все принесенное: миску горячей воды, ножницы, чистые тряпки, несколько стеклянных пузырьков, иголку и жилы.

— А вот кабы он меня слушался, такого бы не случилось! — бормотал Старина Коб. Джейк пытался его утихомирить, но Коб только отмахивался. — А я что, я ж правду говорю! Нелли, конечно, ужас как жалко, но пусть хоть теперь послушает, а то ведь пропадет в конце концов! С такими людьми во второй раз не свезет!

Картер стиснул губы в ниточку, протянул руку и дернул за край окровавленной попоны. Содержимое свертка перевернулось, цепляясь за ткань. Картер дернул сильнее. Раздался стук, как будто на стол вывернули мешок речных голышей.

Это был паук, размером с тележное колесо и черный, как грифель.

Ученик кузнеца отскочил, налетел на стол, опрокинул его и сам едва не упал. У Коба отвисла челюсть. Грэм, Шеп и Джейк издали испуганные нечленораздельные возгласы и попятились, вскинув руки к лицу. Сам Картер отступил назад дерганным движением, смахивающим на нервный тик. Молчание окатило комнату, точно холодным потом.

Трактирщик нахмурился.

— Не могли же они успеть проникнуть так далеко на запад! — тихо сказал он.

Если бы не молчание, вряд ли кто-нибудь его бы услышал.

Но его услышали. Услышали, отвели взгляд от твари на столе и немо уставились на рыжего.

Джейк обрел дар речи первым:

– А ты знаешь, что это?

Взгляд у трактирщика был отсутствующий.

– Скрель, – рассеянно ответил он. – А я-то думал, горы...

– Скрель?! – вклинился Джейк. – Обгорелое тело Господне, Коут! Тебе что, случалось их видеть?

– Что-что? – рыжий трактирщик вскинул глаза, как будто вдруг вспомнил, где находится. – А-а! Нет-нет. Нет, конечно!

Трактирщик обнаружил, что он – единственный, кто находится на расстоянии вытянутой руки от темной твари, и аккуратно сделал шаг назад.

– Слышал просто.

Все уставились на него.

– Помните того торговца, что проезжал тут пару оборотов назад?

Все закивали.

– Этот ублюдок пытался с меня содрать десять пенни за полфунта¹ соли! – задумчиво сказал Коб: он на это жаловался, наверное, раз в сотый.

– А зря я ее тогда не купил, – буркнул Джейк. Грэм молча кивнул.

– А-а, шим паскудный! – бросил Коб, похоже, находя уте-

¹ Фунт – 454 г (здесь и далее примечания переводчика).

шение в привычных словах. — Два бы я еще заплатил в тяжелые времена, но десять — это уж грабеж!

— Если по дорогам такие твари бегают — то, может, и не грабеж, — угрюмо возразил Шеп.

И все снова посмотрели на тварь на столе.

— Он мне говорил, будто их видели там, за Мелькомбом, — быстро сказал Коут, вглядываясь в лица завсегдатаев, рассматривающих тварь. — Я-то думал, он просто цену норовит набить...

— А больше он ничего не говорил? — спросил Картер.

Трактирщик вроде как призадумался, потом пожал плечами:

— Да я особо не расспрашивал. Он и в городке-то провел не больше пары часов.

— Не люблю пауков! — сказал ученик кузнеца. Он так и держался в пятнадцати футах от стола. — Накройте его!

— Это не паук, — возразил Джейк. — У него глаз нет.

— И рта тоже, — заметил Картер. — Как же оно жрет-то?

— И что оно жрет? — угрюмо спросил Шеп.

Трактирщик по-прежнему с любопытством разглядывал тварь. Он подался ближе, протянул руку. Все подались подальше от стола.

— Ты поосторожней! — сказал Картер. — У него лапы острые, как ножи.

— Скорее как бритвы, — сказал Коут. Его длинные пальцы коснулись черного, без отметин тела. — Оно гладкое и твер-

дое, как глиняный горшок.

– Не трогайте вы его, а? – сказал ученик кузнеца.

Трактирщик осторожно, опасливо взялся за гладкую, длинную лапу и попытался сломать ее двумя руками. Как палку.

– Не-ет, это тебе не горшок! – поправился он. Он положил лапу поперек ребра столешницы и навалился на нее всем весом. Лапа переломилась с громким треском. – Как камень, скорее.

Он посмотрел на Картера:

– Откуда на нем столько трещин?

Трактирщик указал на мелкие трещинки, которыми была усеяна глянцеви́тая черная поверхность тела.

– На него Нелли упала, – сказал Картер. – Эта тварь спрыгнула с дерева и попыталась взобраться на нее, всю ее изрезала своими лапами. Шустрая такая... Я даже и не понял, что происходит...

Картер наконец-то рухнул на стул, заботливо подставленный Грэмом.

– Нелли запуталась в своей упряжи и упала, сломала твари несколько лап. И тогда тварь накинута́сь на меня, вспрыгнула и поползла по мне...

Картер обнял себя за плечи поверх окровавленной рубахи. Его передернуло.

– Я сумел ее с себя стряхнуть, стал топтать ногами изо всех сил. А потом она снова на меня накинута́сь...

Картер осекся. Лицо у него посерело.

Трактирщик кивнул про себя, продолжая ощупывать тварь.

– Крови нет. Внутренних органов нет. Внутри сплошная серая масса.

Он потыкал ее пальцем:

– Как гриб.

– Ох, Тейлу милосердный, да оставьте же вы ее! – взмолился ученик кузнеца. – Пауки иногда и дохлые дергаются!

– Да что вы мелете! – уничтожающе бросил Коб. – Пауков размером с поросю не бывает! А то вы не знаете, что это такое!

Он огляделся, посмотрел в глаза каждому из присутствующих:

– Это же демон!

Они посмотрели на потрескавшуюся тварь.

– Да иди ты! – возразил Джейк, больше по привычке. – Это же не какой-нибудь... – он сделал неопределенный жест. – Не может же это быть...

Все понимали, о чем он думает. Разумеется, демоны существуют. Но демоны – это же как ангелы Тейлу. Как герои и короли. Они существуют только в легендах. Где-то там, не тут. Таборлин Великий призвал огонь и молнию и сокрушил демонов. Тейлу поверг их руками своими, и демоны с воем бежали в безымянную бездну. Чтобы твой друг детства затоптал демона ногами на дороге в Бейдн-Брит – такого про-

сто не бывает. Чуть какая-то!

Коут взъерошил свои рыжие волосы и нарушил молчание.

– Ну, есть способ узнать наверняка, – сказал он и полез в карман. – Железо или огонь.

Он достал увесистый кожаный кошелек.

– И еще имя Господне, – заметил Грэм. – Трех вещей страшатся демоны: холодного железа, чистого огня и святого имени Божия.

Трактирщик поджал губы: не то чтобы нахмурился, но почти.

– Ну да, конечно, – сказал он, опорожнил кошелек на стол и принялся копать в монетах: увесистых серебряных талантах и узких серебряных битах, медных йотах, ломаных полупенни и железных драбах. – Шима ни у кого не найдется?

– Да возьми драб, – сказал Джейк. – Там железо хорошее.

– А мне нужно плохое, – возразил трактирщик. – В драбе угля многовато. Это не железо, это почти сталь.

– Он дело говорит, – сказал ученик кузнеца. – Только это не уголь. Для стали используется кокс. Кокс и известь.

Трактирщик уважительно кивнул мальчику:

– Тебе лучше знать, молодой человек. В конце концов, это же твое ремесло.

Его длинные пальцы наконец нащупали и достали из кучи монеток шим.

– Вот он!

– И что с ним делать? – спросил Джейк.

– Ну, – неуверенным тоном сказал Коб, – железо убивает демонов, но этот-то уже и такдохлый. Может, ничего и не будет...

– Ну, есть только один способ это выяснить.

Трактирщик по очереди посмотрел в глаза каждому из них, словно определял им цену. Потом решительно повернулся к столу. Все подались еще дальше.

Коут прижал железный шим к черному боку твари. Послышался отрывистый резкий хлопок, будто сосновое полено треснуло в печи. Все вздрогнули, потом успокоились, видя, что черная тварь осталась неподвижной. Коб и прочие обменялись робкими улыбками, точно мальчишки, наслушавшиеся страшных историй. Но их улыбки тут же сделались кислыми: комната наполнилась сладковатым, резким запахом гниющих цветов и паленого волоса.

Трактирщик щелкнул шимом о стол.

– Ну, – сказал он, отряхивая руки о фартук, – полагаю, вопрос решен. И что теперь делать?

Несколько часов спустя трактирщик стоял в дверях «Путеводного камня» и смотрел в темноту, давая отдых глазам. Свет из окон трактира проложил тропинку поперек проселочной дороги к дверям кузницы напротив. Дорога была не особо широкая, и ездили по ней мало. Она как будто никуда не вела – бывает такое с дорогами. Трактирщик вдохнул

полной грудью осенний воздух и беспокойно огляделся по сторонам, как будто ждал, что что-то вот-вот случится.

Трактирщик называл себя Коутом. Он очень тщательно выбрал это имя, когда приехал сюда жить. Он взял себе новое имя по ряду обычных причин, и еще по нескольким необычным причинам – не в последнюю очередь потому, что имена были для него очень важны.

Подняв глаза, он увидел тысячу звезд, мерцающих на темном бархате безлунной ночи. Он знал их все, знал их истории и имена. Звезды были ему знакомы и близки, как свои пять пальцев.

Коут опустил взгляд, вздохнул, сам того не заметив, и вернулся в дом. Он запер дверь, закрыл ставнями широкие окна трактира, словно затем, чтоб отстраниться от звезд с их россыпью имен.

Методично подмел пол, не пропустив ни единого угла. Помыл столы, помыл стойку, деловито и терпеливо. После часа работы вода в ведерке осталась такой чистой, что и знатная дама не побрезговала бы ручки помыть.

Наконец, он затащил за стойку табурет и принялся протирать великое множество бутылок, выстроившихся позади двух громадных бочек. Эту работу он выполнял далеко не так деловито и проворно, как прочие, и вскоре сделалось очевидно, что протирал он бутылки лишь затем, чтобы лишний раз подержать их в руках. Он даже принялся что-то мурлыкать себе под нос, сам того не замечая – иначе бы непре-

менно умолк.

Его длинные изящные руки переставляли бутылку за бутылкой, и от привычных движений усталое, нахмуренное лицо немного разгладилось. Трактирщик вдруг сделался моложе. Теперь ему нельзя было дать и тридцати. Да какое там – тридцати! Молод он был для трактирщика. Слишком молод – для человека, у которого осталось на лице еще немало усталых морщин.

Коут поднялся наверх и отворил дверь. Комната его имела суровый, почти аскетический вид. В центре – камин черного камня, пара стульев и небольшой письменный стол. Кроме этого из мебели там стояла узкая кровать, и в ногах у нее – большой черный сундук. На стенах ничего не висело, ковра на дощатом полу тоже не было.

За дверью слышались шаги, и в комнату вошел молодой человек с миской рагу. От рагу валил пар и пахло перцем. Молодой человек был черноволосый, обаятельный, улыбочивый, с хитрющими глазами.

– Ты уже с месяц не засиживался так поздно! – сказал он, протянув Коуту миску. – Должно быть, сегодня рассказывали хорошие истории, а, Реши?

«Реши» было еще одно из имен трактирщика – считай, прозвище. Когда трактирщик его слышал, краешек губ у него приподнялся в насмешливой ухмылке, и он опустился в глубокое кресло у камина.

– Ну, Баст, и что же ты узнал за сегодняшний день?

– За сегодняшний день, учитель, я узнал, отчего у великих любовников зрение лучше, чем у великих ученых.

– И отчего же, Баст? – спросил Коут. В его голосе послышался намек на улыбку.

Баст затворил дверь, вернулся и сел во второе кресло, развернув его лицом к наставнику и к огню. Двигался он на удивление изящно и грациозно – будто не ходит, а танцует.

– Понимаешь, Реши, все мудрые книги хранятся под крышей, где темно. А хорошенькие девушки гуляют на солнышке, и их куда удобнее изучать без вреда для зрения!

Коут кивнул:

– Однако исключительно умный ученик может выйти с книгой на солнце и изучать ее там, не рискуя причинить вред своему драгоценному зрению.

– Вот и я об этом подумал, Реши. Ведь я исключительно умный ученик!

– А то как же!

– Но не успел я усесться на солнышке и приняться читать, как появилась красивая девица. Какое уж тут чтение! – закончил Баст, выразительно махнув рукой.

Коут вздохнул:

– То есть я правильно понимаю, что за сегодня ты не прочел ни строчки из «Целум тинтуре»?

Баст успешно притворился, будто ему стыдно.

Коут, глядя в огонь, попытался сделать суровое лицо, од-

нако не преуспел.

– Эх, Баст, Баст! Надеюсь, она была хороша, словно теплый ветер в тенике. Не годится, конечно, учителю говорить такое, но я рад. Мне сейчас тоже не до уроков.

Он помолчал.

– Сегодня вечером на Картера напал скрелинг.

Беспечная улыбка Баста разлетелась вдребезги, как разбитая маска. Лицо его сделалось бледным и ошеломленным.

– Скрель?!

Он привстал, словно готовясь вылететь из комнаты, потом озадаченно нахмурился и заставил себя снова сесть.

– А откуда ты знаешь? Кто нашел труп?

– Он жив, Баст. Он принес его с собой. Скрелинг был один.

– Скрелинги по одному не ходят, – отрезал Баст. – Сам знаешь.

– Знаю, – ответил Коут. – Но факт остается фактом: этот был один.

– И что, он его убил?! – спросил Баст. – Значит, это был не скрелинг. Может быть...

– Баст, это был элемент скреля. Я его видел, – Коут серьезно взглянул на ученика. – Ему повезло, вот и все. Но все равно, он серьезно ранен. Сорок восемь швов. Я почти весь свой запас жил извел.

Коут взял миску с рагу.

– Если вдруг кто спросит, говори, что у меня дед был

охранником при обозах, он-то меня и научил промывать и зашивать раны. Сегодня вечером они были слишком потрясены, и никто ни о чем не спрашивал, но назавтра кое-кому может стать любопытно. Мне этого не надо.

Он подул на миску, его лицо окуталось облаком пара.

– А что ты с трупом сделал?

– Я с ним ничего не делал, – подчеркнуто ответил Коут. – Я простой трактирщик. Мне такое не по уму.

– Реши, нельзя же допустить, чтобы они расхлебывали это сами!

Коут вздохнул:

– Они его к священнику отнесли. Он сделал все правильно, хотя по совершенно ложным причинам.

Баст открыл было рот, но Коут продолжил прежде, чем он успел что-нибудь сказать:

– Да, я убедился, что яму вырыли достаточно глубокую. Да, я позаботился о том, чтобы в костре была рябина. Да, я постарался, чтобы все как следует прогорело прежде, чем его зарыли. И да, я убедился, что никто не прикарманил кусочек на память.

Он насупился, брови у него сошлись вместе.

– Я тоже не дурак, знаешь ли!

Баст заметно расслабился и откинулся на спинку кресла:

– Да я знаю, что ты не дурак, Реши. Но ведь половина из них без посторонней помощи не сообразит даже не мочиться против ветра!

Он призадумался.

– И все-таки понять не могу, почему он был один!

– Может, они передохли, пока через горы ползли? – предположил Коут. – А этот выжил.

– Возможно, – нехотя согласился Баст.

– А может, это из-за той позавчерашней бури, – заметил Коут. – Фургоны валило, как говаривали у нас в труппе. Ливень, ветрище – возможно, этот отбился от стаи...

– Знаешь, Реши, твой первый вариант мне нравится больше, – сказал Баст. Ему явно сделалось не по себе. – Три-четыре скрелинга прошли бы через этот городишко, как... как...

– Как раскаленный нож сквозь масло?

– Нет, как несколько раскаленных ножей сквозь несколько десятков крестьян! – сухо ответил Баст. – Эти люди не способны защищаться. Могу поручиться, тут на весь городишко и шести мечей не наберется. Хотя что толку от мечей против скреля?

Надолго воцарилось задумчивое молчание. Через некоторое время Баст заерзал:

– Ну а новости есть?

Коут покачал головой:

– До новостей сегодня не дошло. Картер их всполошил, еще когда они сказки рассказывали. Хоть какая-то польза. Они снова придут завтра вечером. Хоть будет мне чем заняться.

Коут рассеянно потыкал ложкой рагу.

– Надо было перекупить у Картера этого скрелинга! – сказал он. – Купил бы он себе на эти деньги новую лошадь. А к нам люди бы стали издалека приходить, чтобы на него поглазеть. Глядишь, торговля бы пошла, для разнообразия!

Баст уставился на него в немом ужасе.

Коут успокаивающе помахал ложкой.

– Шучу, Баст, шучу! – он слабо улыбнулся. – Но все равно, было бы хорошо...

– Нет, Реши! Ничего хорошего тут нет! – твердо возразил Баст. – «Люди бы стали издалека приходить, чтобы на него поглазеть»! – передразнил он. – Да уж!

– Это было бы хорошо для торговли, – уточнил Коут. – Торговля – это хорошо!

Он снова ткнул ложкой в рагу.

– Хоть бы чем-нибудь заняться!

Они долго молчали. Коут, насупясь, смотрел в свою миску отсутствующим взглядом.

– А тебе-то тут каково, Баст! – сказал он наконец. – Ты небось дуреешь от скуки!

Баст пожал плечами:

– Ну, тут, в городке, хватает молоденьких бабенок. Да и девиц полно! – Он улыбнулся мальчишеской улыбкой. – Уж я-то себе развлечения найду!

– Это хорошо, Баст.

Снова молчание. Коут положил в рот еще ложку рагу, про-

жевал, проглотил.

– Знаешь, они решили, что это демон.

Баст снова пожал плечами:

– А почему бы и нет, Реши? Пусть лучше думают, что демон.

– Да знаю, знаю. На самом деле, я их сам подтолкнул к такому выводу. Но ты же понимаешь, что это означает.

Он встретился взглядом с Бастом.

– В ближайшие пару дней кузнец неплохо подзаработает...

Лицо у Баста сделалось нарочито непроницаемым.

– Ага.

Коут кивнул.

– Если решишь уйти, Баст, я тебя пойму. Этот городок будет для тебя не лучшим местом.

Баст был в шоке:

– Но я же не могу уйти, Реши! – Он несколько раз молча открыл и закрыл рот, не находя слов. – Кто ж меня учить-то будет?

Коут усмехнулся, и на миг сделалось видно, как он на самом деле молод. Несмотря на усталое, изборожденное морщинами лицо и безмятежную вальяжность трактирщика, он выглядел не старше своего черноволосого товарища.

– Да уж! – Он указал ложкой на дверь. – Тогда ступай читать или донимать чью-нибудь дочку. Уж наверное, у тебя есть занятия получше, чем глазеть, как я ем!

– Ну, вообще-то...

– Убирайся, демон! – провозгласил Коут и перешел на темийский. Говорил он на нем с сильным акцентом, да еще и с набитым ртом: – Техус антауса эха!

Баст изумился, расхохотался и ответил непристойным жестом.

Коут проглотил рагу и перешел на другой язык:

– Арой те денна-лейан!

– Слушай, хватит уже! – укоризненно сказал Баст, переставая улыбаться. – Это же просто оскорбительно!

– Именем земли и камня изгоняю тебя! – Коут окунул пальцы в стоящую рядом чашку и брызнул в сторону Баста. – Развейся, наваждение!

– Это от сидра-то?

Баст сумел выразить насмешку и негодование одновременно. Он промокнул каплю, упавшую ему на грудь рубахи.

– Ну, гляди мне, если пятно останется!..

Коут положил в рот еще одну ложку.

– Ступай, простирни. А если положение сделается отчаянным, рекомендую тебе воспользоваться одним из многочисленных растворителей, формулы которых приводятся в «Целум тинтуре». Глава тринадцатая, по-моему.

– Ну ладно. – Баст встал и направился к двери, ступая все с той же странной небрежной грацией.

– Позови, если что понадобится.

Он затворил за собой дверь.

Коут ел медленно. Последние капли подливки он подобрал куском хлеба. За едой он смотрел в окно – точнее пытался: при свете лампы окно превратилось в зеркало на фоне непроглядной черноты за ним.

Взгляд Коута беспокойно блуждал по комнате. Камин был сложен из того же черного камня, что и очаг внизу. Стоял он не у стены, а посреди комнаты – маленький инженерный подвиг, которым Коут изрядно гордился. Кровать была узкая – скорее койка, чем кровать, – и, если ее пощупать, становилось ясно, что тюфяка на ней почитай что и нет.

Опытный наблюдатель мог бы обратить внимание, что есть нечто, на что Коут старался не смотреть. Так избегают взгляда бывшей любовницы на званом ужине или старого врага, что поздним вечером сел напротив в многолюдной пивной.

Коут пытался успокоиться, но ему это не удавалось. Он ерзал, вздыхал, перебирал ногами и наконец, сам того не желая, устался на сундук в ногах кровати.

Сундук был сделан из роа – редкого, тяжелого дерева, черного как уголь и гладкого, как отполированное стекло. Это дерево весьма ценят парфюмеры и алхимики и за кусочек с палец величиной платят золотом. Иметь целый сундук из такого дерева было неслыханной роскошью.

На сундуке имелось три запора: железный замок, медный замок, и еще один замок – невидимый. Сейчас дерево наполняло комнату почти неощутимым ароматом лимона и зака-

ленного железа.

Посмотрев на сундук, Коут не отвел поспешно взгляд. Его глаза не скользнули в сторону, как будто он хотел сделать вид, что никакого сундука нет. Но стоило ему устремить глаза на сундук, как лицо трактирщика вновь избороздили морщины, почти изгладившиеся от простых радостей сегодняшнего дня. Утешение, которое принесли ему бутылки и книги, мигом развеялось, оставив в глазах лишь пустоту и боль. Какой-то миг на лице у него боролись яростное стремление и сожаление.

А потом все миновало, осталось лишь усталое лицо трактирщика, человека, называвшего себя Коутом. Он снова вздохнул, сам того не заметив, и поднялся на ноги.

Прошло немало времени, прежде чем он прошел мимо сундука к кровати. А когда он лег, прошло немало времени, прежде чем он уснул.

Как и предвидел Коут, на следующий день к вечеру они снова пришли в «Путеводный камень» поужинать и выпить. Пару раз попытались было рассказать какую-то историю, но все эти попытки угасли, не начавшись. Всем было не до того.

Разговор довольно быстро перешел на более важные темы. Мужики обсуждали доходившие до городка слухи. Слухи в большинстве своем нерадостные. Кающийся Король все никак не может управиться с мятежниками в Резавеке. Это вызывало некоторую озабоченность, но небольшую. Резавек далеко, и даже Коб, наиболее просвещенный из всех, затруд-

нился бы отыскать его на карте.

Поговорили о войне – со своей точки зрения. Коб предрек, что, мол, после сбора урожая жди сборщиков налогов – в третий раз за этот год. Все только кивнули, хотя такого, чтоб народ доили по три раза за год, ни у кого на памяти не бывало.

Джейк предположил, что урожай будет неплохой, так что большинство семей от третьего сбора налогов все-таки не разорятся. Разве что Бентли, у которых и без того времена тяжелые. Да еще Ориссоны, у которых то и дело овцы пропадают. Ну и Чокнутый Мартин, который в этом году посеял один ячмень. Все крестьяне, у кого есть хоть капля мозгов, в этом году сажали бобы. Вот чем хороша война, так это тем, что солдат кормят бобами, а стало быть, и цены на них будут высокие.

После нескольких кружек зашел разговор о более серьезных заботах. На дорогах кишат дезертиры и прочее жулье, путешествовать сделалось опасно, даже если недалеко. Нет, на дорогах-то всегда опасно, как зимой всегда холодно. Люди охают, жалуются, принимают необходимые меры – и живут себе дальше.

Однако сейчас не то. За последние два месяца дороги сделались такими опасными, что люди даже и жаловаться перестали. В последнем обозе было два фургона и четыре охранника. Торговец требовал десять пенни за полфунта соли, а за сахарную голову – пятнадцать. Ни перца, ни корицы, ни

шоколада он не привез вовсе. Кофе у него был всего один мешочек, и за него он хотел два серебряных таланта. Поначалу народ только хохотал, услышав про такие цены. Но, видя, что торговец стоит на своем, мужики плюнули и принялись браниться.

Это было два оборота тому назад, двадцать два дня прошло. Ни одного нормального купца с тех пор в городке не побывало, хотя, казалось бы, самый сезон для торговли. И потому, хотя все помнили про третий сбор налогов, люди заглядывали в кошельки и жалели, что ничего не прикупили про запас – просто на случай, если вдруг снег рано ляжет.

О том, что было вчера, и о той твари, что сожгли и зарыли, никто из них не упоминал ни словом. Хотя, конечно, разговоров об этом хватало. Городок гудел от сплетен. Поскольку Картер и в самом деле был ранен, к разговорам относились почти серьезно, но именно что «почти». То и дело звучало слово «демон», но произносили его, ухмыляясь в ладошку.

До того как тварь сожгли, ее видели только эти шестеро друзей. Один был ранен, остальные успели напиться. Ну, еще священник ее видел, но у него работа такая – демонов видеть. Его ремеслу демоны только на пользу.

Ах да, еще ее видел трактирщик. Но трактирщик-то был не местный. Он не понимал простой истины, очевидной для всякого, кто был рожден и воспитан в этом городишке: у нас тут рассказывают легенды и сказки, но происходят они где-то в другом месте. Тут у нас не место для демонов.

Кроме того, дела были достаточно плохи и без лишних забот. Коб и остальные прекрасно понимали, что говорить об этом бессмысленно. Пытаться кого-то убедить означало выставлять себя на посмешище – будешь потом кем-то вроде Чокнутого Мартина, который уже несколько лет пытается выкопать колодец у себя в доме.

Однако же каждый из них купил себе у кузнеца по увесистому куску железа холоднойковки, такому, чтоб только не тяжело было им размахивать, а о том, что они думают, все помалкивали. Вместо этого жаловались на дороги, которые опасны, и чем дальше, тем хуже. Толковали о торговцах, о дезертирах, о налогах, о том, что соли на всю зиму не хватит. Вспоминали о том, как три года назад никто на ночь дверей даже на щеколду не закрывал, не говоря уж о том, чтоб на засов запирались.

Дальше разговор как-то сошел на нет, и, хотя никто из них не говорил о том, что было на уме, вечер завершился на угрюмой ноте. Как и большинство вечеров в те дни: такие уж времена настали.

Глава 2

Чудный денек

То был один из великолепных осенних дней, которые так часто случаются в историях и так редко – в жизни. Погода стояла теплая и сухая – самое оно для поспевающей пшеницы и ячменя. Деревья по обе стороны дороги мало-помалу начинали менять цвет. Высокие тополя сделались желтыми, как масло, а раскидистый сумах – яростно-багряным. И только старые дубы как будто не желали расставаться с летом, и листва на них была наполовину золотой, наполовину – зеленой.

Короче говоря, просто идеальный денек для того, чтобы полдюжины бывших солдат с охотничьими луками ободрали тебя как липку.

– Ну разве это лошадь, сэр? – говорил Хронист. – Немногом лучше клячи. А уж в дождливую погоду она...

Мужик раздраженно махнул рукой:

– Слушай, приятель, королевская армия щедро платит за все, у чего есть четыре ноги и хотя бы один глаз. Если бы ты сошел с ума и скакал по дороге на палочке, я бы и ее у тебя забрал!

Вожак держался властно. Хронист заподозрил, что еще недавно он служил каким-нибудь капралом.

– Слазь давай! – сурово распорядился он. – Чем быстрее мы закончим, тем быстрее ты отправишься своей дорогой.

Хронист спешил. Грабили его не впервые, и он понимал, что разговорами тут ничего не изменишь. Эти мужики свое дело знали. Они не тратили сил на хвастовство и пустые угрозы. Один из них оглядел лошадь: проверил копыта, зубы, сбрую. Двое других по-военному деловито шарили в седельных сумках, выкидывая на землю все его достояние. Два одеяла, плащ с капюшоном, плоский кожаный портфель и увесистую котомку, набитую всяким добром.

– Тут все, командир! – доложил один из них. – Ну и еще овса фунтов двадцать.

Командир опустился на колени, открыл кожаный портфель, заглянул внутрь.

– Там ничего нет, перья да бумага! – сказал Хронист.

Командир оглянулся через плечо:

– Писарь, что ли?

Хронист кивнул:

– Я этим на жизнь зарабатываю, сэр! А вам от них никакого проку...

Мужик прошерстил портфель, убедился, что путник не врет, и отложил его в сторону. Потом вытряхнул котомку на расстеленный плащ Хрониста и принялся рассеянно перебирать ее содержимое.

Он забрал большую часть бывшей у Хрониста соли и шнурки для башмаков. Потом, к большому горю Хрониста,

взял рубаху, купленную в Линвуде. Тонкая ткань, выкрашенная в глубокий царственно-синий цвет – не дорожная рубаха. Хронист ее даже и надеть-то ни разу не успел... Он вздохнул.

Остальное командир оставил валяться на плаще и встал. Прочие принялись по очереди шарить в вещах Хрониста.

– Дженнс, – сказал командир, – у тебя же только одно одеяло?

Один из мужиков кивнул.

– Ну вот, забирай себе одно из этих, второе одеяло тебе пригодится по зиме.

– А плащ-то у него получше моего будет, сэр!

– Бери плащ, но оставь взамен свой. Тебя тоже касается, Уиткинс. Если берешь его трутницу, оставь взамен свою старую.

– Я свою потерял, сэр! – сказал Уиткинс. – А то бы оставил.

Весь процесс протекал на удивление культурно. Хронист лишился всех своих иголок, кроме одной, обеих пар запасных носков, пакета сушеных фруктов, сахарной головы, полбутылки спирта и пары игральные костей слоновой кости. Остальную одежду ему оставили, как и вяленое мясо вкупе с недоеденным караваем невероятно черствого ржаного хлеба. Плоский кожаный портфель не тронули.

Пока мужики запихивали барахло обратно в котомку, командир обернулся к Хронисту:

– Ну, давай сюда кошелек.

Хронист отдал.

– И кольцо.

– Да в нем и серебра-то почти нет! – буркнул Хронист, стягивая кольцо с пальца.

– А на шее у тебя что?

Хронист расстегнул рубашку, показал тусклое металлическое колечко на кожаном шнурке.

– Простое железо, сэр!

Командир подступил ближе, потер колечко пальцами, уронил обратно на грудь Хронисту.

– Ну, тогда оставь себе. Я не из тех, кто встает между человеком и его верой, – сказал он, вытряхнул кошелек на ладонь и хмыкнул с приятным изумлением, пальцем перебирая монеты. – А писарям-то лучше платят, чем я думал! – заметил он, принимаясь делить добычу между своими людьми.

– А мне пару пенни не оставите, нет? – спросил Хронист. – Горяченького поесть раза два...

Все шестеро обернулись и уставились на Хрониста, словно ушам своим не поверили.

Командир расхохотался:

– Клянусь телом Господним, а у тебя яйца крепкие!

В его голосе слышалось сдержанное уважение.

– Ну, вы выглядите человеком разумным, – пожал плечами Хронист. – А кушать-то мне что-то надо!

Вожак улыбнулся – впервые за все время.

– Что ж, с этим поспорить трудно.

Он взял два пенни, продемонстрировал их Хронисту и опустил их обратно в кошелек.

– На тебе, по одному пенни за каждое яйцо!

Он бросил Хронисту кошелек и запихал в свою седельную сумку красивую синюю рубаху.

– Спасибо, сэр, – сказал Хронист. – Возможно, вам стоит знать, что в той бутылке, которую забрал один из ваших людей – древесный спирт, я им перья протираю. Если он его выпьет, на пользу это ему не пойдет.

Командир улыбнулся и кивнул.

– Видали, что бывает, когда с людьми обращаешься по-человечески? – сказал он своим, вскакивая в седло. – Рад был знакомству, господин писарь. Если сейчас пойдете дальше, дотемна как раз поспеете к Эбботсфорду.

Когда топот копыт затих вдали, Хронист перепаковал котомку, убедившись, что все уложено как следует. Потом стянул сапог, вытащил подкладку и вынул из носка сапога туго стянутый сверток монет. Часть монет переложил в кошелек, потом развязал штаны, вытащил из-под нескольких слоев одежды еще один сверток монет, и часть этих денег тоже перекочевала в кошелек.

Тут вся штука в чем – главное, чтобы в кошельке денег было столько, сколько надо. Если мало, то они разочаруются и примутся искать еще. А если многовато, то их, чего доброго, жадность обуяет.

Был и третий сверток с монетами, запеченный в черством каравае, на который могли польститься разве что самые отчаявшиеся грабители. Его Хронист покамест оставил в покое, так же как и целый серебряный талант, спрятанный в чернильнице.

С годами Хронист привык считать этот талант неразменным. До него еще ни разу никто не докопался.

Хотя, надо признаться, эти грабители были, пожалуй, самыми вежливыми, с какими ему доводилось встречаться. Учтивые, деловитые и не слишком сообразительные. Да, конечно, остаться без лошади с седлом неприятно, но в Эбботсфорде можно будет купить новую, и у него все равно хватит денег, чтобы благополучно пережить это дурацкое приключение и встретиться со Скарпи в Трейе.

Ощувив настоящий зов природы, Хронист пробился через багровые кусты сумаха на обочине. Когда он застегивал штаны, в подлеске вдруг что-то затрещало, какая-то черная тень забилась, проламываясь через заросли.

Хронист отшатнулся, испуганно вскрикнул, потом только сообразил, что это всего лишь ворона захлопала крыльями. Посмеиваясь над собственной глупостью, он оправил одежду и снова выбрался из кустов сумаха на дорогу, смахнув невидимые нити паутины, которые налипли на лицо.

Вскидывая на плечи котомку и портфель, Хронист обнаружил, что на душе у него на удивление легко. Худшее, что могло случиться, случилось, и оказалось не таким уж страш-

ным. В кронах играл ветерок, листья тополя золотыми монетками сыпались в колеи проселочной дороги. Чудный был денек!

Глава 3

Дерево и слово

Коут рассеянно листал книгу, пытаясь не замечать тишины пустынного трактира, и тут распахнулась дверь и в трактир, пятясь, вошел Грэм.

– Только-только закончил!

Грэм преувеличенно осторожно маневрировал в лабиринте столов.

– Я ее еще вчера принести собирался, да думаю – нет, дай-ка еще разок маслом покрою и дам просохнуть! И, надо сказать, правильно сделал. Господь и Владычица, эти руки еще отродясь не делали ничего красивее!

Меж бровей трактирщика пролегла небольшая морщинка. Потом он увидел в руках у Грэма плоский сверток и просветлел лицом.

– А-а-а! Подставка! – Коут устало улыбнулся. – Извини, Грэм. Это было так давно, я чуть не забыл.

Грэм посмотрел на него странно:

– Четыре месяца – это тебе давно? Да это дерево везли из самого Ариена, да еще по нынешним дорогам!

– Четыре месяца... – эхом откликнулся Коут. Но тут увидел, как Грэм на него смотрит, и поспешно добавил: – Понимаешь, когда чего-то ждешь, кажется, будто прошла целая

вечность.

Он хотел улыбнуться ободряюще, но улыбка вышла какой-то больной.

По правде сказать, Коут вообще выглядел довольно больным. Нет, не то чтобы больным, а так, захиревшим каким-то. Сникшим. Как растение, которое пересадили в неподходящую почву, и теперь оно вянет оттого, что ему недостает чего-то важного.

Грэм видел разницу. Жесты трактирщика стали не такими вычурными, как обычно. Голос сделался не таким звучным. И даже глаза – не такие блестящие, как еще месяц назад. Потускнели как-то. Прежде они были как морская пена, как зеленая трава. А теперь больше смахивали на речной ил, на доньшко бутылки зеленого стекла. И волосы у него прежде были яркие, точно пламя. А теперь они стали... ну, рыжими. Просто рыжими, и все.

Коут отвел холстину и заглянул под нее. Дерево было темно-серого цвета, с черными прожилками, тяжелое, как железная пластина. Три черных колышка были вбиты над словом, вырезанным на дереве.

– «Глупость», – прочел Грэм. – Странное имя для меча!

Коут кивнул. Лицо у него было подчеркнуто-безразличным.

– Сколько я тебе должен? – тихо спросил он.

Грэм поразмыслил:

– Ну, за дерево ты мне уже отдал... – Его глаза лукаво

блеснули: – Где-то один и три.

Коут протянул ему два таланта:

– Сдачи не надо. С этим деревом тяжело работать.

– Да уж, это точно! – сказал Грэм, явно довольный. – Под пилой оно как каменное. А под резцом – как железо. А потом, когда я уже почти управился, оказалось, что по нему еще и выжигать нельзя.

– Да, я заметил, – сказал Коут с легким любопытством и провел пальцем по буквам – буквы были темнее дерева. – Ну и как же ты управился?

– Ну как-как, – самодовольно ответил Грэм, – полдня убил, потом пошел в кузницу. И там мы с мальчиком кое-как выжгли надпись каленым железом. Больше двух часов бились, пока оно, наконец, не почернело! И ни единой струйки дыма, зато воняло старой кожей и клевером. Вот же чертовщина! Что это за дерево такое, что оно даже не горит?

Грэм выждал с минуту, но трактирщик его как будто не услышал.

– Ну что, где вешать-то будем?

Коут наконец очнулся достаточно, чтобы окинуть взглядом зал.

– Знаешь, я, пожалуй, сам. А то я еще не решил.

Грэм оставил ему пригоршню железных гвоздей и пожелал удачного дня. Коут остался стоять у стойки, рассеянно поглаживая дерево и надпись. Вскоре из кухни вышел Баст и заглянул через плечо наставнику.

Повисла долгая пауза, словно минута молчания в память о мертвых.

В конце концов Баст сказал:

– Реши, можно задать тебе один вопрос?

Коут мягко улыбнулся:

– Сколько угодно, Баст.

– А сложный вопрос?

– А другие, пожалуй, и задавать не стоит.

Они еще некоторое время молча смотрели на лежащую на стойке доску, как будто пытались запомнить ее на всю жизнь. «Глупость».

Баст некоторое время боролся с собой. Он открыл рот, закрыл его с разочарованным видом, потом открыл снова...

– Ну давай, выкладывай! – сказал наконец Коут.

– О чем ты думал? – спросил Баст. Он был как будто смущен и озабочен одновременно.

Ответил Коут далеко не сразу.

– Я вообще слишком много думаю, Баст. Самые удачные решения я принимал тогда, когда переставал думать вообще и просто делал то, что казалось правильным. Даже если никаких разумных объяснений того, что я сделал, не существовало. – Он грустно улыбнулся. – Даже если существовали серьезные причины не делать того, что я сделал.

Баст провел ладонью по щеке.

– То есть ты пытаешься заставить себя не передумать?

Коут замялся.

– Ну, можно и так сказать, – сознался он.

– Мне – можно, Реши, – самодовольно сказал Баст. – Ну а ты вечно все усложняешь без нужды!

Коут пожал плечами и снова посмотрел на подставку:

– Ну что ж, видимо, ничего не остается, кроме как подыскать для него место.

– Прямо тут? – в ужасе переспросил Баст.

Коут лукаво ухмыльнулся, и лицо у него слегка ожило.

– А то как же! – сказал он, словно бы наслаждаясь реакцией Баста. Он задумчиво окинул взглядом стены, пожевал губами.

– А куда ты его, вообще, засунул?

– Он у меня в комнате, – сознался Баст. – Под кроватью.

Коут рассеянно кивнул, по-прежнему глядя на стены:

– Ну так сходи за ним.

Он махнул рукой – брысь, мол! – и Баст с несчастным видом убежал.

Когда Баст вернулся в зал, стойка была уставлена сверкающими бутылками, а Коут взгромоздился на опустевшую полку между двумя массивными дубовыми бочками. В руке у Баста небрежно болтались черные ножны.

Коут, который как раз пристраивал подставку над одной из бочек, остановился и вскричал:

– Баст, что ж ты делаешь! У тебя в руках, можно сказать, благородная дама, а ты ее крутишь, как девку в хороводе!

Баст остановился на бегу и бережно взял ножны двумя

руками, прежде чем продолжил свой путь к стойке.

Коут вколотил в стенку пару гвоздей, прикрутил какую-то проволоку и надежно закрепил подставку на стене.

– Ну что, давай его сюда, – сказал он. Голос у него почему-то сорвался.

Баст обеими руками протянул ему ножны, на миг сделавшись похожим на оруженосца, вручающего меч какому-нибудь рыцарю в сияющих доспехах. Но нет, никакого рыцаря не было – всего лишь трактирщик, человек в фартуке, называющий себя Коутом. Он взял у Баста меч и выпрямился, стоя на полке.

Он без особого шика и пафоса обнажил меч. В лучах осеннего солнца блеснул тусклый серовато-белый клинок. Меч выглядел как новенький. Ни ржавчины, ни зазубринки. Ни единой блестящей царапины не было на тусклой серой поверхности. Но, хотя меч был гладок и чист, он был очень древний. И, хотя это, несомненно, был меч, форму он имел непривычную. Во всяком случае никто из жителей городка не сказал бы, что эта форма ему знакома. Выглядел меч так, словно алхимик перегнал в тигле десяток мечей, и, когда тигель остыл, это было то, что осталось лежать на дне: меч в самом чистом виде. Тонкий, изящный. Опасный, как острый камень на стремнине.

Коут немного подержал его в руке. Рука у него не дрожала.

Потом пристроил меч на подставку. Серовато-белый металл отчетливо выделялся на фоне черного роа. Рукоять же,

хотя и была видна, почти не выделялась на фоне дерева. И, черным на черном, укоризненно темнела надпись: «Глупость».

Коут слез с полки, и они с Бастом немного постояли бок о бок, молча глядя наверх.

Баст нарушил молчание.

– Довольно впечатляюще, – сказал он, словно ему не хотелось в этом сознаваться. – Но...

Он умолк, пытаясь подобрать слова. Его передернуло.

Коут хлопнул его по спине. Он почему-то вдруг повеселел.

– Да не переживай ты из-за меня!

Он как-то ожил, как будто возня с подставкой придала ему сил.

– Мне нравится! – уверенно заявил он и повесил черные ножны на один из колышков подставки.

Тут же обнаружилась куча дел: протереть и расставить по местам бутылки, приготовить обед, прибраться после обеда. На какое-то время в трактире поднялась веселая, деловитая возня. За работой оба болтали обо всяких пустяках. И, хотя они много суетились, было очевидно, что им неохота заканчивать свои дела, как будто оба боялись того момента, когда работа иссякнет и в зале вновь воцарится молчание.

И тут произошло нечто странное. Распахнулась дверь, и в «Путеводный камень» ласковой волной ворвался шум. Вошли люди, гомоня и бросая свертки с пожитками. Они расса-

живались за столы, вешали куртки на спинки стульев. Один, в кольчуге из тяжелых металлических колец, отстегнул меч и приставил его к стене. Еще у двух-трех на поясе висели ножи. Человек пять потребовали выпить.

Коут и Баст усталились на них, а потом расторопно взялись за дело. Коут принялся улыбаться и наполнять кружки. А Баст выскочил на улицу посмотреть, не надо ли поставить лошадей в конюшню.

В десять минут трактир изменился до неузнаваемости. На стойку со звоном падали монеты. Появились тарелки с сыром и фруктами, на кухне над огнем закипал большой медный котел. Гости двигали столы и стулья, так, чтобы расстаться всей компанией – их была едва ли не дюжина.

По мере того как они входили, Коут определял, кто есть кто. Двое мужчин и две женщины – погонщики, с лицами, загрубелыми от многолетнего пребывания под открытым небом, улыбающиеся оттого, что им предстоит провести ночь в тепле. Трое охранников – с жестким взглядом, пахнущие железом. Лудильщик, пузатенький, улыбчивый, охотно демонстрирующий свои немногочисленные зубы. Двое молодых людей: один белобрысый, другой черноволосый, прилично одетые, с грамотной речью – путешественники, достаточно разумные, чтобы присоединиться к большой компании ради безопасности.

Пока все устроились, ушло часа два. Немного поторговались насчет цены на ночлег. Возникло несколько дружеских

перепалок насчет того, кто с кем будет ночевать. Достали необходимые мелочи из фургонов и седельных сумок. Кое-кто потребовал ванну, нагрели воды. Лошадям задали сена, Коут наполнил все лампы маслом доверху.

Лудильщик убежал торговать, пока светло. Он шагал по улицам городка со своей двухколесной тележкой, запряженной мулом. Вокруг мельтешила ребятня, выпрашивая конфет, сказок и мелких монеток.

Когда сделалось ясно, что ни конфет, ни сказок, ни мелочи не будет, большинство ребятешек утратили интерес к лудильщику. Они выстроились в кружок, в центре которого остался один мальчишка, и принялись хлопать в ладоши, отбивая ритм детской песенки, которая была старой-престарой еще в те времена, когда ее пели их деды и бабки:

Если пламя посинело,
Что же делать? Что же делать?
Не зевай! Убегай!

Мальчишка в центре круга, хохоча, попытался вырваться наружу, остальные дети толкали и не пускали его.

– Лудильщик! Кому лудильщика! – голос старика гремел, точно колокол. – Чинить-паять! Ножи точить! Лозой воду искать! Резаная пробка! Матушкин лист! Шелковые платочки прямиком из столицы! Бумага писчая! Сласти!

Последнее привлекло внимание детей. Они снова сбежались к нему и побрели вслед за ним небольшой процессией,

а лудильщик все твердил нараспев:

— Кожа на ремни! Черный перец! Тонкие кружева и яркие перья! Нынче лудильщик тут, а завтра и след простыл! Торгую, пока не стемнеет! Собирайтесь, жены, собирайтесь, девушки, для вас есть мягкие тряпицы и розовая водица!

Пару минут спустя он расположился напротив «Путевого камня», поставил точило и принялся точить нож.

Вокруг старика начали собираться взрослые, и ребятишки вернулись к игре. Девочка в кругу зажала глаза ладонью и принялась ловить других детей, а они разбегались в разные стороны, хлопая в ладоши и распевая:

Чьи глаза черны как ночь?

Чем помочь? Чем помочь? Прочь гони! Вот они!

Лудильщик обслуживал всех по очереди, а иной раз и двоих-троих одновременно. Менял острые ножи на тупые и мелкую монетку в придачу. Продавал ножницы и иголки, медные котелки и пузырьки, которые купившие их тетки немедленно прятали. Он торговал пуговицами и мешочками с корицей и солью. Лаймами из Тинуэ, шоколадом из Тарбеана, полированным рогом из Аэруэха...

А ребятишки все распевали:

Человек без лица,

Ходит-бродит без конца.

Строят планы, строят планы

Чандрианы, чандрианы!

Коут прикинул, что путешественники провели вместе не больше месяца: достаточно долго, чтобы притереться, но еще не так долго, чтобы начать грызться по пустякам. От них пахло дорожной пылью и лошадьми. Он вдыхал этот запах, точно аромат благовоний.

А главное – звуки! Скрип кожи. Мужской хохот. Треск и шипение дров. Кокетливое женское хихиканье. Кто-то даже стул опрокинул. Впервые за долгое время в «Путеводном камне» не было тишины. Или, даже если и была, она сделалась слишком незаметной или слишком хорошо пряталась.

Коут находился в самом центре событий – он постоянно пребывал в движении, точно человек, управляющий большим и сложным механизмом. Он говорил, где надо, слушал, где надо, и всегда был готов налить еще, как только попросят. Он смеялся над шутками, пожимал руки, улыбался, смахивал со стойки монеты так, будто ему и впрямь нужны были деньги.

А потом, когда настало время петь песни и все спели свои любимые и хотели еще, Коут принялся запевать, стоя у себя за стойкой, и хлопал в ладоши, задавая ритм. В волосах у него сияли отблески пламени, и он спел им «Лудильщика да дубильщика», столько куплетов, сколько никто из них прежде не слышал, и никто не имел ничего против.

Несколько часов спустя зал трактира сделался совсем другим: теплым, уютным, гостеприимным. Коут стоял на коленах возле очага, подбрасывая дрова в огонь, как вдруг за спиной у него кто-то спросил:

– Квоут?

Трактирщик поднял голову и слегка растерянно улыбнулся:

– Простите, сэр?

Это был один из тех прилично одетых путников. Он слегка пошатывался.

– Вы же Квоут!

– Коут, сэр, – поправил Коут тем снисходительным тоном, каким матери говорят с детьми, а трактирщики – с пьяными.

– Квоут Бескровный! – повторил постоялец с пьяной настойчивостью. – Вы мне сразу знакомым показались, только я никак не мог сообразить, кто вы.

Он гордо улыбнулся и многозначительно постучал себя пальцем по носу.

– Но тут я услышал, как вы поете, и понял, что это вы. Я ж вас слышал как-то раз в Имре. Чуть все глаза потом не выплакал. Никогда не слыхал ничего подобного, ни прежде, ни потом. Просто сердце разрывалось.

Язык у молодого человека заплетался все сильнее, но смотрел он серьезно.

– Я знал, что это не можете быть вы. Но подумал, что это вы. Несмотря на... Потому что у кого еще такие волосы?

Он потряс головой, пытаясь протрезветь, но безуспешно.

– Я видел то место в Имре, где вы его убили. У фонтана.

Мостовая вся разбр...

Он нахмурился, сосредоточился и повторил:

– Раз-би-та. Говорят, будто теперь никто не может ее починить.

Белобрысый снова помолчал. Сощурился, приглядываясь, – и, похоже, был удивлен реакцией трактирщика.

Рыжий расплылся в улыбке:

– Так вы говорите, я похож на Квоута? На того самого Квоута? Вы знаете, я и сам так думал! У меня наверху его портрет висит. Помощник мой все меня дразнит за это. Вот не могли бы вы ему повторить то, что только что говорили мне?

Коут положил в огонь последнее полено и встал. Но, когда он отходил от очага, нога у него вдруг подвернулась, и он тяжело рухнул на пол, сшибив стул.

Кое-кто из гостей кинулся было к нему, но трактирщик уже поднялся на ноги и замахал им, чтобы не беспокоились.

– Нет-нет! Все в порядке. Прошу прощения, что я вас напугал.

Он улыбался, но видно было, что он действительно сильно ушибся. Лицо у него кривилось от боли, и он тяжело опирался на стул.

– Колено мне прострелили по пути через Эльд, три года тому назад. Вот время от времени дает о себе знать...

Он поморщился и со вздохом сказал:

– А то бы я, конечно, кочевую жизнь нипочем не бросил!

Он наклонился и осторожно потрогал неловко выгнутую ногу.

Один из наемников заметил:

– Я бы припарку положил, а то разнесет ведь.

Коут снова пощупал ногу и кивнул:

– Да, сэр, пожалуй, вы правы.

Он обернулся к белобрысому, который, слегка пошатываясь, стоял у очага:

– Можно попросить тебя об одной вещи, сынок?

Молодой человек тупо кивнул.

– Прикрой малость дымоход, – Коут указал на очаг. – Баст, проводи меня наверх, а?

Баст подбежал, закинул руку Коута себе на плечи. Коут тяжело наваливался на него при каждом втором шаге. Они добрались до двери и стали подниматься по лестнице.

– Колено, значит, прострелили? – вполголоса осведомился Баст. – Неужели ты действительно так сильно ушибся?

– Слава богу, что ты так же легковверен, как и они! – резко ответил Коут, скрывшись с глаз постояльцев. Поднявшись еще на несколько ступенек, он принялся браниться сквозь зубы, при том что колено у него явно было цело и невредимо.

Глаза у Баста расширились, потом сощурились.

Коут остановился на верхней площадке и протер глаза.

– Один из них знает, кто я, – Коут нахмурился. – Ну, по-

дозревает.

– Который?! – спросил Баст. В его голосе слышались гнев и тревога.

– В зеленой рубаше, белобрысый. Тот, что стоял ближе всех ко мне, у очага. Дай ему что-нибудь, чтобы он уснул. Он уже успел набраться. Если он вырубится, никто и внимания не обратит.

Баст ненадолго призадумался:

– Левотраву?

– Мхенку.

Баст вскинул бровь, но кивнул.

Коут расправил плечи:

– Слушай меня трижды, Баст!

Баст моргнул и кивнул снова.

Коут заговорил четко и отрывисто:

– Я был охранником с городской лицензией от Ралиена. Был ранен, успешно обороняя обоз. Стрелой в правое колено. Три года назад. Летом. Сильдийский купец из благодарности дал мне денег, чтобы открыть трактир. Звали его Делолан. Обоз шел из Пурвиса. Упомяни между делом. Все запомнил?

– Слышал тебя трижды, Реши, – официальным тоном ответил Баст.

– Ступай.

Полчаса спустя Баст принес наставнику миску и заверил

его, что внизу все в порядке. Коут кивнул и сухо велел, чтобы до утра его не тревожили.

Как только Баст затворил за собой дверь, лицо у него сделалось озабоченным. Он немного постоял наверху лестницы, пытаясь придумать, что можно сделать.

Трудно сказать, что именно так сильно тревожило Баста. Коут с виду особо не изменился. Разве что двигался он как-то медлительнее, и та малая искорка, что разгорелась было у него в глазах от сегодняшней суматохи, вновь потухла. На самом деле, это было почти незаметно. На самом деле, может, ничего и не было...

Коут сидел у камина и механически поглощал свой ужин, как будто просто запихивал в себя еду. Доев, он остался сидеть, глядя в пространство, не помня ни что он ел, ни каково оно было на вкус.

В камине треснуло полено. Коут моргнул и огляделся. Посмотрел на свои руки, одна в другой, лежащие на коленях. Немного погодя, поднял руки и растопырил пальцы, словно грея их у огня. Руки были изящные, с длинными тонкими пальцами. Он пристально глядел на них, как будто ждал, что они что-то сделают сами по себе. Потом опустил их на колени, обняв одной другую, и снова принялся смотреть в огонь. Он сидел и смотрел, равнодушно и неподвижно, пока пламя не прогорело дотла, оставив лишь серую золу да тускло тлеющие угли.

Когда он принялся раздеваться, огонь вдруг вспыхнул

снова. Алое пламя высветило тонкие линии, которыми было исчерчено его тело, в основном спина и руки. Шрамы были гладкие и серебристые, они разбегались по коже, точно молнии, точно линии смутных воспоминаний. Вспышка пламени ненадолго озарила их все: старые раны и новые. Все шрамы были гладкими и серебристыми – кроме одного.

Пламя моргнуло и угасло. Сон встретил его, точно возлюбленная в пустой постели.

Путешественники уехали рано утром. Обслуживал их Баст – он объяснил, что колено у хозяина сильно распухло и спускаться по лестнице в такую рань он не расположен. Все его поняли – кроме белобрысого купеческого сына, который был слишком сонный и вообще ничего не понимал. Охранники переглянулись с улыбочкой и закатили глаза, а лудильщик произнес импровизированную проповедь об умеренности. Баст порекомендовал ряд средств от похмелья, одно противней другого.

Когда они уехали, Баст занялся работой по хозяйству. Работы было немного – постояльцев-то не было. Большую часть времени он потратил, изобретая разные способы себя развлечь.

Спустившись за полдень вниз, Коут обнаружил, что его ученик колет на стойке грецкие орехи тяжелой книгой в кожаном переплете.

– Доброе утро, Реши!

– Доброе утро, Баст, – отвечал Коут. – Что нового слышно?

– Забегал парнишка Оррисонов. Спрашивал, не нужна ли нам баранина.

Коут кивнул, как будто этого и ждал.

– И сколько ты заказал?

Баст скривился:

– Реши, я терпеть не могу баранины! Она на вкус как мокрые перчатки!

Коут пожал плечами и направился к двери:

– Мне тут по делам сходить надо. Присматривай за трактором, ладно?

– А то как же!

На улице недвижный, тяжелый воздух стоял над пустынной немощеной дорогой, делящей городок пополам. В небе висела сплошная серая пелена облаков, которая выглядела так, будто хочет пролиться дождем, да все никак с силами собраться не может.

Коут перешел через улицу и вошел в распахнутые двери кузницы. Волосы кузнец стриг коротко, а борода у него была густая и лохматая. Коут понаблюдал, как он аккуратно вбивает пару гвоздей в пятку косы, надежно закрепляя ее на кривом деревянном косовище.

– Привет, Калев!

Кузнец приставил косу к стене:

– Чем могу служить, господин Коут?

– Парнишка Оррисонов к тебе тоже забегал?

Калёб кивнул.

– Что, у них до сих пор овцы пропадают?

– Ну вот, часть пропавших нашлась. Все растерзанные, считай, в клочья.

– Волки? – спросил Коут.

Кузнец пожал плечами:

– Время года неподходящее. Ну а кто это еще может быть? Медведь? Подозреваю, они просто распродают тех, за которыми углядеть не могут, – рук-то у них не хватает.

– Как рук не хватает?

– Ну, батрака-то им уволить пришлось из-за налогов, а старший сынок еще в начале лета взял королевские деньги. Теперь с мятежниками в Менате воюет.

– В Менерасе, – ненавязчиво поправил Коут. – В общем, если мальчишка еще прибежит, скажешь ему, что я бы купил три полутуши.

– Ладно, скажу. – Кузнец понимающе глянул на трактирщика. – Еще что-нибудь?

– Ну-у... – Коут отвел глаза, внезапно смутившись. – Я, на самом деле, хотел спросить, не завалилось ли у тебя еще железных прутков, – сказал он, стараясь не встречаться глазами с кузнецом. – Имей в виду, мне ничего особенного не надо, самая простецкая железяка сгодится.

Калёб хмыкнул.

– А я все думал, зайдешь ты или нет. Старина Коб и про-

чие ко мне еще позавчера приходили!

Он подошел к верстаку и откинул холстину.

– Вот, еще парочку про запас отковал, на всякий случай.

Коут выбрал железный пруток в пару футов длиной и помахал им на пробу.

– Молодец!

– Ну, я свое дело знаю! – самодовольно отвечал кузнец. – Еще что-нибудь надо?

– Ну, вообще-то, – сказал Коут, удобно пристроив пруток на плечо, – есть еще одно дело. Не найдется ли у тебя запасного фартука и пары кузнечных рукавиц?

– Может, и найдутся, – осторожно ответил Калед. – А что?

– Да у меня тут за трактиром ежевика разрослась, – Коут кивнул в сторону «Путевого камня». – Я подумываю ее выкорчевать, на будущий год садик разобью. Не хотелось бы потерять на этом деле половину шкуры.

Кузнец кивнул и поманил за собой Коута в глубь мастерской.

– Вот, мои старые, – сказал он, доставая толстые рукавицы и жесткий кожаный фартук. И то, и другое местами было обуглено дочерна и уляпано маслом. – Не особо красивые, но от худшего они тебя уберегут, я так думаю.

– Сколько ты за них просишь? – сказал Коут и полез за кошельком.

Кузнец покачал головой:

– Да йоты с ушами хватит. Они уже ни мне, ни мальчику

не годятся.

Трактирщик протянул ему монету, и кузнец запихал фар-тук и рукавицы в старый джутовый мешок.

— А ты уверен, что хочешь заниматься этим прямо сейчас? — спросил кузнец. — Дождя-то вон сколько не было. По весне, как растает, земля будет куда мягче!

Коут пожал плечами:

— Мой дед, бывало, всегда говорил, что осень — самое время выкорчевывать то, от чего хочешь избавиться раз и навсегда.

И Коут изобразил дребезжащий старческий голос:

— «По весне все слишком полно жизни! Летом все слишком сильное, не продерешься. А вот осенью...» — Он бросил взгляд на желтеющую листву на деревьях. — «Осенью — самое время! По осени все устало и готово умереть».

После обеда Коут отправил Баста отсыпаться. А сам принялся бесцельно бродить по трактиру, доделывая мелкие дела, оставшиеся со вчерашнего вечера. В трактир никто не заходил. Когда, наконец, настал вечер, он зажег лампы и принялся скучающе листать книгу.

Обычно-то осенью на дорогах путников больше всего, но в последнее время проезжих считай что не было. Коут с тоскливой уверенностью понимал, что зима будет очень долгой.

Трактир он закрыл рано, чего прежде никогда не делал. Подметать не стал. Пол и так был чистый. Мыть столы и стойку было тоже незачем — за ними весь день никто не сидел.

Протер пару бутылок, запер дверь и ушел спать.

И рядом не было никого, кто мог бы заметить разницу. Никого, кроме Баста. Баст следил за своим наставником, тревожился и ждал.

Глава 4

В Никде

Хронист шагал по дороге. Вчера он еще прихрамывал, но сегодня на ногах у него живого места не осталось, так что беречь их не имело смысла. Он искал себе лошадь в Эбботсфорде и в Рэннише, предлагал бешеные деньги за любую клячу. Но в таких городишках, как эти, лишних лошадей ни у кого не водится, особенно сейчас, когда осенняя страда на носу.

Хронист провел в пути весь день, однако и сейчас, когда стемнело и ухабистая разъезженная дорога превратилась в полосу почти невидимых препятствий, он все еще шагал. Прокönyляв два часа в темноте, Хронист, наконец, увидел за деревьями свет и, окончательно расставшись с мыслью добраться нынче до Никде, решил, что заночевать на крестьянском хуторе тоже будет неплохо.

Он свернул с дороги, пробираясь между деревьями на свет. Однако огонь горел дальше, чем ему показалось, и был он куда больше. Это не был свет лампы в окне или отсвет небольшого костерка. Это был внушительный костер, плававший в развалинах старого дома, от которого осталась только пара полуобрушившихся каменных стен. В углу между двумя стенами притулился человек. На нем был толстый плащ

с капюшоном, и кутался он в него так, будто на дворе стояла зима, а не теплый осенний вечер.

Хронист исполнился было надежды, увидев рядом небольшой костерок, над которым висел котелок. Но, подойдя ближе, он почувствовал мерзкую вонь, смешивающуюся с дымом костра. Несло паленым волосом и гниющими цветами. Хронист сразу решил, что что бы там ни готовил этот человек в своем железном котелке, он этого есть не станет. Но все равно, у костра-то греться лучше, чем ночевать в лесу на обочине.

Хронист шагнул в круг света:

– Я увидел ваш ко...

Он осекся: человек стремительно вскочил, обеими руками вскинув меч.

Нет, не меч: какую-то длинную, темную дубинку, слишком правильной формы для обычного полена.

Хронист замер как вкопанный.

– Да я просто искал, где бы заночевать! – поспешно сказал он, бессознательно стиснув в кулаке железное кольцо, что висело у него на шее. – Я не хотел ничего дурного. Не буду мешать вам ужинать...

И сделал шаг назад.

Человек успокоился и опустил дубинку – та ударилась о камень с металлическим лязгом.

– Обугленное тело Господне, что вы тут делаете так поздно ночью?

– Шел в Никде, увидел ваш костер....

– И поперлись к неизвестному костру в лесу посреди ночи? – человек в капюшоне покачал головой. – Ладно, идите-ка лучше сюда.

Он махнул Хронисту, чтобы тот подошел, и книжник увидел, что на руках у него толстые кожаные рукавицы.

– Тейлу и его присные, вы что, всю жизнь такой неудачливый или всю свою неудачу приберегли на сегодня?

– Не знаю, кого вы тут ждете, – ответил Хронист, отступая еще на шаг, – но, сдается мне, лучше вам ждать одному!

– Заткнитесь и слушайте! – бросил незнакомец. – Я не знаю, много ли у нас времени... – Он опустил взгляд и потерял лицо. – Господи, никогда не знаешь, что говорить людям, а что нет. Если вы мне не поверите, то примете за сумасшедшего. Если поверите – запаникуете и сделаетесь бесполезны, а то и хуже. – Он снова поднял глаза и увидел, что Хронист так и не шелохнулся. – Да идите же сюда, черт бы вас побрал! Если вернетесь в лес – вы, считай, покойник.

Хронист оглянулся через плечо в сторону темного леса:

– Но почему? Что там такое?

Незнакомец коротко, горько хохотнул и раздраженно покачал головой.

– Вам честно?

Он рассеянно взъерошил волосы, заодно сбросив с себя капюшон. В свете пламени его волосы выглядели немыслимо рыжими, а глаза – ослепительно сочно-зелеными. Он взгля-

нул на Хрониста, смерил его взглядом:

– Демоны. Демоны в обличье больших черных пауков.

Хронист сразу успокоился:

– Демонов не бывает.

Судя по его тону, он повторял это далеко не в первый раз.

Рыжий недоверчиво хохотнул:

– А, ну да, тогда, конечно, можно смело идти домой! – Он сверкнул безумной усмешкой. – Послушайте, я так понимаю, вы человек образованный. Я чту вашу образованность, и в целом вы правы. – Он внезапно посерьезнел. – Но здесь и сейчас, нынче ночью, вы заблуждаетесь. Страшно заблуждаетесь. И, когда вы это поймете, вам не захочется оказаться по ту сторону огня.

Незнакомец говорил так уверенно, что у Хрониста по спине пробежал холодок. Чувствуя себя довольно глупо, он осторожно обошел костер.

Незнакомец смерил его взглядом:

– Оружия у вас при себе, я так понимаю, нет?

Хронист покачал головой.

– Ладно, не важно, на самом деле. От меча тут проку мало.

Он протянул Хронисту увесистое полено:

– Попасть вы по ним, скорее всего, не попадете, но попробовать все же стоит. Они очень проворные. Если кто-то из них до вас доберется, просто падайте на землю. Старайтесь упасть на него, придавить его собственным весом. Покатайтесь по нему. А если сумеете кого-то схватить, швыряйте в

костер.

Он снова накиннул на голову капюшон и быстро продолжал:

– Если есть запасная одежда, наденьте. Если есть одеяло, завернитесь...

Он осекся на полуслове и посмотрел вперед, за пределы круга света.

– Встаньте к стене! – резко приказал он и обеими руками вскинул свою железную дубинку.

Хронист бросил взгляд через костер. Меж деревьев двигалось что-то черное.

Они выползли на свет, припадая к земле: черные, круглые, многоногие, огромные, как тележные колеса. Один, пошустрей прочих, не колеблясь выбежал на свет костра, двигаясь с пугающим проворством убегающего таракана.

Не успел Хронист поднять свое полено, как тварь боком обогнула костер и прыгнула на него, что твой кузнечик. Хронист еле сумел вскинуть руки, как черная пакость вцепилась ему в лицо и грудь. Холодные, жесткие лапы завозились, ища опору, предплечья обожгло яркими полосами боли. Книжник отшатнулся, нога подвернулась на неровной земле, и он начал валиться на спину, бешено размахивая руками.

Падая, Хронист в последний раз мельком увидел, что творилось в кругу света. Из темноты выбегали все новые и новые черные твари, их лапы выбивали стремительную отрывистую дробь на корнях, камнях и палой листве. По ту сто-

рону костра человек в толстом плаще держал наготове железную дубинку, сжимая ее обеими руками. Он стоял абсолютно неподвижно, абсолютно безмолвно и ждал.

Валясь наземь под весом черной твари, Хронист ощутил, как в голове что-то глухо взорвалось: он треснулся затылком о каменную стену позади него. Все вокруг замедлилось, расплылось, потом почернело.

Хронист открыл глаза и увидел какое-то нагромождение темных фигур и свет костра. Голова болезненно пульсировала. Вдоль и поперек тыльной стороны предплечий протянулось несколько полос отчетливой, резкой боли, а каждый раз, как он делал вдох, в левом боку чувствовалась другая боль, тупая.

После долгих попыток сосредоточиться мир перед глазами наконец-то начал становиться отчетливее. Закутанный незнакомец сидел поблизости. Рукавиц на нем уже не было, толстый плащ свисал с него клочьями, но в остальном он, похоже, не пострадал. Лицо его было скрыто под поднятым капюшоном.

– Очнулись? – с любопытством поинтересовался он. – Хорошо! А то с травмами головы никогда не знаешь... – Капюшон слегка склонился набок. – Говорить можете? Вы понимаете, где находитесь?

– Да, – сипло ответил Хронист. Выговорить даже одно-единственное слово оказалось чрезвычайно трудно.

– О, еще лучше! Ну, и третья попытка. Как вы думаете,

сумеете ли вы встать и помочь мне? Нужно сжечь и зарыть все эти трупы.

Хронист шевельнул головой и внезапно ощутил головокружение и тошноту:

– Что случилось?

– Я вам, возможно, пару ребер сломал, – сообщил незнакомец. – Один из них совсем на вас насел. Мне просто ничего другого не оставалось. – Он пожал плечами. – Я прошу прощения, хотя толку вам с того... Раны на руках я вам уже зашил. Зажить должно нормально.

– А они – всё?

Капюшон кивнул.

– Скрель не отступает. Это все равно что осы из гнезда. Будут нападать, пока не передохнут.

На лице Хрониста отразился ужас:

– Их тут что, целое гнездо?!

– Боже милостивый, нет, конечно! Только эти пятеро. Но все равно, надо их сжечь и зарыть, для верности. Я уже и дров нарубил, которые нам нужны: ясень и рябину.

Хронист рассмеялся несколько истеричным смехом:

– Ну, прямо как в детской песенке:

Что нам делать? Как нам быть?

В десять футов яму рыть,

Вяз, и ясень, и рябину

В эту яму положить...

– Именно так, – сухо сказал закутанный. – Вы удивитесь, чего только нет в этих детских песенках. Я не уверен, что нам потребуется вырыть яму именно в десять футов глубиной, однако помощь мне бы все-таки была не лишней...

Он сделал многозначительную паузу.

Хронист пощупал затылок, посмотрел на пальцы, и с изумлением обнаружил, что никакой крови на пальцах нет.

– Ну, пожалуй, я в порядке... – сказал он, осторожно поднявшись на локте и перейдя в сидячее положение. – Так что если я могу чем-нибудь...

Глаза у него разъехались, он обмяк и мешком рухнул обратно. Его голова ударилась о землю, подпрыгнула и осталась лежать, слегка склонившись набок.

Коут терпеливо посидел, наблюдая за лежащим без сознания человеком. Видя, что тот не шевелится – только грудь медленно вздымалась и опадала, – он неловко поднялся на ноги и опустился на колени рядом с Хронистом. Коут поднял ему одно веко, потом второе и хмыкнул, не особо удивленный увиденным.

– Ну, я так понимаю, больше вы не очнетесь? – сказал он без особой надежды. Он легонько похлопал Хрониста по бледной щеке. – И на то, что вы...

Тут на лоб Хронисту упала капля крови, за ней вторая.

Коут распрямился, чтобы не нависать над лежащим без сознания человеком, и, как мог, вытер кровь – получилось не очень хорошо, руки у него тоже были в крови.

– Извините, – рассеянно сказал он.

Он глубоко вздохнул и откинул капюшон. Рыжие волосы сбились колтунами и прилипли к голове, пол-лица у него было перемазано подсыхающей кровью. Он медленно принялся сдирать с себя останки плаща. Под плащом был кожаный фартук кузнеца, тоже весь иссеченный. Коут снял и фартук тоже, оставшись в простой небеленой домотканой рубахе. Оба плеча и левая рука у него были черны и влажны от крови.

Коут принялся было расстегивать рубаху, потом решил ее не снимать. Он неуклюже поднялся на ноги, взял лопату и медленно, с трудом принялся копать.

Глава 5

Записки

К тому времени как Коут вернулся в Никде, таща на иссеченных плечах обмякшее тело Хрониста, было уже далеко полночь. Во всех домах и лавках городка было темно и тихо, только «Путеводный камень» стоял ярко освещенным.

Баст ждал в дверях, буквально подпрыгивая от негодования. Завидев приближающуюся фигуру, он рванул навстречу, сердито размахивая листком бумаги.

– Записку?! Ты ушел тайком и оставил мне какую-то записку?! – гневно прошипел он. – Я тебе что, шлюха портовая?!

Коут развернулся и сгрузил на руки Басту бесчувственное тело Хрониста.

– Ну, Баст, я же знал, что ты примешься скандалить!

Баст без труда подхватил Хрониста на руки.

– И была б записка нормальная! «Если ты это читаешь, то меня, вероятно, нет в живых». Ну что это за записка?!

– Я рассчитывал, что ты ее найдешь только утром, – устало объяснил Коут, шагая вместе с Бастом к дверям трактира.

Баст взглянул на человека, которого нес, как будто только что его заметил:

– А это кто?

Он тряхнул его, поглазел на него с любопытством, а потом легко перекинул через плечо, как будто пустой мешок.

– Да так, какой-то несчастный придурок очутился на дороге в самое неподходящее время, – небрежно ответил Коут. – Ты его не тряси особо. А то у него голова не того.

– Но за каким же чертом ты удрал, не сказавшись? – осведомился Баст, входя в трактир. – Если уж оставляешь записку, так хоть бы написал, что...

Тут глаза у Баста расширились: он наконец разглядел Коута при свете, бледного, перемазанного кровью и грязью.

– Ну, можешь переживать сколько влезет, – сухо сообщил Коут. – Все действительно так плохо, как выглядит.

– Так это ты на них охотиться ходил, да? – прошипел Баст. И тут он выпучил глаза: – О нет! Ты припрятал кусок той твари, которую убил Картер! Нет! Этого не может быть! Ты соврал мне! Мне!!!

Коут вздохнул, тяжело поднимаясь по лестнице.

– Что тебя так расстроило: то, что я соврал, или то, что ты меня на этом не поймал? – спросил он.

Баст гневно фыркнул:

– Меня расстроило, что ты думаешь, будто на меня нельзя положиться!

Они на время прекратили этот разговор, открыли один из нескольких пустых номеров на втором этаже, раздели Хрониста и уложили его в кровать. Его портфель и котомку Коут оставил рядом на полу.

Затворив за собой дверь номера, Коут сказал:

– На тебя, Баст, положиться можно, но я не хотел подвергать тебя опасности. Я же знал, что и один управлюсь.

– Но ведь я же мог помочь, Реши! – оскорбленно буркнул Баст. – Сам же знаешь!

– Ты мне еще поможешь, Баст, – сказал Коут, входя в свою комнату и тяжело опускаясь на край узкой кровати. – Меня зашивать придется. – Он принялся расстегивать рубаху.

– Я бы и сам это сделал. Но до плеч и спины дотянуться трудно.

– Ерунда, Реши. Я все сделаю.

Коут указал на дверь:

– Все нужное у меня в подвале.

Баст пренебрежительно фыркнул:

– Нет уж, спасибочки, иглы я возьму свои! Нормальные, костяные. А не эту вашу железную пакость, которая жжет-ся, как осколки ненависти! – Его передернуло. – Клянусь камнем и ручьем, какие же вы все-таки примитивные существа, страшно просто! – И Баст выбежал из комнаты, оставив дверь нараспашку.

Коут медленно стянул с себя рубаху, морщась и шипя сквозь зубы: кровь успела запечься, и ткань пришлось отдирать от подсохших ран. К тому времени как вернулся Баст с тазиком воды и принялся промывать раны, лицо у Коута снова сделалось каменным.

Когда запекшаяся кровь была смыта, перед Бастом пред-

стала беспорядочная путаница длинных, прямых порезов. Они ало зияли на белой коже трактирщика, как будто его изрезали цирюльничьей бритвой или осколком стекла. Всего порезов было около дюжины: большая часть на плечах, еще несколько на спине и вдоль рук, а один начинался на макушке, шел вдоль волосистой части головы и кончался за ухом.

– А я-то думал, что тебе, Реши, кровью истекать не положено, – заметил Баст. – Ты ж у нас Бескровный, и все такое.

– А ты, Баст, не всему верь, что в легендах говорится. Там полно вранья.

– Ну, по крайней мере, с тобой все не так плохо, как я было подумал, – сказал Баст, вытирая руки. – Хотя, казалось бы, ты был просто обязан остаться без куска уха. Они что, были раненные, как тот, что на Картера напал?

– Насколько я мог видеть – нет, – сказал Коут.

– И сколько же их было?

– Пять.

– Пя-ать?! – в ужасе переспросил Баст. – И сколько перебил тот малый?

– Ну, он одного отвлек на некоторое время, – великодушно сказал Коут.

– Анпауэн, Реши! – буркнул Баст, вдевая в костяную иглу что-то тонкое и прозрачное – явно не жилы. – Ты просто обязан был погибнуть. Даже дважды!

Коут пожал плечами:

– Ну, Баст, я ж не впервой обязан был погибнуть. Просто

я наловчился этого избегать.

Баст наклонился, приступая к работе.

– Сейчас будет немножко больно, – предупредил он. Руки у него были на удивление осторожные. – Честно говоря, Реши, я просто не понимаю, почему ты до сих пор жив.

Коут снова пожал плечами и закрыл глаза.

– Я тоже не понимаю, Баст, – сказал он. Голос у него был усталый и бесцветный.

Несколько часов спустя дверь в комнату Коута приоткрылась и Баст заглянул внутрь. Услышав только ровное, размеренное дыхание, молодой человек бесшумно вошел, остановился возле кровати и склонился над спящим. Баст проверил цвет щек, принюхался к дыханию, слегка коснулся лба, запястья, впадинки на груди над сердцем.

Потом подвинул к кровати стул и сел, глядя на своего наставника и слушая, как тот дышит. Немного погодя Баст протянул руку и отвел с лица растрепанную рыжую прядь, как мать уснувшему ребенку. И тихонько запел на приятный и непривычный мотив как будто колыбельную:

Вот смертный загорелся ясно
И гаснуть стал день ото дня,
Лучиной служит дух прекрасный
Для ненасытного огня.
Ах, если б уберечь я мог
Дрожащий этот огонек!..

Голос Баста звучал все тише, пока, наконец, он не остался сидеть неподвижно. Так он и провел долгие часы предра-светной мглы, глядя на то, как беззвучно вздымается и опа-дает грудь его наставника.

Глава 6

Цена воспоминаний

Уже близился вечер следующего дня, когда Хронист, наконец, спустился в общий зал трактира «Путеводный камень». Он был бледен, нетвердо стоял на ногах и держал под мышкой плоский кожаный портфель.

Коут сидел за стойкой и листал книгу.

– А, вот и наш нечаянный гость! Как голова?

Хронист поднял руку, пощупал затылок:

– Слегка побаливает при резких движениях. Но все-таки работает.

– Рад слышать, – сказал Коут.

– Это... – Хронист запнулся, огляделся по сторонам. – Это же Никде?

Коут кивнул:

– Ну да. На самом деле, вы фактически находитесь посреди Никде. – Он сделал величественный жест. – Процветающее поселение! Здесь живут буквально десятки людей!

Хронист уставился на рыжеволосого человека за стойкой. И оперся на один из столов, чтобы не упасть.

– Обугленное тело Господне! – беззвучно выдохнул он. – Это же действительно вы, да?

Трактирщик, похоже, был озадачен.

– Прошу прощения?

– Ну да, я понимаю, вы будете все отрицать, – сказал Хронист. – Но то, что я видел этой ночью...

Трактирщик вскинул руку, перебив его:

– Прежде чем мы обсудим вероятность того, что вы помутились рассудком от трещины в черепе, скажите мне, какова дорога до Тинуэ?

– Что-что? – раздраженно переспросил Хронист. – Не собирался я ни в какой Тинуэ! Я... Ох. Ну, дорога неприятная, даже если не считать прошлой ночи. Меня ограбили не доходя Эбботсфорда, и с тех пор я иду пешком. Но все это того стоило, поскольку вы действительно здесь.

Книжник взглянул на меч, висящий над стойкой, и втянул в себя воздух. Лицо у него сделалось несколько встревоженным:

– Имейте в виду, я тут не затем, чтобы причинить вам какие-то неприятности. И вовсе не потому, что за вашу голову назначена награда! – Он слабо улыбнулся. – Конечно, я бы в любом случае не мог рассчитывать причинить вам серьезные неприятности...

– Ладно! – перебил трактирщик, вытащил белую тряпицу и принялся протирать стойку. – И кто же вы такой?

– Ну, можете звать меня просто Хронистом.

– Я не спрашивал, как вас звать, – сказал Коут. – Имя ваше как?

– Деван. Деван Локхис.

Коут бросил полировать стойку и поднял глаза:

– Локхис? Так вы в родстве с герцогом... – Коут остановился на полуслове и кивнул сам себе: – Ну да, конечно. Вы не просто хронист, вы тот самый Хронист. – Он пристально посмотрел на лысеющего мужчину, смерил его взглядом: – Ну надо же! Сам великий мастер разоблачений...

Хронист слегка успокоился, явно довольный тем, что его репутация его опережает.

– Я вовсе не старался вас запутать. Я уже много лет не называю себя Деваном. Давно отказался от этого имени... – Он многозначительно взглянул на трактирщика: – Полагаю, вы представляете, что это такое...

Коут проигнорировал невысказанный вопрос.

– Я вашу книгу читал много лет тому назад. «Брачные повадки дракка обыкновенного». Для молодого человека, чья голова забита сказками, это было настоящее откровение. – Он опустил взгляд и снова принялся натирать стойку белой тряпицей. – Надо признаться, я был весьма разочарован тем, что драконов не существует. Для юноши это был тяжелый урок.

Хронист улыбнулся:

– По правде сказать, я и сам был слегка разочарован. Отправился на поиски легенды, а нашел какую-то ящерицу. Удивительную ящерицу, и все-таки не более, чем ящерицу.

– И вот вы здесь, – сказал Коут. – Приехали доказать, что меня не существует?

Хронист нервно хохотнул:

– Ну что вы! Видите ли, до нас дошли слухи...

– «До нас»? – перебил Коут.

– Я странствовал вместе с вашим старым знакомым. Скарпи.

– Под крылышко вас взял, значит? – сказал Коут сам себе. – Ну надо же... Ученик Скарпи!

– Ну, скорее коллега...

Коут кивнул. Лицо у него оставалось непроницаемым.

– Мне следовало предвидеть, что он найдет меня раньше всех. Вы же оба профессиональные разносчики слухов.

Улыбающееся лицо Хрониста несколько вытянулось, и он проглотил первое, что пришло ему на язык. Некоторое время он боролся с собой, пытаясь вернуть себе невозмутимость.

– Ну-с, и чем могу служить? – Коут отложил чистую белую тряпицу и улыбнулся своей самой радушной трактирщицкой улыбкой. – Покушать или выпить желаете? Комнату для ночлега?

Хронист замялся.

– Чего у меня только нет! – Коут широким жестом указал на стойку. – Выдержанного вина, мягкого и светлого? Медовухи? Темного эля? Сладкого фруктового ликера? Вот слива, вот вишня, вот зеленое яблоко, вот ежевика, – Коут по очереди указывал на бутылки. – Ну же, уж чего-нибудь вы да хотите?

Пока он говорил, его улыбка становилась все шире, мало-помалу из радушной улыбки трактирщика превращаясь в хищный оскал. Глаза у него сделались холодные, колющие и злые.

Хронист отвел взгляд:

– Ну, я думал...

– Думали вы! – насмешливо бросил Коут, уже не делая вид, будто улыбается. – Ага, как же! Иначе вы могли бы подумать, – он подчеркнул последнее слово, – о том, какой опасности вы меня подвергаете, явившись сюда!

Хронист залился краской.

– А я слышал, будто Квоут ничего не боялся! – с жаром сказал он.

Трактирщик пожал плечами:

– Ничего не боятся только священники да глупцы. А у меня никогда не было особенно теплых отношений с Господом.

Хронист нахмурился, понимая, что его нарочно стараются задеть.

– Послушайте, – продолжал он спокойным тоном, – я вел себя чрезвычайно осторожно. О том, что я еду сюда, не знал никто, кроме Скарпи. Я про вас никому не говорил. Да я вообще не рассчитывал вас найти!

– Ну, утешили так утешили! – ядовито сказал Коут.

Хронист, явно обескураженный, сказал:

– Я первый готов признать, что мой приезд, возможно, был ошибкой...

Он сделал паузу, давая Коуту возможность возразить. Коут промолчал. Хронист коротко, судорожно вздохнул и продолжал:

– Однако же сделанного не вернуть. Вы не могли бы хотя бы теоретически...

Коут покачал головой:

– Это было давным-давно...

– Да еще и двух лет не прошло! – возразил Хронист.

– ...И я уже не тот, кем был, – без заминки продолжал Коут.

– И кем же вы тогда были?

– Квоутом, – коротко ответил трактирщик, не давая втянуть себя в дальнейшие рассуждения. – А теперь я Коут. У меня, вот, трактир. Пиво по три шима, отдельный номер – медная монета. – И снова принялся яростно полировать стойку. – Как вы сами сказали, сделанного не вернуть. Ну а легенды сами о себе позаботятся.

– Но...

Коут поднял взгляд, и на миг Хронист сумел заглянуть глубже гнева, что сверкал на поверхности его глаз. На миг он увидел скрытую под ним боль, кровавую, точно рана, – слишком глубокая, чтобы зажить. Потом Коут отвел глаза, и остался только гнев.

– Ну и что же вы мне можете предложить такого, что было бы сопоставимо с ценой воспоминаний?

– Все же думают, что вы умерли.

– Так вы что, до сих пор не поняли? – Коут покачал головой, не зная, то ли смеяться, то ли сердиться. – В этом-то и весь смысл! Если ты мертв, тебя перестанут искать. Старые враги не будут пытаться свести счеты. И никто не явится к тебе за легендами! – едко добавил он.

Однако Хронист не сдавался:

– Есть люди, которые утверждают, будто вы – миф.

– А я и есть миф, – беспечно сказал Коут с театральным жестом. – Такой особенный миф, который творит себя сам. Самые лучшие ложные сведения обо мне – это те, что придумал я сам.

– Они утверждают, будто вас никогда и не было, – мягко поправил Хронист.

Коут небрежно пожал плечами, его улыбка слегка поувяла.

Нащупав слабое место, Хронист продолжал:

– В некоторых историях вас изображают не более чем хладнокровным убийцей.

– Это тоже правда. – Коут повернулся и принялся протирать полку за стойкой. Он снова пожал плечами, уже не так беспечно, как прежде. – Мне случалось убивать и людей, и существа, которые были больше, чем люди. Все они этого заслуживали, все до единого.

Хронист медленно покачал головой.

– В этих историях говорится не о герое, а об убийце, наемном убийце. Квоут Мистический и Квоут Убийца Короля

– два очень разных человека.

Коут бросил протирать полку и повернулся спиной к залу. Он кивнул, не поднимая глаз.

– Некоторые говорят даже, будто это появился новый чандриан. Еще один ночной кошмар. И что волосы у него красны, как кровь, которую он проливает.

– Ну, все, чье мнение имеет значение, понимают разницу, – сказал Коут так, будто пытался убедить себя самого, однако голос у него звучал устало и безнадежно, и особой убежденности там не было.

Хронист хмыкнул:

– Ну да. Пока что. Но вам ли не знать, как тонка грань между истиной и убедительной ложью? Между историей и занятой байкой? – Хронист помолчал, чтобы дать Коуту время осознать его слова. – И вы знаете, что из них возьмет верх со временем.

Коут так и стоял лицом к стенке, положив руки на полку. Голова у него была слегка опущена, как будто на плечи ему лег тяжкий груз. Он молчал.

Хронист почуял победу и нетерпеливо шагнул вперед:

– Говорят еще, будто была какая-то женщина...

– Да что они могут знать? – голос Коута пробирал, точно звук пилы, впивающейся в кость. – Что они могут знать о случившемся?..

Он сказал это так тихо, что Хронисту пришлось затаить дыхание, чтобы его расслышать.

– Говорят, будто она... – Слова Хрониста застряли в его внезапно пересохшем горле.

В комнате сделалось неестественно тихо. Коут стоял спиной к комнате, тело его застыло и напряглось, стиснутые зубы удерживали жуткое молчание. Его правая рука, опутанная чистой белой тряпицей, медленно сжималась в кулак.

В восьми дюймах от него лопнула бутылка. Запахло земляникой, зазвенело разбитое стекло. Негромкий шум для такого огромного безмолвия, но его хватило. Молчание разлетелось на мелкие, острые осколки. Хронист похолодел, внезапно осознав, что за опасную игру он затеял. «Вот тебе разница между тем, чтобы рассказывать историю, и тем, чтобы в ней участвовать, – в оцепенении подумал он. – Разница в страхе».

Коут обернулся.

– Да что хоть кто-то из них может знать о ней? – вполголоса спросил он. Хронист увидел лицо Коута, и у него перехватило дыхание. Безмятежная физиономия трактирщика выглядела как разбитая маска. Подлинное лицо Коута под ней было затравленным, и взгляд был наполовину отсутствующий – он смотрел в никуда, в воспоминания.

Хронист поневоле вспомнил слышанную им историю. Одну из многих. Историю о том, как Квоут отправился искать свое заветное желание. Ему пришлось одурочить демона, чтобы заполучить то, что он искал. Но, когда оно оказалось уже у него в руках, ему пришлось сразиться с ангелом, чтобы

оставить его себе. «Я в это верю, – невольно подумал Хронист. – Раньше я думал, что это всего лишь сказка, но теперь я могу в это поверить. Это лицо человека, который убил ангела».

– И что хоть кто-то из них может знать обо мне? – осведомился Коут. В его голосе звучал застывший гнев. – Что могут они знать обо всем этом? – Он сделал резкий, яростный жест, как будто указывая на все вокруг: и на разбитую бутылку, и на стойку, и на весь мир.

Хронист сглотнул, борясь с пересохшим горлом:

– Только то, что им расскажут.

Кап. Кап. Кап-кап... Ликер из разбитой бутылки закапал на пол, выбивая неровный ритм.

– А-га-а-а! – выдохнул Коут. Кап-кап. Кап-кап. Кап. – Ум-но-о! Вы хотите использовать против меня мою любимую уловку. Вы взяли в заложники мою историю.

– Ну, я бы рассказал правду.

– Ничто, кроме правды, меня и не сломит. Что может быть тверже правды?

По его лицу пробежала вялая насмешливая улыбочка. Довольно долго лишь негромкий перестук капель по полу не давал безмолвию окутать их снова.

Наконец Коут ушел в дверь за стойкой. Хронист остался неловко стоять посреди пустого зала, не понимая, то ли пора уходить, то ли все-таки нет.

Несколько минут спустя Коут вернулся с ведром мыльной

воды. И, не глядя в сторону повествователя, принялся бережно, методично мыть свои бутылки. Коут брал их по одной, старательно протирал доньшко от земляничного вина и выставлял на стойку между собой и Хронистом, как будто хотел ими отгородиться.

– Так значит, вы отправились искать миф – и нашли человека, – монотонным голосом сказал он, не поднимая глаз. – Наслушались историй и теперь желаете знать, как все было на самом деле.

Хронист, исполнившись облегчения, положил свой портфель на один из столов, с удивлением обнаружив, что руки у него немного дрожат.

– Некоторое время назад мы прослышали о вас. Слухи были весьма смутные. Я, на самом деле, даже не рассчитывал... – Хронист запнулся, ему вдруг сделалось неловко. – Я думал, вы окажетесь старше...

– Я старше, – ответил Коут. Хронист озадачился было, но спросить ничего не успел – трактирщик продолжал: – И что же привело вас в это никчемное захолустье?

– Встреча с графом Бейдн-Бритским, – ответил Хронист, слегка напыжась. – Через три дня, в Трейе.

Трактирщик остановился, тряпка повисла в воздухе.

– Что, вы рассчитываете добраться до графского поместья за четыре дня? – тихо спросил он.

– Я опаздываю, – признался Хронист. – У меня лошадь украли недалеко от Эбботсфорда. – Он взглянул в окно на

темнеющее небо. – Но я, так и быть, готов поступиться сном. Утром я уеду и избавлю вас от своего присутствия.

– Ну что вы, я не собираюсь мешать вам спать, – ехидно ответил Коут, и глаза у него снова сделались жесткими. – Всю свою историю я могу рассказать на одном дыхании. – Он откашлялся и выпалил: – «Кочевал, скитался, любил, терял, доверял и был предан». Запишите слово в слово и сожгите – все равно от этого никакого толку.

– Ну зачем же так-то? – поспешно возразил Хронист. – Мы можем просидеть всю ночь, если вам угодно. И еще часть утра захватить.

– Как это любезно! – огрызнулся Коут. – То есть вы хотите, чтобы я рассказал вам свою историю за один вечер? Не успев даже собраться с мыслями? Не успев подготовиться? – Губы у него стянулись в ниточку: – Не надо. Ступайте к вашему графу. Я на такое не пойду.

– Если вы уверены, что вам потребуется... – торопливо сказал Хронист.

– Да, я уверен! – Коут со стуком поставил бутылку на стойку. – Могу сразу сказать, что времени мне потребуется намного больше. И нынче вечером я ничего рассказывать не стану. Настоящая история требует времени на подготовку.

Хронист нервно нахмурился, взъерошил волосы:

– Ну, я мог бы потратить на вашу историю завтрашний день... – Он осекся, увидев, что Коут качает головой. Помолчав, он заговорил снова, почти что сам с собой. – Если я

найду в Бейдне лошадь, я мог бы уделить вам весь завтрашний день, большую часть ночи и часть завтрашнего дня. – Он потер лоб. – Терпеть не могу ездить ночью, но...

– Мне потребуется три дня, – сказал Коут. – В этом я совершенно уверен.

Хронист побледнел:

– Но... граф же!

Коут только рукой махнул.

– Три дня никому не требуется, – твердо сказал Хронист. – Я с Ореном Велсайтером беседовал. С самим Ореном Велсайтером, понимаете? Старику восемьдесят, а подвигов он совершил на все двести. А то и на пятьсот, если считать враки. Он сам меня разыскал, – подчеркнул Хронист. – И то всего два дня ушло.

– Ничего другого предложить не могу, – невозмутимо сказал трактирщик. – Либо как следует, либо никак.

– Постойте-ка! – Хронист вдруг просветлел лицом. – Как же я сразу-то не сообразил! Надо сделать все наоборот! – сказал он и покачал головой, удивляясь собственной глупости. – Сейчас я съезжу к графу, а потом вернусь сюда. И тогда можете рассказывать сколько вашей душе угодно. Могу даже Скарпи с собой захватить!

Коут посмотрел на Хрониста с глубочайшим презрением.

– А что, собственно, заставляет вас предположить, будто я непременно буду здесь, когда вы вернетесь? – скептически осведомился он. – И, кстати, с чего вы взяли, будто можете

спокойно взять и уйти отсюда, зная то, что вам известно?

Хронист так и застыл:

– В-вы... – Он сглотнул и начал снова:

– Вы хотите сказать, что...

– На рассказ уйдет три дня, – перебил Коут. – Начинаем завтра. Больше я ничего сказать не хочу.

Хронист зажмурился и провел рукой по лицу. Граф, конечно же, будет в ярости. И неизвестно, чего потом будет стоить снова добиться его расположения. Но...

– Если это единственный способ, то я согласен.

– Рад слышать. – Трактирщик успокоился и слегка улыбнулся: – Послушайте, а что, три дня – это действительно так необычно?

Хронист вновь сделался серьезен:

– Три дня – это весьма необычно. Но, с другой стороны... – и сомнения у него как-то поубавилось, – с другой стороны, – он махнул рукой, словно показывая, что слова тут бесполезны, – вы все-таки Квоут.

Человек, называвший себя Коутом, выглянул из-за своих бутылок. На губах у него играла широкая, искренняя улыбка. В глазах вспыхнула искорка. Он словно бы сделался выше ростом.

– Ну да, я все-таки Квоут, – сказал Квоут, и его голос зазвенел железом.

Глава 7

О начале и именах вещей

В окна «Путеводного камня» лился солнечный свет. Свет был прохладный и свежий – самое оно для начала дела. Он мимоходом коснулся мельника, пускающего воду на колесо. Озарил кузницу, где кузнец, четыре дня проработав с холодным металлом, разжигал, наконец, горн. Осветил ломовых лошадей, запряженных в фургоны, и наточенные, готовые к работе серпы, сверкающие в начале осеннего дня.

В «Путеводном камне» свет наискосок озарил лицо Хрониста, и это было начало, чистый лист, ожидающий первых слов истории. Свет затопил стойку, рассыпался тысячей крохотных радужных начал, отразясь от разноцветных бутылок, и взобрался на стенку, к мечу, словно разыскивая одно, окончательное, начало.

Однако, когда свет коснулся меча, никакого начала видно не было. На самом деле свет, отразившийся от меча, сделался тусклым, начищенным и древним-преддревним. Хронист поглядел на него и сразу вспомнил, что, хотя день только начинается, осень уже заканчивается и с каждым днем подступают холода. Меч сиял знанием о том, что рассвет – это лишь крохотное начало на фоне конца сезона и конца года.

Хронист отвел взгляд от меча – он понял, что Квоут толь-

ко что что-то сказал, но что именно – он не расслышал.

– А как люди обычно рассказывают свои истории? – спросил Квоут.

Хронист пожал плечами:

– По большей части попросту говорят мне все, что они помнят. А я потом записываю события в правильном порядке, убираю лишнее, проясняю, упрощаю и все такое.

Квоут нахмурился:

– Нет, думаю, так не пойдет.

Хронист осторожно улыбнулся:

– Ну да, с умелыми рассказчиками все иначе. Они предпочитают, чтобы их истории излагали как есть. Однако они кроме того предпочитают, чтобы их внимательно слушали. Так что я обычно сижу и слушаю, а записываю после. У меня почти идеальная память.

– «Почти идеальная» меня не вполне устраивает, – Квоут прижал палец к губам. – А насколько быстро вы можете писать?

Хронист понимающе улыбнулся:

– Быстрее, чем человек может говорить.

Квоут вскинул бровь:

– Хотел бы я на это посмотреть!

Хронист открыл портфель. Достал стопку хорошей белой бумаги и пузырек чернил. Аккуратно разложил все на столе, обмакнул перо в чернила и выжидательно посмотрел на Квоута.

Квоут подался вперед и быстро произнес:

– Аз есмь. Они суть. Она есть. Он был. Они будут.

Перо Хрониста забегало по бумаге. Квоут внимательно следил за ним.

– Я, Хронист, сим удостоверяю, что не умею ни читать, ни писать. Герундий. Отсутствующий. Галка. Кварцит. Интерференция. Трагокуздрение. Лхин та лу сорен хеа. «Молодая вдова из Суральо всюду славилась строгой моралью, часто в церковь ходила, но, увы, угодила...» – Квоут еще сильнее подался вперед, глядя, как Хронист пишет. – Интересно... Ладно, хватит пока.

Хронист снова улыбнулся и протер перо тряпицей. На лежащем перед ним листе красовалась одна-единственная строка непонятных символов.

– Шифр какой-то? – вслух спросил Квоут. – Да еще как аккуратно написано... Могу поручиться, вы нечасто портите бумагу! – Он развернул лист к себе, чтобы получше рассмотреть написанное.

– Я ее никогда не порчу! – надменно ответил Хронист.

Квоут кивнул, не поднимая головы.

– А что значит «трагокуздрение»? – спросил Хронист.

– М-м? А-а! Да ничего. Только что придумал. Просто хотел посмотреть, запнетесь ли вы на незнакомом слове.

Он потянулся, подвинул свой стул поближе к Хронисту.

– Ну ладно, объясните мне, как это читается, и можем начинать.

Хронист замялся:

– Но это же очень сложно... – Он увидел, как нахмурился Квоут, и вздохнул: – Ну, я попробую.

Хронист набрал в грудь побольше воздуха и принялся записывать строчку символов, одновременно объясняя:

– В речи мы используем всего примерно пятьдесят звуков. Каждый из звуков я обозначил символом, состоящим из одного или двух штрихов. Это все звуки. Я, в принципе, мог бы записать текст на языке, которого я вообще не понимаю. – Он указал на страницу. – Вот это – различные гласные.

– Все вертикальные штрихи, – сказал Квоут, пристально вглядываясь в строку.

Хронист запнулся, сбившись с мысли.

– Н-ну... да.

– А согласные, значит, горизонтальные, да? А сочетаются они, видимо, вот так?

Квоут взял перо и написал несколько собственных знаков.

– Хитро! То есть на каждое слово требуется не больше двух-трех...

Хронист молча смотрел на Квоута.

Квоут этого даже не заметил: он был полностью поглощен надписью.

– Если вот это – «аз», значит, вот это – звук «а», – он перешел к тому, что написал Хронист. – Ага, это «э», «о», «и», «у», а это, стало быть, «ы». – Квоут кивнул сам себе и вернул перо Хронисту: – Согласные покажите, пожалуйста.

Хронист послушно принялся писать согласные, называя соответствующие звуки. Через некоторое время Квоут отобрал перо и закончил ряд сам, попросив ошарашенного Хрониста поправить его там, где он ошибется.

Хронист молча смотрел и слушал, пока Квоут дописывал ряд. От начала до конца весь процесс занял минут пятнадцать. Квоут нигде не ошибся.

– Великолепная система, чрезвычайно емкая! – одобрил Квоут. – Очень логичная. Сами придумали?

Хронист долго молчал, не отрывая глаз от рядов символов, написанных на лежащем перед Квоутом листе. Потом, наконец, спросил, как будто не слышал вопроса Квоута:

– Это правда, что вы выучили темью всего за день?

Квоут слегка улыбнулся и отвел глаза:

– О, это старая история, я ее почти и забыл! Вообще-то за полтора. Полтора дня, и бессонную ночь. А почему вы спрашиваете?

– Я про это слышал в университете. Не поверил, конечно... – Он посмотрел на страницу со своим шифром, записанным аккуратным почерком Квоута. – Всю?

Квоут, похоже, был озадачен.

– Что-что?

– Вы выучили весь язык целиком?

– Ой ну что вы! Нет, конечно, – с раздражением ответил Квоут. – Только часть. Значительную часть, это да, но все равно, как можно что-то выучить целиком, тем более язык? –

Квоут потер руки. – Ну что, готовы?

Хронист потряс головой, словно приводя мысли в порядок, взял новый лист бумаги и кивнул.

Квоут поднял руку, давая Хронисту понять, что писать пока не надо, и сказал:

– Я эту историю никогда прежде не рассказывал и сомневаюсь, что когда-нибудь расскажу ее еще раз. – Квоут подался вперед. – Прежде чем мы начнем, хочу вам напомнить, что я – из эдема руэ. Мы рассказывали истории еще до сожжения Калуптены. Еще до того как появились книги, в которых истории стали записывать. Еще до того как появилась музыка, которую играют. Когда загорелся первый костер, мы, руэ, уже сидели там и плели рассказы в кругу его неровного света.

Квоут кивнул книжнику:

– Мне известна ваша репутация: вы мастер собирать истории и описывать события. – Взгляд Квоута сделался жестким, как кремь, и колючим, как битое стекло: – Так вот, несмотря на это – не вздумайте менять ни слова в моем рассказе! И если вдруг покажется, что я запутался или сбился, помните, что настоящие истории никогда не ходят самой короткой дорогой.

Хронист торжественно кивнул: он все пытался вообразить себе этот ум, который сумел разобраться в его шифре за долю часа. Ум, способный выучить новый язык за сутки.

Квоут мягко улыбнулся и обвел взглядом зал, как будто

стараясь его запомнить. Хронист обмакнул перо в чернила, Квоут опустил взгляд на свои скрещенные руки и сидел молча столько времени, сколько требуется, чтобы сделать три глубоких вдоха.

А потом заговорил.

– Некоторым образом, все началось с того, как я услышал ее пение. Ее голос звенел, сплетаясь с моим собственным. Ее голос был словно портрет ее души: неукротимой, как пламя, колючей, как осколки стекла, сладкой и свежей, как клевер.

Квоут покачал головой:

– Хотя нет. Началось все в университете. Я пришел туда учиться магии, такой, о которой рассказывают в историях. Магии Таборлина Великого. Я хотел узнать имя ветра. Я хотел огонь и молнию. Я хотел получить ответы на десять тысяч вопросов и доступ в их архивы. Но я обнаружил, что университет имеет мало общего с историями, и был страшно разочарован.

Хотя, пожалуй, на самом деле все начинается с того, что привело меня в университет. Внезапные огни в сумерках. Человек с глазами как лед на дне колодца. Запах крови и паленого волоса. Чандрианы...

Он кивнул сам себе:

– Да-да. Полагаю, с этого все и началось. Во многом это история о чандрианах.

Квоут потряс головой, словно избавляясь от каких-то

мрачных мыслей.

– Но, видимо, начать следует даже раньше. Если уж это должно быть нечто вроде книги моих деяний, торопиться мне некуда. Стоит потрудиться, чтобы меня запомнили не обязательно исключительно с хорошей стороны, но хотя бы более или менее точно.

Но что сказал бы мой отец, если бы услышал, как я рассказываю историю таким образом? «Начни с начала». Ну хорошо, уж рассказывать так рассказывать!

Квоут подался вперед:

– Насколько я знаю, в начале Алеф соткал мир из безымянной пустоты и дал имена всему сущему. Ну, или обрел имена, которыми все сущее обладало изначально, это зависит от версии истории.

Хронист позволил себе слегка усмехнуться, однако не поднял взгляд от страницы и не перестал писать.

Квоут и сам улыбнулся и продолжал:

– Я вижу, вы смеетесь. Ну хорошо, для простоты предположим, что аз есмь центр мироздания. Поэтому опустим кучу нудных лишних подробностей: эпосы о возникновении и падении империй, саги о подвигах, баллады о трагической любви. И сразу перейдем к единственной повести, которая действительно имеет значение.

Его улыбка стала шире.

– Моей!

Зовут меня Квоут. Имена – важная вещь, они многое говорят о человеке. Я же получил куда больше имен, чем кто-либо имеет право носить.

Адемы зовут меня «Маэдре». В зависимости от произношения, это может означать «пламя», «гром» или «сломанное дерево».

Ну, «пламя» – это понятно, достаточно на меня посмотреть. У меня рыжие, огненно-рыжие волосы. Родись я пару веков назад, меня бы, наверное, сожгли, как демона. Я стригусь коротко, но растут они вихрами. И, если дать им волю, они начинают торчать во все стороны, так что у меня и впрямь такой вид, как будто я охвачен пламенем.

«Гром» – это, пожалуй, из-за мощного баритона, в детстве меня много готовили к сцене.

«Сломанное дерево» никогда не казалось мне чем-то особенно важным. Однако, оглядываясь назад, я могу предположить, что это значение оказалось пророческим, хотя бы отчасти.

Мой первый наставник прозвал меня «Э-лир», потому что я был толковый и знал это. Моя первая настоящая любовница прозвала меня «Дулатор», потому что ей нравилось, как это звучит. Еще меня называли «Шадикар», «Легкая рука» и «Шестиструнный». Звали меня «Квоут Бескровный», «Квоут Мистический», «Квоут Убийца Короля». Все эти имена мною заслужены. Куплены и оплачены.

Но в детстве меня звали Квоутом. Отец однажды объяс-

нил, что это имя означает «знающий».

Ну, конечно, меня еще по-всякому называли. В большинстве случаев – невпопад, хотя не сказать чтобы незаслуженно.

Мне доводилось воровать принцесс у королей, спящих в курганах. Я сжег городок Требон. Я провел ночь с Фелуриан и возвратился живым и в своем уме. Меня выгнали из университета в том возрасте, когда большинство людей только собираются туда поступать. Я бродил при луне дорогами, о которых другие страшатся говорить даже среди бела дня. Я беседовал с богами, любил женщин, писал песни, от которых менестрели плачут.

Возможно, вы обо мне что-то слышали.

Глава 8

Воры, еретики и шлюхи

Если эта история должна хоть отчасти быть похожа на книгу моих деяний, начать следует с начала. С того, кто я и что я на самом деле. А для этого вам следует помнить, что, прежде чем сделаться кем бы то ни было еще, я был одним из эдема руэ.

Вопреки распространенному мнению, отнюдь не все странствующие актеры – эдема руэ. Моя труппа не была толпой оборванцев, которые паясничают на перекрестках ради нескольких пенни и поют песни, чтобы не лечь спать без ужина. Мы были придворные актеры, люди лорда Грейффеллоу. Для большинства городков наш приезд был более важным событием, чем праздник средьзимья и солинадские игры, вместе взятые. Наша труппа обычно путешествовала как минимум на восьми фургонах и включала более двух десятков артистов: актеров и акробатов, музыкантов и фокусников, жонглеров и шутов – мою семью.

Отец мой был лучшим актером и музыкантом, чем все, кого вы видели в своей жизни. У матери моей был прирожденный дар слова. Оба они были очень хороши собой, черноволосые и смешливые. Они были руэ до мозга костей и, в общем, этим все сказано.

Ну, если не считать того, что мать моя, прежде чем войти в труппу, была из знати. Она мне рассказывала, что отец выманил ее из «жуткого, унылого ада» сладкими песнями и еще более сладкими речами. Я мог только предположить, что она имела в виду Три Перекрестка, – мы туда ездили навещать родственников, когда я был совсем маленький. Один раз.

Родители мои так никогда и не поженились по-настоящему – я имею в виду, они так и не дали себе труда официально благословить свои отношения в какой-нибудь церкви. Меня это ничуть не смущает. Друг друга они считали мужем и женой и не видели особого смысла сообщать об этом властям или Богу. Я уважаю их выбор. Сказать по правде, они выглядели куда счастливее и были куда более верны друг другу, чем многие официально женатые пары, которые я повидал с тех пор.

Нашим покровителем был барон Грейффеллоу, и его имя открывало многие двери, которые, как правило, для эдемаруэ закрыты. За это мы носили его цвета – зеленое и серое – и заботились о его репутации, куда бы мы ни приходили. Раз в год мы проводили два оборота в его имении, развлекая его и его домашних.

Это было счастливое детство. Я рос как будто посреди вечной ярмарки. Во время долгих перегонов между городами отец, бывало, читал мне всякие знаменитые монологи. Читал он в основном по памяти, и голос его разносился над дорогой на четверть мили. Помню, как сам я читал вслух,

подыгрывая ему за второстепенных персонажей. Особенно выразительные отрывки отец предлагал мне прочесть самому, и я научился любви к хорошему слову.

Вдвоем с матерью мы сочиняли песенки. А то еще, бывало, родители разыгрывали романтические диалоги, а я следил за ними по книжке. Для меня это тогда было все равно что игра. Я не понимал, что меня таким образом, исподволь обучают ремеслу.

Ребенком я был любопытным: задавал много вопросов и горел желанием учиться. Поскольку учителями у меня были актеры да акробаты, неудивительно, что я так и не привык бояться уроков, как большинство детей.

Дороги в те дни были куда менее опасны, однако же люди осмотрительные предпочитали путешествовать вместе с нашей труппой, так оно вернее. И они пополняли мое образование. Я нахватался знаний о законах Содружества у бродячего адвоката, который то ли слишком много пил, то ли слишком важничал, чтобы отдавать себе отчет, что читает лекции восьмилетнему мальчишке. Искусству следопыта меня научил охотник по имени Лаклит, который путешествовал с нами почти целое лето.

Про грязные интриги королевского двора я узнал в Модеге от... куртизанки. Как говаривал мой отец, «Шуку всегда называй шукой. Лопату – лопатой. Но шлюху всегда называй «леди». Жизнь у них и без того несладкая, а вежливость еще никому не повредила».

От Гетеры слегка пахло корицей, и в девять лет она почему-то завораживала мое воображение, хотя я и не понимал почему. Она научила меня никогда не делать наедине того, чего я не хотел бы вынести на публику, и предупреждала, чтобы я старался не разговаривать во сне.

Ну и еще был Абенти, мой первый настоящий учитель. Он научил меня большему, чем все остальные, вместе взятые. Если бы не он, я никогда бы не стал тем, кто я есть.

Прошу вас, не вините его за это. Он хотел как лучше.

– Проезжайте-ка дальше, – сказал мэр. – Встаньте за околицей, и никто вас не потревожит, если только вы не станете затевать драк и тащить то, что не ваше. – Он многозначительно взглянул на моего отца. – А завтра отправляйтесь своим веселым путем. Представлений нам тут не надо. От них больше неприятностей, чем они того стоят.

– У нас лицензия есть, – сказал отец, доставая из внутреннего кармана куртки сложенный лист пергамента. – Нам, вообще-то, положено давать представления.

Мэр покачал головой и даже не взглянул на наше письмо о покровительстве.

– От этого люди буянить начинают, – твердо сказал он. – В прошлый раз произошла безобразная свара прямо во время представления. Перепились, перевозбудились... Ребята вышибли двери в городском зале и расколотили столы. А зал-то, между прочим, общественный. Чинить-то потом городу.

Расходы-то какие!

К этому времени наши фургоны уже начали привлекать внимание. Трип жонглировал потихоньку. Марион с женой разыгрывали импровизированное представление марионеток. Я наблюдал за отцом из глубины нашего фургона.

– Мы, конечно, не собираемся причинять обид ни вам, ни уж тем более покровителю вашему, – сказал мэр. – Просто наш город не может себе позволить еще одного подобного вечера. В качестве жеста доброй воли я готов вам предложить по медяку на брата – скажем, двадцать пенни – просто за то, что вы поедете своей дорогой и нам тут никаких неприятностей чинить не станете.

А надо понимать, что для каких-нибудь беспризорных оборванцев, живущих впроголодь, двадцать пенни действительно большие деньги, но для нас это было просто оскорбительно. Ему следовало бы заплатить нам сорок за вечернее представление, предоставить в наше распоряжение городской зал, приличный ужин и ночлег в трактире. Ну, от ночлега бы мы, конечно, вежливо отказались: у них там наверняка клопы и блохи, а у нас в фургонах постели чистые.

Возможно, отец был удивлен или оскорблен, но, если так, виду он не подал.

– Собираемся! – крикнул он через плечо.

Трип без особых церемоний рассовал свои камушки по карманам. Марионетки остановились на полушаге и исчезли в коробках. Несколько десятков горожан разочарованно

взвыли. Мэр вздохнул с облегчением, достал кошелек и вынул два серебряных пенни.

– Непременно расскажу барону о вашей щедрости, – уклончиво сказал мой отец, когда мэр положил деньги ему в руку.

Мэр застыл, не закончив движения:

– Барону?

– Барону Грейфеллоу. – Отец помолчал, выжидая, когда на лице мэра мелькнет искорка понимания. – Владыке восточных болот, Худумбрана-на-Тирене и Видеконтских холмов. – Отец окинул взглядом горизонт: – Мы же все еще в Видеконтских холмах, да?

– Ну да, – протянул мэр, – но сквайр Семелан...

– А, так мы в землях Семелана! – воскликнул отец, оглядевшись так, будто только теперь сообразил, где находится. – Худощавый такой господин с аккуратной бородкой? – Он потер пальцами подбородок.

Мэр молча кивнул.

– Славный малый, чудный певческий голос. Я с ним встречался прошлой зимой, когда мы занимали барона на средь-зимье.

– Ах да, конечно. – Мэр сделал многозначительную паузу. – Разрешение ваше посмотреть можно?

Я следил за мэром, пока он читал письмо. Времени на чтение ушло довольно много: отец не потрудился упомянуть большую часть бароновых титулов, таких, как виконт Мон-

тронский и лорд Треллистонский. В общем, суть в следующем: этот городишко и земли вокруг него действительно принадлежали сквайру Семелану, но сам Семелан был вассалом Грейфеллоу. Короче говоря, Грейфеллоу был капитаном корабля, а Семелан палубу драил да честь отдавал.

Мэр свернул пергамент и вернул его моему отцу:

– Понятно...

И все. Помню, как я был ошеломлен тем, что мэр не извинился и не предложил отцу больше денег.

Отец тоже помолчал, потом продолжал:

– Город в вашей юрисдикции, сэр. Однако выступать мы все равно будем. Либо здесь, либо прямо за околицей.

– Зала не дам! – твердо сказал мэр. – Не хочу, чтобы его снова разнесли.

– Да мы можем и прямо тут выступить, – отец указал на рыночную площадь. – Места тут достаточно, и за околицу никому выходить не придется.

Мэр замялся, хотя я просто не верил своим ушам. Мы действительно иногда выступали прямо на площади, потому что в городе не было ни одного достаточно просторного зала. Два из наших фургонов нарочно были устроены так, что раскладывались в сцену. Но за все свои одиннадцать лет я мог бы пересчитать по пальцам случаи, когда бы нас нарочно заставляли играть на площади. Ну а уж за околицей мы еще ни разу не играли!

Однако же от этого нас избавили. Мэр наконец кивнул и

жестом подозвал моего отца поближе. Я выскользнул из фургона с другой стороны, подошел поближе и успел расслышать конец фразы:

– Народ-то у нас богобоязненный. Так чтобы ничего вульгарного или там ереси какой. А то с предыдущей труппой, что тут побывала, мы лиха хлебнули сполна: две драки, у людей белье с веревок попропадало, а одна из Брэнстоновых дочек в интересном положении теперь.

Я буквально вышел из себя. Я все ждал, когда же отец с присущей ему язвительностью объяснит этому мэру, в чем разница между простыми бродячими лицедеями и эдема руэ. Мы не ворует. И никогда не допустим, чтобы ситуация настолько вышла из-под контроля, чтобы какие-то пьянчуги разнесли зал, где мы выступаем.

Но отец ничего такого не сказал, только кивнул и вернулся назад к фургону. Он махнул рукой, и Трип вновь принялся жонглировать. Марионетки тоже вынырнули из коробок.

Он обошел фургон и увидел, что я стою, прячась за лосадами.

– Судя по твоему виду, ты все слышал, – сказал он, криво усмехаясь. – Идем, мой мальчик. Он заслуживает высшей оценки – не за любезность, так хоть за честность. Он просто сказал вслух то, что прочие люди думают про себя. А ты как думал, почему, когда мы расходимся по своим делам в большом городе, я велю людям держаться по двое?

Я понимал, что это правда. И все равно, мальчишке про-

глотить такую пилюлю было нелегко.

– Двадцать пенни! – уничтожающе бросил я. – Будто милостыню подал!

Вот что самое трудное в том, чтобы расти одним из эдема руэ. Мы повсюду чужие. Многие видят в нас бродяг и голодранцев, другие считают нас немногим лучше воров, еретиков и шлюх. Когда тебя обвиняют в том, в чем ты невиновен, это нелегко, но еще хуже, когда на тебя смотрят свысока олухи, отродясь не прочитавшие ни единой книги и не бывавшие дальше двадцати миль от места, где родились.

Отец расхохотался и потрепал меня по голове:

– Ты бы лучше пожалел его, мальчик мой! Мы-то завтра уедем своей дорогой, а ему-то до гроба придется жить с самим собой!

– Невежественный пустомеля! – с горечью бросил я.

Отец твердо положил руку мне на плечо, давая понять, что я сказал достаточно.

– Думаю, это оттого, что Атур рядом. Завтра двинемся на юг: там и пастбища зеленее, и народ подорожее, и девушки милее!

Он развернулся в сторону фургона, приложил ладонь к уху и ткнул меня локтем в бок.

– Я все слышу! – пропела матушка из-за стенки. Отец ухмыльнулся и подмигнул мне.

– Ну и что ставить будем? – спросил я у отца. – Ничего вульгарного, имей в виду! Народ-то у них богобоязненный.

Он посмотрел на меня:

– А ты бы что выбрал?

Я крепко задумался.

– Я бы взял что-нибудь из Брайтфилдовского цикла. «Как закалялся путь», что-нибудь вроде этого.

Отец поморщился:

– Так себе пьеса.

Я пожал плечами:

– А они не увидят разницы. К тому же там то и дело Тейлу поминают, тут уж никто не скажет, что пьеса вульгарная. – Я посмотрел на небо: – Главное, чтобы дождь не ливанул посреди представления.

Отец взглянул на тучи:

– Ливанет непременно. Ничего, бывают вещи и похуже, чем играть под дождем.

– Например, играть под дождем и получить плату шимами? – спросил я.

Тут торопливым шагом подошел мэр. Лоб у него блестел от пота, он слегка отдувался, как будто бегом бежал.

– Я тут потолковал кое с кем из совета, и мы решили, что ничего, можете играть и в зале, если хотите.

Языком тела отец владел безукоризненно. Было совершенно очевидно, что он оскорблен, однако вежливость не позволяет ему сказать об этом прямо.

– Я, право, не хотел бы вас обременять...

– Нет-нет, что вы, что вы! На самом деле, я настаиваю!

– Ну хорошо, раз уж вы настаиваете...

Мэр улыбнулся и торопливо удалился.

– Ну-у, чуток получше, – вздохнул отец. – Пояса пока что затягивать не придется.

– По полпенни с головы! Да-да. Кто без головы, проходит задаром! Спасибо, сэр.

На входе стоял Трип. Его дело было следить, чтобы никто не пролез бесплатно.

– По полпенни с головы! Хотя, судя по розовым щечкам вашей дамы, с вас, пожалуй, следовало бы взять как за полторы головы. Хотя это, конечно, не мое дело...

Трип был остер на язык, острее всех в труппе. Так что он лучше всего подходил для работы, где требовалось следить, чтобы никто не попытался отболтаться или проломиться силой. В своем серо-зеленом шутовском трико Трип мог ляпнуть вообще что угодно, и это сошло бы ему с рук.

– Здравсьте, мамочка! Нет, за малого платить не надо, но, если начнет орать, либо сразу дайте ему титьку, либо выйдите с ним из зала.

Трип тараторил не умолкая.

– Да-да, по полпенни. Нет, сэр, пустоголовым скидки не положено!

Смотреть, как работает Трип, можно было до бесконечности, однако мое внимание в основном занимал фургон, въехавший в городок с противоположной стороны четверть ча-

са тому назад. Мэр долго о чем-то препирался со стариком, который им управлял, а потом умчался прочь. Теперь я увидел, как мэр возвращается к фургону в сопровождении здорового дылды с длинной дубинкой – местного констебля, если я не ошибся.

Любопытство взяло надо мной верх, и я принялся пробираться к фургону, стараясь не попадаться на глаза. К тому времени как я подошел достаточно близко, мэр и старик снова спорили. Констебль стоял поблизости, сердитый и встревоженный.

– Я ж вам говорю, нет у меня никакой лицензии! Мне и не нужна лицензия. Что вы, с коробейника лицензию требовать станете? С лудильщика?

– Вы не лудильщик! – заявил мэр. – И не пытайтесь выдать себя за лудильщика!

– Я себя ни за кого выдавать не пытаюсь! – возразил старик. – Я и лудильщик, и коробейник, и много кто еще. Я арканист, дубина вы стоеросовая!

– Вот именно! – упрямо отвечал мэр. – У нас тут народ богобоязненный. И всяких темных сил, которые лучше оставить в покое, нам тут не надо! И всяких неприятностей, которые бывают от вашего брата.

– От нашего брата? – переспросил старик. – Да что вы знаете про нашего брата? В здешних краях небось ни одного арканиста лет пятьдесят не бывало!

– Оно и к лучшему. Поворачивайте-ка оглобли да прова-

ливайте восвояси!

— Ну да, конечно, стану я под дождем ночевать из-за вашей тупоголовости! — с жаром отвечал старик. — На то, чтобы снять комнату или заниматься своим делом на улицах, мне вашего разрешения не требуется. А теперь убирайтесь прочь, а не то воочию увидите, какие неприятности бывают от «нашего брата»!

На лице мэра мелькнул было страх, тут же вытесненный негодованием. Он махнул через плечо констеблю.

— Значит, будете ночевать в кутузке за бродяжничество и угрожающее поведение! А утром отпустим и поедете себе дальше, коли научитесь разговаривать культурно.

Констебль двинулся в сторону фургона, опасливо держа дубинку наготове.

Старик стоял на своем. Он вскинул руку. Передние углы фургона засветились густо-красным светом.

— Не подходите! — угрожающе сказал он. — Не то худо будет!

Сперва я удивился, потом сообразил, что странный свет исходит от пары симпатических ламп, которые старик повесил у себя в фургоне. Мне уже доводилось видеть такую лампу в библиотеке лорда Грейфеллоу. Они ярче газовых, горят ровнее свечей или обычных ламп и к тому же практически вечные. И ужасно дорогие вдобавок. Я мог бы поручиться, что в этом городишке про такие лампы никто и не слыхивал, не говоря уж о том, чтобы видеть своими глазами.

Когда свет начал разгораться, констебль застыл как вкопанный. Но, поскольку больше ничего не произошло, он стиснул зубы и снова направился к фургону.

Лицо у старика сделалось встревоженным.

— Погодите минуточку, — сказал он. Красный свет из фургона начал угасать. — Мы же не хотим, чтобы...

— Захлопни пасть, старый пердун! — рывкнул констебль. Он ухватил арканиста за локоть, как будто руку в печку сушил. Но видя, что ничего не случилось, улыбнулся и осмелел. — Не думай, что я постесняюсь шарахнуть тебя по башке, чтобы ты не творил своих дьявольских шуточек!

— Молодчина, Том! — сказал мэр, буквально исходя облегчением. — Тащи его в кутузку, а потом пошлем кого-нибудь за фургоном.

Констебль ухмыльнулся и заломил старику руку. Арканист согнулся пополам и коротко, болезненно ахнул.

Из своего укрытия мне было хорошо видно, как на лице арканиста тревога сменилась болезненной гримасой, а потом гневом, все в одну секунду. Я увидел, как губы у него шевельнулись.

Вдруг откуда ни возьмись налетел яростный порыв ветра, как будто ни с того ни с сего грянула буря. Ветер качнул фургон старика, он побалансировал на двух колесах, прежде чем снова рухнул на все четыре. Констебль пошатнулся и упал, как пораженный дланью Божией. Даже там, где прятался я, примерно в тридцати футах оттуда, ветер был так силен, что

я невольно шагнул вперед, словно меня грубо толкнули в спину.

– Прочь! – гневно вскричал старик. – И не тревожьте меня более! А не то я заставлю вашу кровь вспыхнуть огнем и наполню вас страхом, подобным льду и железу!

Слова эти были мне чем-то знакомы, я только никак не мог вспомнить, где я их слышал.

Мэр с констеблем повернулись и опрометью бросились бежать, кося глазом, как испуганные лошади.

Ветер улегся так же стремительно, как и поднялся. Внезапный порыв ветра длился не более пяти секунд. Поскольку вся деревня столпилась около зала, вряд ли это кто-нибудь видел, кроме меня, констебля да осликов старика, которые мирно и невозмутимо стояли в своей упряжи.

– Избавьте это место от вашего гнусного присутствия! – буркнул арканист себе под нос, провожая взглядом беглецов. – Силой своего имени повелеваю вам!

Я наконец сообразил, отчего эти слова казались мне такими знакомыми. Он цитировал строчки из сцены изгнания бесов из «Деоники». Мало кто знает эту пьесу.

Старик обернулся к своему фургону и принялся импровизировать:

– Волей моей станете вы как масло в жаркий день! Волей моей станете вы как поэт с душой священника! Лимонным кремом начиню я вас и выкину в окошко!

Он сплюнул:

– У-у, ублюдки!

Его раздражение, похоже, миновало, и он шумно, тяжело вздохнул.

– Ну что ж, могло быть куда хуже, – пробормотал старик, потирая плечо, вывернутое констеблем. – Как вы думаете, не вернуться ли они с толпой народа?

Я подумал было, что старик обращается ко мне. Потом сообразил, в чем дело. Он разговаривал с осликами.

– Вот и я так не думаю. Однако же мне уже случалось ошибаться. Ну что, остановимся на окраине и подберем последний овес?

Он забрался в фургон сзади и вернулся с широким ведром и почти пустым джутовым мешком. Вытряхнул в мешок содержимое ведра. Результат его явно разочаровал. Он взял горсточку себе, а ведро подвинул ногой осликам.

– Ну, что вы на меня так смотрите? – сказал он им. – Все мы на голодном пайке! К тому же вы-то и травки пощипать можете.

Он погладил ослика и принялся всухомятку уминать плющенный овес, время от времени выплевывая шелуху.

Мне сделалось ужасно грустно: бедный старик скитается один по дорогам, и поговорить-то ему не с кем, кроме собственных ослов! Эдема руэ тоже несладко живет, но мы по крайней мере не одни. А этот человек был один-одинешенек.

– Да, ребятки, далеконько мы забрались от цивилизации! Те, кому я нужен, мне не доверяют, а те, кто мне доверяет,

не могут себе позволить мои услуги.

Старик заглянул в свой кошелек:

– Осталось полтора пенни, так что выбор у нас невелик. Что мы предпочтем: вымокнуть сегодня или остаться голодными завтра? Заработать тут не выйдет, так что придется выбирать: либо одно, либо другое.

Я высунулся из-за угла дома, чтобы прочитать то, что написано на боку старикова фургона. Там говорилось следующее:

«АБЕНТИ: НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ АРКАНИСТ!

Писарь. Химик. Зубной врач. Непревзойденный пивец.

Редкие товары. Ищу воду с помощью лозы. Лечу любые хвори.

Отыскиваю потерянное. Чиню испорченное.

Гороскопов не составляю. Приворотными зельями не торгую. Порчу не навожу».

Абенти заметил меня, как только я показался из-за дома, за которым прятался.

– Привет! Чем могу служить?

– А у вас «певец» с ошибкой написано, – заметил я.

Он, похоже, удивился.

– Да это шутка такая, – объяснил он. – Я же не певец, я просто еще и эль варю временами.

– А-а! – кивнул я. – Понятно.

Я вынул руку из кармана:

– Продайте мне чего-нибудь на один пенни!

Его, похоже, разбирал смех и любопытство одновременно.

– А чего тебе надо?

– А лациллиум у вас есть?

За последний месяц мы раз десять ставили «Благородного Фариена», и в моей детской голове кишели интриги и убийства.

– Ты что, боишься, что тебя кто-нибудь отравит? – спросил он, несколько ошеломленный.

– Вообще-то нет. Но сдается мне, что, если ждать до тех пор, пока обнаружишь, что тебе нужно противоядие, добывать его будет уже поздно.

– Ну, пожалуй, я бы мог продать тебе лациллиума на один пенни, – сказал он. – Это как раз будет нужная доза на человека твоего роста. Однако лациллиум сам по себе – опасная штука. Он помогает далеко не от всех ядов. А если принять его некстати, он может серьезно навредить.

– У-у, – сказал я. – А я и не знал.

В пьесе лациллиум фигурировал как надежная панацея от всего подряд.

Абенти задумчиво приложил палец к губам:

– А можешь ли ты пока что ответить мне на один вопрос?

Я кивнул.

– Чья это там трупна?

– Ну, в каком-то смысле моя, – сказал я. – Но вообще-то

это труппа моего отца, потому что он там всем заправляет и решает, куда нам ехать дальше. И в то же время – барона Грейфеллоу, потому что он наш покровитель. Мы люди барона Грейфеллоу.

Старик посмотрел на меня с усмешкой:

– Я про вас слышал. Хорошая труппа. Вы пользуетесь хорошей репутацией.

Я кивнул, не видя смысла в ложной скромности.

– Как ты думаешь, заинтересует ли твоего отца моя помощь? – спросил он. – Не могу сказать, что я такой уж хороший актер, но иметь меня под боком весьма полезно. Я могу изготавливать грим и румяна без применения свинца, ртути и мышьяка. Могу быстро и чисто устроить яркое освещение. Разноцветное, если надо.

Долго раздумывать мне не пришлось. Свечи дороги и гаснут от сквозняков, факелы коптят, воняют и грозят пожаром. Ну а про опасность грима в труппе всякий знал с малолетства. Трудно сделаться старым, опытным актером, когда каждые три дня мажешь лицо ядом и к двадцати пяти годам сходишь с ума.

– Возможно, я несколько превышаю свои полномочия, – сказал я, протягивая ему руку, – но позвольте мне первым приветствовать вас в нашей труппе!

Поскольку я стремлюсь поведать о своей жизни и деяниях честно и непредвзято, не могу не упомянуть о том, что я

пригласил Бена в труппу отнюдь не из чистого альтруизма. Нет, качественный грим и хорошее освещение нам действительно пришлось весьма кстати. Правда и то, что мне просто сделалось жаль одинокого старика, скитающегося по дорогам.

Но прежде всего меня разобрало любопытство. Я видел, как Абенти сделал нечто, чему я не находил объяснений, нечто удивительное и загадочное. Я не про трюк с симпатическими лампами. Это-то я распознал с первого взгляда: обычная показуха, фокус, призванный произвести впечатление на невежественную публику.

Но вот то, что он сделал потом, было нечто совсем иное. Он призвал ветер – и ветер явился на зов. Это была магия. Настоящая магия. Магия вроде той, про какую я слышал в историях про Таборлина Великого. Магия, в которую я не верил лет с шести. А теперь не знал, чему верить.

И я пригласил его к нам в труппу, надеясь получить ответы на свои вопросы. Тогда я этого еще не знал, но я искал имя ветра.

Глава 9

В фургоне у Бена

Абенти был первый арканист, которого я встретил в своей жизни – странная и завораживающая личность с точки зрения мальчика. Он разбирался во всех науках: ботанике, астрономии, психологии, анатомии, алхимии, геологии, химии...

Бен был дородный, с живыми, блестящими глазами, которые быстро перескакивали с одного на другое. Вдоль затылка у него шла полоса темных седеющих волос, но бровей у него не было (это мне в нем запомнилось больше всего). Точнее, брови-то были, только они не успевали отрасти после того, как он в очередной раз их спалит во время какого-нибудь алхимического опыта. От этого вид у него был вечно удивленный и насмешливый одновременно.

Говорил он негромко, много смеялся и никогда не демонстрировал свое остроумие за чужой счет. Бранился он, как пьяный матрос, сломавший ногу, но исключительно на своих осликов. Осликов звали Альфа и Бета, и Абенти кормил их морковкой и кусочками сахара, когда думал, что никто этого не видит. Особенное пристрастие он питал к химии, и отец говорил, что не встречал человека, который бы варил более качественный самогон.

Со второго дня, как он присоединился к труппе, я повадился ездить в его фургоне. Я задавал вопросы, он отвечал. Потом он просил что-нибудь спеть, и я брэнчал ему на лютне, которую заимствовал в отцовском фургоне.

Временами он и сам принимался петь. У него был звонкий, бесшабашный тенор, который то и дело уходил в сторону, ища ноты там, где их нет. Чаще всего он при этом оставался и смеялся над собой. Бен был хороший человек и ничуть не важничал.

Вскоре после того как Абенти присоединился к труппе, я спросил у него, что значит быть арканистом.

Он посмотрел на меня задумчиво:

– Ты когда-нибудь встречал арканистов?

– Ну, мы как-то раз наняли одного в дороге, чтобы починить треснувшую ось... – я задумался, вспоминая. – Он ехал в глубь страны с рыбным обозом.

Абенти только рукой махнул:

– Да нет, мальчик! Я про настоящих арканистов говорю. Не про бедолагу, который таскается по дорогам с обозами и накладывает чары холода, чтобы мясо не протухло.

– А в чем разница? – спросил я, чувствуя, что он ждет этого вопроса.

– Ну-у, – протянул он, – это долго объяснять...

– Нестрашно, – сказал я, – у меня нет ничего, кроме времени, зато времени у меня предостаточно!

Абенти взглянул на меня оценивающе. Я этого ждал. Его

взгляд говорил: «Ты выглядишь как ребенок, а говоришь как большой». Я надеялся, что он скоро к этому привыкнет. Когда с тобой говорят, как с ребенком, это очень надоедает, даже если ты и в самом деле ребенок.

Он вздохнул.

– Понимаешь, знать пару фокусов – это еще не значит быть арканистом. Возможно, такие люди умеют вправлять кости или читать на древневинтийском. Может быть, они даже немного владеют симпатией...

– Симпатией? – как можно вежливей перебил я.

– Ну, ты бы, наверное, назвал это «магией», – нехотя сказал Абенти. – Хотя на самом деле это не магия. – Он пожал плечами. – И все равно, даже владение симпатией еще не делает тебя арканистом. Настоящий арканист – это тот, кто поднялся на вершины арканума в университете.

Услышав про арканум, я тотчас ошетинился парой дюжин новых вопросов. Может, пара дюжин – это и немного, но, если добавить их к полусотне вопросов, которые всегда были при мне, куда бы я ни шел, я уже готов был лопнуть. И, если я промолчал и не стал перебивать Абенти, то лишь могучим усилием воли.

Абенти, однако, обратил внимание на мою реакцию:

– Ага, про арканум ты, значит, уже слышал? – Его это как будто позабавило. – Ну, тогда расскажи, что же ты слышал.

Мне только того было и надо!

– Один мальчишка в Темпер-Глене мне рассказывал, что

будто, если тебе отрежут руку, то в университете ее могут пришить заново. Это правда? В некоторых историях говорится, что Таборлин Великий пришел в университет, чтобы выучить имена всех вещей. И там есть библиотека в тысячу книг. Что, их правда так много?

Он ответил на последний вопрос – остальные я выпалил так быстро, что он и сказать ничего не успел.

– Да нет, их там куда больше тысячи. Десятью десять тысяч книг. И даже больше. Там столько книг, что и за всю жизнь не прочесть...

Голос у Абенти сделался грустным и задумчивым.

Больше книг, чем я могу прочесть? В это мне как-то не верилось.

А Бен продолжал:

– Те люди, которых ты встречаешь в обозах – заклинатели, следящие, чтобы продукты не испортились, лозоходцы, предсказатели, жабоглотатели, – все это не настоящие арканисты, так же как не все бродячие актеры – эдема руэ. Они, возможно, чуть-чуть разбираются в алхимии, в симпатии, в медицине. – Он покачал головой. – Но это не арканисты! Очень многие притворяются арканистами. Они носят мантии и напускают на себя важный вид, чтобы воспользоваться невежеством легковверных. Но настоящего арканиста отличить проще простого.

Абенти снял через голову тонкую цепочку и протянул ее мне. Так я впервые увидел арканический гильдер. На вид в

нем ничего особенного не было: просто плоская свинцовая лепешка с выбитой на ней непонятной надписью.

– Вот, это настоящий гильте. Ну, или гильдер, если тебе так больше нравится, – несколько самодовольно пояснил Абенти. – Это единственный надежный способ проверить, кто арканист, а кто нет. Вот твой отец попросил меня показать гильдер, прежде чем разрешил присоединиться к труппе. Это говорит о том, что он человек опытный. – Он взглянул на меня с напускным равнодушием. – Что, не нравится?

Я скрипнул зубами и кивнул. Как только я дотронулся до гильдера, рука онемела. Мне было любопытно разглядеть надписи с обеих сторон, но через пару вдохов рука у меня онемела уже до плеча, словно я ее отлежал за ночь. Интересно, а онемее ли все тело, если за него держаться достаточно долго?

Этого мне выяснить не удалось: фургон подпрыгнул на кочке, и моя онемевшая рука едва не выронила гильдер Абенти на подножку фургона. Абенти подхватил гильдер и, хмыкнув, снова надел его на шею.

– Как же вы это выдерживаете? – спросил я, изо всех сил растирая онемевшую кисть.

– Такое происходит только с другими, – объяснял Абенти. – Для своего владельца гильдер просто теплый на ощупь. Вот так и можно определить разницу между арканистом и тем, кто просто умеет находить воду или предсказывать погоду.

– Как наш Трип, – заметил я. – Он в кости семерки выкидывает.

– Ну, это дело другое! – рассмеялся Абенти. – Не настолько необъяснимое, как природный дар.

Он поудобнее развалился на сиденье.

– Может, оно и к лучшему. Пару сотен лет назад, если за человеком замечали природный дар, он был, считай, покойник. Тейлинцы называли это «демонской меткой», таких людей сжигали на костре.

Похоже, Абенти ударился в мрачность.

– Ну, нам пару раз пришлось Трипа из тюрьмы выручать, – сказал я, пытаюсь обратить дело в шутку. – Однако же сжигать его никто не собирался!

Абенти устало улыбнулся:

– Подозреваю, у Трипа просто кости с секретом. Ну или особая ловкость рук, которая, вероятно, распространяется еще и на карты. Спасибо, что предупредил заранее, конечно. Однако же природный дар – это нечто совсем другое.

Я терпеть не мог, когда со мной разговаривают этак свысока.

– Да Трип плутовать не станет даже под страхом смертной казни! – сказал я несколько резче, чем собирался. А поддельные кости от нормальных в трупке любой отличить умеет. Трип просто выкидывает семерки. Не важно, чьими костями он играет, он выкидывает семерки. И если за него кидает кто-то другой, тот человек тоже выкидывает семерки. Да что

там: стоит ему толкнуть стол, на котором валяются кости – бац, семерка!

– Хм-м... – Абенти кивнул своим мыслям. – Ну, прошу прощения. Это действительно похоже на природный дар. Любопытно было бы взглянуть...

Я кивнул.

– Захватите свои кости. А то мы ему уже несколько лет играть не разрешаем.

Тут мне пришла в голову одна мысль.

– А может, оно уже и не действует.

Он пожал плечами:

– Настоящий дар так легко не уходит! Вот, когда я был ребенком, у нас в Стаупе был молодой человек с природным даром. Он умел обращаться с растениями. – Абенти перестал улыбаться, глядя перед собой на что-то, чего я не видел. – Бывало, у всех помидоры только зацветают, а у него уже красные. И тыква у него была крупнее и слаще, и виноград превращался в вино, не успев попасть в бутылку... – Он умолк, по-прежнему глядя в пространство.

– И что, его сожгли? – спросил я с безжалостным детским любопытством.

– Чего? Да нет, нет, конечно! Я не настолько стар, – он зыркнул на меня с напускной суровостью. – Просто была засуха, и его выгнали из городка. Его бедная матушка была в великом горе.

Мы ненадолго умолкли. Мне было слышно, как впереди,

через два фургона от нас, Терен с Шанди репетируют отрывки из «Свинопаса и соловья».

Абенти тоже прислушался от нечего делать. Когда Терен сбился на середине монолога в саду, я снова обернулся к нему.

– А на актеров в университете учат? – спросил я.

Абенти покачал головой. Мой вопрос его слегка позабавил.

– Там учат многому, но не этому.

Я посмотрел на Абенти и увидел, что он следит за мной. В глазах у него прыгали чертики.

– А меня вы можете научить чему-нибудь из того, чему там учат? – спросил я.

Он улыбнулся. Вот так все и вышло, легко и просто.

Абенти по очереди обучил меня основам всех наук. Несмотря на то что больше всего он любил химию, он верил во всестороннее образование. Я научился пользоваться секстантом, компасом, логарифмической линейкой, счетами. А главное, я научился обходиться без всего этого.

Не прошло и оборота, как я научился определять все химикаты, что были у него в фургоне. Через два месяца я научился выгонять спирт такой крепости, что его нельзя было пить, перевязывать раны, вправлять кости и диагностировать сотни заболеваний на основании их симптомов. Я выучил процесс приготовления четырех разных афродизиakov,

трех противозачаточных составов, девяти средств от импотенции и двух зелий, которые назывались просто «девичий помощник». Насчет назначения этих последних Абенти отвечал уклончиво, но у меня были кое-какие подозрения.

Я заучил состав дюжины ядов и кислот и сотни лекарств и панацей – некоторые из них даже помогали. Я вдвое расширил свои познания в области растений – если не на практике, то в теории. Абенти повадился звать меня Рыжим. Я стал звать его Беном и перешел на ты – сперва из мести, потом в знак дружбы.

Только теперь, много лет спустя, я, наконец, понимаю, как старательно Бен готовил меня к тому, что ждало меня в университете. Он делал это весьма тонко. Один или два раза в день, в ходе обычных занятий, Бен давал мне небольшое ментальное упражнение, которое я должен был выполнить прежде, чем мы пойдем дальше. Он заставлял меня играть в тирани без доски, отслеживая продвижение фишек в уме. Или, например, останавливался посреди разговора и заставлял меня повторить все, сказанное за последние несколько минут, слово в слово.

Это был куда более высокий уровень, чем простое запоминание, в котором я упражнялся для сцены. Мой разум приучался работать в различных направлениях, рос и креп. Я испытывал то же самое, что чувствует тело после того, как целый день колешь дрова, или плаваешь, или занимаешься любовью. Ты испытываешь усталость, истому и ощущаешь

себя чуть ли не богом. Вот примерно это самое я и чувствовал, не считая того, что это не тело, а разум мой уставал и расширялся, млел в истоме и набирал силу. Я буквально чувствовал, как мой ум мало-помалу пробуждается.

И чем дальше, тем больше я набирал скорость, словно вода, размывающая песчаную плотину. Не знаю, известно ли вам, что такое геометрическая прогрессия, но это лучший способ описать то, что происходило. И все это время Бен давал мне ментальные упражнения – я подозревал, что он придумывает их нарочно, из чистой вредности.

Глава 10

Алар и несколько камешков

Бен показал мне грязный булыжник размером чуть больше его кулака:

– Что будет, если я выпущу его из руки?

Я поразмыслил. Простые вопросы, задаваемые на уроках, редко оказывались простыми. Но наконец я дал очевидный ответ:

– Вероятно, он упадет.

Бен приподнял бровь. Последние несколько месяцев я отнимал у него слишком много времени, и потому он никак не успевал в очередной раз сжечь себе брови.

– Вероятно? Ты, мальчик, говоришь как софист. А что, раньше он не всегда падал?

Я показал ему язык.

– А ты не пытайся меня подтолкнуть к неверному выводу! Это ложный довод, ты ж меня сам этому учил.

Он ухмыльнулся:

– Молодец! Ну а справедливо ли будет сказать, что ты веришь, что он упадет?

– В целом справедливо.

– Так вот, я хочу, чтобы ты поверил, что, когда я его отпущу, он взлетит.

Он улыбался все шире.

Я напрягся. Это было похоже на ментальную гимнастику.

Некоторое время спустя я кивнул:

– Поверил.

– Хорошо поверил?

– Ну... не очень, – сознался я.

– А мне надо, чтобы ты поверил, что этот камень улетит.

Поверь в это такой верой, которая способна двигать горами и сотрясать деревья!

Он помолчал и, похоже, выбрал другой подход.

– Ты в Бога веришь?

– В Тейлу-то? Ну, вроде да...

– Этого недостаточно. А в родителей своих ты веришь?

Я слегка улыбнулся:

– Иногда. Прямо сейчас-то я их не вижу!

Он фыркнул и снял с крюка хлыст, которым обычно погонял Альфу и Бету, когда те начинали лениться:

– Ну, э-лир, а в эту-то штуку ты веришь?

Он называл меня «э-лиром», только когда считал, что я нарочно упрямствую. Он сунул хлыст мне под нос.

В глазах у него вспыхнул нехороший огонек. Я решил не искушать судьбу.

– Верю!

– Хорошо!

Он звонко щелкнул хлыстом по борту фургона. Альфа развернула одно ухо на звук: явно не могла понять, ей это

адресовано или нет.

– Вот такая-то вера мне и нужна. Это называется «алар» – вера, какой ты веришь в бич. Так вот, когда я отпущу этот камень, он возьмет и улетит прочь, как птичка.

Он помахал хлыстом у меня перед носом:

– И смотри мне, никакой дурацкой философии, а не то пожалеешь, что ввязался в эти игры!

Я кивнул. Я опустошил свой разум с помощью одного из приемов, которым уже успел научиться, и сосредоточился на том, чтобы поверить. Я так старался, что весь вспотел.

Минут, наверное, через десять я снова кивнул.

Он отпустил камень. Камень упал.

У меня начинала болеть голова.

Он подобрал камень.

– Ты веришь, что он взлетел?

– Нет! – буркнул я, потирая виски.

– Правильно. Он не взлетел. Никогда не пытайся себя одурачить, заставляя видеть то, чего не существует. Грань тут чрезвычайно тонкая, однако симпатия – искусство не для слабых духом.

Он снова поднял камень.

– Веришь, что он взлетит?

– Так не взлетел же!

– Не важно. Попробуй еще раз.

Он потряс камнем:

– Алар есть краеугольный камень симпатии. Если ты со-

бираешься навязывать миру свою волю, ты обязан контролировать то, во что ты веришь!

Я пробовал еще и еще. Это было самое трудное, что я когда-либо делал. У меня ушел на это почти целый день.

И вот наконец Бен смог уронить камень, а я сумел сохранить твердую веру в то, что камень не упадет, невзирая на то что все свидетельствовало об обратном.

Я услышал глухой стук камня и посмотрел на Бена.

– Получилось! – невозмутимо сообщил я, изрядно довольный собой.

Он взглянул на меня краем глаза, как будто не вполне мне поверил, но признаваться в этом не хотел. Рассеянно потыкал в камень ногтем, потом пожал плечами и поднял его снова.

– А теперь мне нужно, чтобы ты поверил, что камень упадет и не упадет, когда я его отпущу!

Он ухмыльнулся.

В тот вечер спать я лег поздно. У меня шла носом кровь, и я самодовольно улыбался. Я свободно верил в две противоположные вещи одновременно и позволил их диссонансу убаюкать меня.

Быть способным думать две несопоставимых мысли одновременно, помимо того, что было на удивление продуктивно, оказалось похожим на то, чтобы петь в одиночку на два голоса. Это сделалось моей излюбленной забавой. Через па-

ру дней практики я научился петь трио. Вскоре я овладел ментальным эквивалентом карточных фокусов и жонглирования ножами.

Было и много иных уроков, хотя не настолько основополагающих, как обучение алару. Бен научил меня «каменному сердцу» – ментальному упражнению, которое позволяет отвлечься от своих эмоций и предрассудков и свободно размышлять обо всем, о чем пожелаешь. Бен сказал, что человек, по-настоящему овладевший «каменным сердцем», способен не пролить ни слезинки на похоронах родной сестры.

Еще он научил меня игре, которая называется «поиски камня». Смысл игры в том, чтобы одна часть твоего разума спрятала воображаемый камень в воображаемой комнате. А потом надо заставить вторую, отдельную часть своего разума этот камень искать.

С практической точки зрения эта игра учит ценному контролю над своим разумом. Если ты способен играть в поиски камня по-настоящему, значит, у тебя стальной алар, как раз такой, какой необходим для симпатии.

Однако, хотя быть способным думать о двух вещах одновременно действительно ужасно удобно, процесс обучения этому выглядит как минимум обескураживающе, а временами и довольно жутко.

Помнится, как-то раз я искал камень почти час, прежде чем снизошел до того, чтобы спросить у второй половины себя, куда же я его спрятал, и только тогда узнал, что ника-

кого камня вовсе не было. Я просто решил проверить, долго ли я буду искать, прежде чем сдамся. Случалось ли вам злиться на себя и смеяться над собой одновременно? Интересное ощущение – чтобы не сказать больше.

В другой раз я попросил подсказки – и дело кончилось тем, что я сам принялся издеваться над собой. Неудивительно, что большинство арканистов несколько эксцентричные, а то и совсем чокнутые. Как и говорил Бен, симпатия – это не для слабых духом.

Глава 11

Связывание железа

Я сидел в задней части фургона Абенти. Для меня это было замечательное место, населенное сотней пузырьков и свертков, насыщенное тысячей запахов. Обычно для моего юного ума это место было занятнее, чем тележка лудильщика – но не сегодня.

Прошлой ночью лил сильный дождь, и дорогу совсем развезло. Поскольку торопиться трупке было особенно некуда, мы решили переждать пару деньков, пока дороги не подсохнут. Дело это вполне обычное, и произошло это как раз в самый подходящий момент, когда Бен решил сделать новый шаг в моем образовании. Поэтому я сидел за деревянным письменным столом в глубине Бенова фургона и злился оттого, что впустую теряю время, выслушивая рассуждения о том, что я уже и так знаю.

Очевидно, мои мысли отражались у меня на лице, потому что Абенти вздохнул и сел рядом со мной.

– Не совсем то, чего ты ждал, а?

Я слегка расслабился, зная, что этот тон сулит мне временное избавление от нудных лекций. Он взял пригоршню железных драбов, что лежали на столе, и принялся задумчиво ими побрякивать.

Потом посмотрел на меня:

– Скажи, жонглировать ты научился сразу? Пятью мячами одновременно? И ножами тоже?

Я вспомнил и слегка покраснел. Поначалу Трип не позволил мне взять даже три мяча. Заставил жонглировать сперва двумя. И даже их я пару раз уронил. Я так и сказал Бену.

– Во-от! – сказал Бен. – Освой сперва этот трюк, а тогда уже можешь учиться следующему.

Я думал, что он встанет и продолжит урок, но он остался сидеть.

Вместо этого он протянул мне пригоршню железных драблов:

– Что ты о них знаешь? – Он позвенел монетками в горсти.

– В каком смысле? – уточнил я. – С точки зрения физики, химии, истории?..

– Истории! – усмехнулся он. – Порази меня своим знанием исторических подробностей, э-лир.

Я как-то раз его спросил, что значит «э-лир». Он ответил, что это означает «умный», но мне не понравилось, как у него дернулись губы, когда он это сказал.

– Много лет назад люди, которые...

– Много – это сколько?

Я взглянул на него исподлобья, с напускной суровостью:

– Примерно две тысячи лет назад. Кочевой народ, который обитал в предгорьях гор Шальда, объединился под властью единого вождя.

– И как его звали?

– Хельдред. Сыновей его звали Хельдим и Хельдар. Тебе всю родословную перечислить или сразу перейдем к делу? – угрюмо осведомился я.

– Прошу прощения, сэр!

Бен вытянулся на сиденье и так старательно обратился в слух, что оба мы невольно ухмыльнулись.

Я начал снова:

– В конце концов Хельдред подчинил своей власти все предгорья Шальда. А это означало, что в его власти находились и сами горы. Кочевники занялись земледелием, отказались от кочевого образа жизни и мало-помалу начали...

– Переходить к делу? – осведомился Абенти. Он бросил драбы на стол передо мной.

Я постарался не обращать на него внимания.

– В их власти оказался единственный обильный и легкодоступный источник металла на большой территории, и вскоре они, помимо всего прочего, сделались весьма искусными металлургами. Они воспользовались этим преимуществом и обрели большое могущество и богатство.

До тех пор самым распространенным методом торговли был натуральный обмен. Некоторые крупные города чеканили свою монету, но за пределами этих городов деньги ценились исключительно на вес металла. Для обмена удобнее были слитки, однако большие слитки было неудобно носить при себе.

Бен старательно изобразил скучающего ученика. Ему даже почти не мешало, что два дня назад он снова спалил себе брови.

– Ты ведь не собираешься распространяться о достоинствах натуральных денег?

Я перевел дух и решил не изводить Бена нудными лекциями, как он изводил меня.

– Эти бывшие кочевники, которые теперь звались сильдийцами, первыми ввели стандартизованную валюту. Если разрубить один из малых слитков на пять частей, получалось пять драбов.

Я принялся раскладывать драбы на два ряда по пять штук, чтобы проиллюстрировать свое высказывание. Они выглядели как маленькие металлические слитки.

– Десять драбов соответствуют медной йоте, десять йот...

– Ну хорошо, – перебил Бен, сбив меня с мысли. – То есть вот эти два драба, – он показал мне пару монеток, – возможно, сделаны из одного слитка, верно?

– Ну, на самом деле, вероятно, их чеканят по одному... – я осекся под его недовольным взглядом. – Да, конечно.

– То есть их по-прежнему что-то связывает, да?

И он снова посмотрел на меня.

Вообще-то я был не согласен, но счел за лучшее не перебивать.

– Да.

Он положил монетки на стол.

– Значит, когда ты передвинешь один, второй тоже передвинется, верно?

Я согласился, чтобы не нарушать ход рассуждений, и потянулся, чтобы передвинуть одну из монет. Но Бен остановил мою руку и покачал головой:

– Сперва надо им об этом напомнить! Убедить их надо на самом деле.

Он достал миску и уронил туда тягучую каплю сосновой смолы. Окунул в смолу один из драбов, прилепил его ко второму, произнес несколько незнакомых слов и медленно развел монетки в стороны. Между ними потянулись нити смолы.

Один драб он положил на стол, второй оставил у себя в руке. Потом пробормотал еще какие-то слова и расслабился.

Бен поднял руку – и лежащий на столе драб повторил его движение. Он поводил рукой из стороны в сторону, и бурая монетка заплясала в воздухе.

Он оторвал взгляд от меня и посмотрел на монету:

– Закон симпатии – одна из основ магии. Он гласит, что чем больше общего между двумя предметами, тем прочней симпатическая связь. Чем прочней связь, тем легче им влиять друг на друга.

– Твое определение замыкается само на себя.

Бен положил монетку на стол. Мина надменного наставника сменилась улыбкой, и он принялся оттирать смолу с рук тряпкой – без особого успеха. Он поразмыслил:

– Довольно-таки бесполезная штука, ага?

Я осторожно кивнул – я привык, что на уроках Бен то и дело задает коварные вопросы.

– Ты бы небось предпочел научиться призывать ветер?

Он стрельнул глазами в мою сторону, что-то пробормотал, и холщовый тент фургона зашелестел у нас над головой.

Я невольно расплылся в алчной, волчьей ухмылке.

– Увы, э-лир, увы! – Он ответил мне такой же волчьей, свирепой усмешкой. – Чтобы научиться писать, сперва надобно выучить буквы! Чтобы играть и петь, сперва надо научиться перебирать струны!

Он достал клочок бумаги и нацарапал на нем пару слов.

– Вся штука в том, чтобы твой алар оставался неколебимым. Надо верить в то, что они связаны. Надо твердо знать, что они связаны!

Он протянул мне бумагу:

– Вот тебе то, как это произносится, в фонетической транскрипции. Это называется «симпатическое связывание параллельного движения». Упражняйся!

Теперь он больше прежнего был похож на волка: старый, седой, безбровый...

Он ушел мыть руки. Я очистил свой разум, воспользовавшись «каменным сердцем». Скоро я парил в море бесстрастного покоя. Я склеил два кусочка металла сосновой смолой. Мысленно зафиксировал алар, веру крепкую, как вера в бич, в то, что оба драба составляют единое целое. Я произнес сло-

ва, разлепил монеты, произнес последнее слово и стал ждать.

Никакого прилива силы я не испытал. Никакой вспышки жара или холода. Никакого ослепительного луча света не увидел.

Я был изрядно разочарован. Ну, настолько, насколько я был способен испытывать разочарование в состоянии каменного сердца. Я поднял монетку, которую держал в руке, – и монетка, лежавшая на столе, сама собой поднялась на ту же высоту. Ну да, это была магия, никаких сомнений. Но я не испытал ожидаемого восторга. Я-то ждал... Не знаю, чего я ждал. Это было не то.

Остаток дня я провел, экспериментируя с простейшим симпатическим связыванием, которому научил меня Абенти. Я узнал, что связать между собой можно почти все что угодно. Железный драб и серебряный талант, камень и ломтик яблока, пару кирпичей, комок земли и ослиного навоза... У меня ушло часа два на то, чтобы сообразить, что смола тут вовсе и ни к чему. Я спросил у Бена, и Бен сознался, что это просто чтобы помочь сосредоточиться. Он, кажется, был удивлен, что я догадался об этом сам, без подсказки.

Давайте я в двух словах объясню суть симпатии, все равно вам, скорее всего, никогда не потребуется ничего, кроме как понимать в общих чертах, как это действует.

Ну, во-первых, энергия не может быть ни создана, ни уничтожена. Когда поднимаешь один драб, а второй при этом поднимается со стола, тот, что у тебя в руке, весит столько,

как если бы ты поднимал два драба, потому что на самом деле так оно и есть.

Это теоретически. На практике ощущение такое, как будто поднимаешь три драба. Любая симпатическая связь несовершенна. И чем больше разница между предметами, тем больше энергии теряется. Ну, представьте себе дырявый желоб, ведущий к водяному колесу. В хорошей симпатической связи протечек совсем мало, большая часть энергии используется по назначению. Плохая связь полна дыр, и лишь малая часть вложенных усилий уходит именно на то, что ты хочешь сделать.

Например, я пытался связать кусок мела со стеклянной бутылкой с водой. Общего между ними было очень мало, и, несмотря на то что бутылка весила всего пару фунтов, когда я попытался поднять мел, было такое ощущение, что там фунтов шестьдесят. А самая лучшая связь получилась у ветки, которую я разломил пополам.

После того как я освоил эту малую частицу симпатии, Бен принялся учить меня остальному. Десятью десятью симпатических связываний. Сотня мелких уловок для направления энергии. Все это было как новые слова в обширном словаре, который я только-только начал осваивать. Довольно часто это бывало скучно. Я вам и половины рассказывать не стану.

Бен продолжал понемногу давать мне уроки и в других областях: истории, арифметике, химии... Но я алчно хватался

за все, чему он мог меня научить в области симпатии. Тайнами своими он делился скупой, каждый раз заставляя меня демонстрировать, что я как следует освоил предыдущее, прежде чем идти дальше. Однако у меня, похоже, был дар к этому делу, выходящий за пределы моей природной склонности впитывать любые знания, так что ждать мне приходилось не слишком долго.

Я не хочу сказать, что путь всегда был гладким. То же самое любопытство, которое делало меня таким жадным до знаний учеником, частенько приносило мне неприятности.

Как-то вечером, когда я раскладывал кухонный костерок возле фургона моих родителей, мать застучала меня напевающим стишок, слышанный накануне. Я не знал, что она стоит сзади, и она подслушала, как я рассеянно читаю нараспев, отбивая такт одной хворостиной о другую:

Поевши яблоч, черный дрозд
Летит в дремучий лес,
И видит вещи, что хранит
Там госпожа Лэклесс:
Кольцо, которое надеть
На палец мудрено,
И слово – ни сказать, ни спеть,
Как вырвалось оно.
У дверцы ручка не торчит,
И ларчик без замка,

Где возле мужниной свечи
Леди Лэклесс хранит в ночи
Хозяйство муженька.
Еще хранит она секрет,
Как, видя сон, не спать,
Как на тропе, где следа нет,
Найти и разобрать ответ,
Загадку расплутать.

Я услышал эту песенку от девчушки, которая напевала ее, прыгая через веревочку. Я прослушал ее всего дважды, но песенка застряла у меня в голове. Она была запоминающаяся, как и большинство детских стишков.

Однако мать услышала и подошла к костру:

– Что это ты такое поешь, милый?

Говорила она не сердито, но я понял, что она недовольна.

– Да так, слышал в Феллоусе, – уклончиво ответил я. Вообще-то играть с городскими ребятами было запрещено. «От недоверия всего один шаг до неприязни, – говорил мой отец, принимая в труппу новых членов, – так что в городе старайтесь держаться вместе и быть повежливей». Я положил в костер несколько палок потолще и стал ждать, когда они займутся.

Мать помолчала, и я уже начал было надеяться, что она оставит эту тему в покое, но тут она сказала:

– Это нехорошая песня. Ты не задумывался, о чем в ней говорится?

Я и впрямь об этом не задумывался. Так, просто дурацкий стишок. Однако, мысленно повторив его про себя, я обнаружил вполне отчетливый сексуальный подтекст.

– Понял... Я об этом как-то не думал.

Ее лицо слегка смягчилось, и она наклонилась и погладила меня по голове:

– Ну что ты, солнышко, обязательно надо думать, о чем поешь!

Беда, похоже, миновала, но я не удержался и спросил:

– А чем это отличается от того отрывка из «Сколько он ни ждал»? Ну там, где Файн спрашивает у леди Периаль про ее шляпу? «О ней так много говорят, я сам ее примерить рад!» Очевидно же, о чем речь.

Я увидел, как она поджала губы. Она не злилась, но ей было неприятно. Потом вдруг у нее в лице что-то изменилось.

– А ты сам объясни, в чем тут разница! – сказала она.

Я терпеть не мог вопросов с подвохом. Разница-то очевидная: за одно мне влетит, за другое нет. Я немного выждал, чтобы было видно, что я поразмыслил как следует, и пожал плечами.

Мать присела на корточки перед костром, грея руки:

– Разница в том... сходи, принеси треногу, а? – Она легонько ткнула меня, и я полез в фургон за треногой, а она продолжала: – Разница в том, чтобы сказать что-то человеку в лицо и сказать то же самое у него за спиной. Первое может быть грубостью, но второе называется «сплетни».

Я вернулся с треногой и помог матери поставить ее над огнем.

– А потом, леди Периаль – всего лишь персонаж. А леди Лэклесс – вполне реальный человек, который может и обидеться.

Она взглянула на меня.

– Ну я же не знал! – виновато ответил я.

Должно быть, я соорудил достаточно жалостную мину, потому что мать обняла меня, поцеловала и сказала:

– Плакать тут не о чем, радость моя. Просто не забывай: всегда надо думать, что делаешь.

Она провела ладонью по моей макушке и улыбнулась, как солнышко.

– Думаю, ты вполне можешь искупить свою вину и перед леди Лэклесс, и передо мной, если поищешь сладкой крапивки для супа.

Я был рад любому предлогу избавиться от взбучки и немного поиграть в зарослях у дороги. Так что не успела она это сказать, как я убежал.

Помимо всего прочего, следует пояснить, что с Беном я занимался в основном в свое свободное время. А так у меня были свои обязанности в труппе. При необходимости я играл юного пажа. Помогал рисовать декорации и шить костюмы. По вечерам чистил лошадей и гремел за сценой листом железа, когда требовалось изобразить гром.

Однако я вовсе не жалел о том, что лишился свободного времени. Безграничная детская энергия и неутолимая жажда знаний сделали тот год одним из счастливейших в моей жизни.

Глава 12

Собирание головоломки

Ближе к концу лета я нечаянно подслушал разговор, который исторг меня из состояния блаженного неведения, в коем я пребывал. Будучи детьми, мы редко думаем о будущем. Благодаря этому мы можем веселиться, как мало кто из взрослых может. В тот день, когда мы начинаем тревожиться о будущем, детство остается позади.

Был вечер, труппа расположилась на ночлег у дороги. Абенти дал мне новое задание по симпатии: «принцип изменяемой теплоты, переводимой в непрерывное движение», или что-то еще столь же напыщенное.

Задание было непростое, однако оно легло на место, как деталь головоломки. На все про все мне потребовалось примерно пятнадцать минут. А судя по тону Абенти, он рассчитывал минимум часа на три-четыре.

Поэтому я отправился его разыскивать. Отчасти затем, чтобы получить новое задание, отчасти потому, что мне хотелось похвастаться — так, чуть-чуть.

Его следы вели к фургону моих родителей. Я услышал их разговор задолго до того, как увидел. Их голоса звучали как невнятное бормотание, далекая песня, на которую похож разговор, когда расслышать его невозможно. Но, подой-

дя ближе, я отчетливо услышал одно слово – «чандрианы».

Услышав это, я остановился как вкопанный. Вся труппа знала, что мой отец работает над новой песней. Он уже больше года вытягивал из местных старые истории и стишки повсюду, где бы мы ни выступали.

Поначалу это были истории о Ланре. Потом он принялся собирать еще и старые побасенки о фейри, былички о домовых и шатунах. А потом он стал спрашивать о чандрианах...

Это было несколько месяцев назад. В последние полгода он все больше спрашивал о чандрианах и все меньше – о Ланре, Лире и прочих. Большинство песен, за которые брался мой отец, создавались за одно лето, а вот с этой он возился уже второй год.

Помимо всего прочего, вам следует знать, что мой отец никогда ни с кем не делился ни единым словом, ни полусловом из песни, пока она не была полностью готова к исполнению. Он доверял свои песни только моей матери, и она всегда прикладывала руку к любой песне, которую он сочинял. Изысканные мелодии принадлежали ему. Лучшие строки – ей.

Когда ждешь новую песню несколько оборотов или даже целый месяц, предвкушение только усиливает удовольствие. Но когда ждешь целый год, предвкушение несколько скисает. Теперь миновало уже полтора года, все просто с ума сходило от любопытства. Это порой приводило к резким пере-

палкам с теми, кому случалось очутиться слишком близко от нашего фургона, когда отец с матерью работали.

Я принялся, бесшумно ступая, приближаться к родительскому костру. Подслушивать – весьма дурная привычка, но я с тех пор успел набраться других, куда более дурных.

Я услышал, как Бен говорит:

– ...О них не так уж много. Однако я готов поделиться.

– Приятно поговорить на эту тему с образованным человеком! – мощный отцовский баритон сильно контрастировал с тенорком Бена. – Мне так надоели эти суеверные деревенщины, и...

Тут кто-то подбросил дров в костер, и треск пламени заглушил слова отца. Я перебежал в тень, отбрасываемую родительским фургоном, торопливо, но осторожно.

– ...Как будто я за призраками гоняюсь с этой песней! Пытаться собрать эту историю воедино – дурацкое занятие! Я уже жалею, что взялся за это.

– Глупости, – сказала мать. – Это будет лучшее из твоих творений, ты и сам это знаешь.

– Так вы полагаете, что существует изначальная история, из которой и берут начало все остальные? – спросил Бен. – Что в основе легенды о Ланре лежат исторические события?

– Все признаки указывают на это, – сказал отец. – Это все равно что посмотреть на дюжину внуков и увидеть, что у десятих из них глаза голубые. Тогда можно быть уверенным, что у их бабушки тоже были голубые глаза. Я так уже делал,

мне это очень хорошо дается. Именно так я написал «Под стенами». Но...

Я услышал, как он вздохнул.

– Так в чем же проблема-то?

– Эта история старше, – объяснила мать. – Как будто перед ним не внуки, а праправнуки.

– Рассеявшиеся по всем четырем концам света, – проворчал отец. – А когда я, наконец, обнаруживаю кого-то из них, оказывается, что он пятиглазый: два глаза зеленые, один голубой, один карий, один ореховый. А у следующего глаз всего один, зато разноцветный. Ну и какие выводы прикажете делать на таких основаниях?

Бен прокашлялся.

– Обескураживающая аналогия, – сказал он. – Однако же я могу предоставить вам возможность порасспрашивать о чандрианах меня. За свои годы я наслушался немало историй!

– Ну, прежде всего, мне нужно знать, сколько их всего, – сказал мой отец. – В большинстве историй говорится, что семь, но даже в этом вопросе согласия нет. В некоторых говорится, будто их трое, в некоторых – пятеро, а в «Падении Фелиора» их целых тринадцать: по одному на каждый понтифет Атура, и еще один в столице.

– На это я ответить могу, – сказал Бен. – Их семеро. В этом можно быть более или менее уверенным. Само их имя означает именно это. «Чаэн» означает «семь». «Чаэн-диан» – «их

семеро». «Чандрианы».

– А я и не знал, – сказал отец. – Чаэн... На каком это языке? На илльском?

– Похоже на темью, – заметила мать.

– У вас верное ухо, – похвалил ее Бен. – На самом деле это темийский. Примерно на тысячу лет древнее темьи.

– Ну, это упрощает дело, – услышал я голос отца. – Надо было вас спросить еще месяц назад! Ну а почему они делают то, что делают, вы, наверное, не знаете?

По тону отца чувствовалось, что он, на самом деле, и не рассчитывает на ответ.

– А-а, вот это-то и есть подлинная загадка, верно? – хмыкнул Бен. – Думаю, именно это делает их более жуткими, чем всех прочих страшилищ, о которых говорится в историях. Призрак жаждет мести, демону нужна твоя душа, шатуну холодно и голодно. Это делает их не столь ужасными. То, что можно понять, можно попытаться контролировать. А вот чандрианы налетают, как молния с ясного неба. Просто разрушение. Без склада, без ладу, без причин.

– В моей песне будут и склад, и лад, и причины! – сказал отец с угрюмой решимостью. – По-моему, я все же докопался до их целей – столько времени спустя. Я выудил их из истории, собранной по крохам, по кусочкам. Вот что меня особенно раздражает: все самое сложное уже сделано, а вот с мелочами столько хлопот!

– Так вы думаете, что все поняли? – с любопытством спро-

сил Бен. – И в чем же состоит ваша теория?

Отец негромко хохотнул:

– Ну уж нет, Бен! Вам придется подождать вместе с остальными. Слишком долго я потел над этой песней, чтобы вот так взять и выдать самую суть до того, как она окончена!

В голосе Бена послышалось разочарование.

– Ну, я уверен, что это всего лишь изысканная уловка, придуманная для того, чтобы заставить меня продолжать путешествовать с вами! – проворчал он. – Я же не смогу уйти, пока не услышу эту обугленную песню!

– Так помогите же нам ее закончить! – сказала моя мать. – Еще одни ключевые сведения, которых мы никак не можем раздобыть – это знаки чандриан. Все сходятся на том, что существуют знаки, предупреждающие об их присутствии, но относительно того, что это за знаки, расходятся все.

– Дайте-ка подумать... – сказал Бен. – Ну разумеется, синий огонь – это очевидно. Однако я бы не стал приписывать его именно чандрианам. В некоторых историях это признак демонов вообще. А в других – существ из Фейе или магии, не важно какой.

– Синий огонь говорит еще и о дурном воздухе в копиях, – заметила мать.

– Что, в самом деле? – спросил отец.

Мать кивнула:

– Когда огонек лампы синееет, это говорит о том, что в воздухе присутствует рудничный газ.

– Боже милосердный, рудничный газ в угольных копиях! – воскликнул отец. – Либо задуть лампу и заблудиться в крошечной тьме, либо оставить ее гореть и взлететь на воздух со всей шахтой! Да тут никаких демонов не надо, это куда страшнее!

– Я должен также сознаться, что отдельные арканисты иногда используют нарочно приготовленные свечи или факелы, чтобы производить впечатление на легковверных простолудинов, – заметил Бен, смущенно покашливая.

Мать расхохоталась:

– Бен, вспомните, с кем вы говорите! С нашей точки зрения, устроить небольшое представление – отнюдь не грех! Кстати, синие свечи пришлось бы нам очень кстати в следующий раз, как будем ставить «Деонику». Если у вас где-нибудь завалилась пара таких свечей, будем очень признательны.

– Ну, я посмотрю, может, что и получится, – сказал Бен с усмешкой в голосе. – А что касается прочих знаков... Ну, говорят, будто у одного из них глаза как у козы, то ли вовсе глаз нет, то ли черные глаза... Вот это я слышал довольно часто. Слышал я также, что в присутствии чандриан гибнут растения. Дерево гниет, металл ржавеет, кирпич рассыпается... – он помолчал. – Однако не могу сказать, считать это за несколько знаков или за один.

– Во-от, вы начинаете понимать, в чем моя проблема! – угрюмо сказал отец. – А еще остается вопрос, всем ли им

присущи одни и те же знаки или же у каждого по паре разных.

– Ну я же тебе говорила! – бросила мать. – Каждый из знаков присущ кому-то одному. Так логичнее всего.

– Вот, излюбленная теория моей супруги! – сказал отец. – Но она не сходится. В некоторых историях единственный знак – это синий огонь. В других животные бешутся, а про синий огонь ни слова. А в третьих говорится и про человека с черными глазами, и про то, что животные бешутся, и про синий огонь тоже!

– Я же тебе говорила, как в этом разобраться! – сказала мать. Судя по ее раздраженному тону, этот спор они вели не впервые. – Они же не всегда появляются все вместе. Они могут приходить по трое или по четверо. И если от одного из них пламя тускнеет, то будет казаться, будто все они заставляют пламя тускнеть. Вот отсюда-то и расхождения в историях! И разное число, и разные знаки зависят от того, сколько их там присутствовало.

Отец что-то буркнул.

– Толковая у тебя жена, Арль! – сказал Бен, сняв повисшее напряжение. – За сколько продашь?

– Она мне, к сожалению, самому нужна, для работы. Но если тебя устроит взять ее на время внаем, то мы, пожалуй, сумеем договориться за уме...

Послышался увесистый тумак, мой отец болезненно крикнул своим звучным баритоном.

– Никакие другие знаки на ум не приходят?

– Предполагается, что они холодные на ощупь. Хотя каким образом это стало известно – ума не приложу. Я слышал, что возле них огонь не горит. Хотя это прямо противоречит тому, что огонь становится синим. Возможно...

Поднялся ветер, деревья зашумели. Шелест листвы заглушил то, что сказал Бен. Я воспользовался шумом, чтобы подобраться на несколько шагов поближе.

– ...«Скованы тенью», что бы это ни значило, – услышал я голос отца, когда ветер улегся.

Бен хмыкнул:

– Я этого тоже сказать не могу. Слышал я историю, в которой их выдало то, что тени их смотрели в противоположном направлении, навстречу свету. И еще одну, в которой говорилось, будто один из них был «В ярме тени». Там было сказано «что-то там в ярме тени». Но будь я проклят, если помню имя...

– Кстати, насчет имен – с ними у меня тоже проблемы, – сказал отец. – Я собрал пару десятков и был бы тебе признателен, если бы ты сказал, что думаешь по этому поводу. Самое распространенное...

– Вообще-то, Арль, – перебил его Бен, – я был бы тебе признателен, если бы ты не стал их произносить. Их имена, я имею в виду. Можешь написать на земле, коли хочешь, а не то я могу сходить за грифельной доской, но мне будет куда спокойнее, если ты не станешь их называть вслух. Знаешь,

как говорят: береженого Бог бережет.

Воцарилось глубокое молчание. Я, пробиравшийся вперед, так и застыл с поднятой ногой, из опасения, что меня услышат.

– Ну, чего вы на меня так уставились? – сердито буркнул Бен.

– Да мы просто удивлены, Бен, – ответил мягкий голос моей матери. – Нам казалось, ты не из суеверных.

– Я не суеверен, – сказал Бен. – Я осторожен. Это разные вещи.

– Ну да, разумеется, – сказал отец. – Мне и в голову не приходило...

– Прибереги это для тех, кто тебе платит, Арль, – перебил Бен. В его голосе отчетливо слышалось раздражение. – Ты, конечно, слишком хороший актер, чтобы это показывать, но я прекрасно вижу, когда меня держат за свихнувшегося!

– Да я просто не ожидал такого, Бен, – виновато отвечал отец. – Ты человек образованный, а я так устал, что люди тут же хватаются за железо и льют пиво, как только упомянешь о чандрианах! Я же не путаюсь с темными силами, я просто историю восстанавливаю!

– Так вот, послушай меня. Вы оба мне слишком нравитесь, чтобы допустить, чтобы вы считали меня старым дураком, – сказал Бен. – И к тому же мне потом надо кое о чем с вами поговорить, и для этого мне нужно, чтобы вы принимали меня всерьез.

Ветер набирал силу, и я воспользовался этим, чтобы пройти последние несколько шагов. Я подобрался к углу родительского фургона и выглянул сквозь завесу листвы. Все трое сидели вокруг костерка. Бен устроился на пеньке и кутался в свой потрепанный бурый плащ. Родители сидели напротив, мать привалилась к отцу, на плечи у них было накинуто одеяло.

Бен наполнил кожаную кружку из глиняной бутылки и протянул кружку моей матери. Когда он говорил, изо рта у него шел пар.

– Как относятся к демонам в Атуре? – спросил он.

– Боятся! – отец постучал себя по виску. – От всей этой религии у них мозги размякли.

– Ну а в Винтасе? – спросил Бен. – Там довольно много тейлинцев. Они к демонам так же относятся?

Мать покачала головой:

– Они полагают, что это несколько глупо. Они предпочитают думать, что демоны – это метафора.

– А кого же тогда боятся по ночам в Винтасе?

– Фейри, – ответила мать.

– Курганных жителей, – ответил отец одновременно с ней.

– Оба вы правы, смотря в какой части страны вы находитесь, – сказал Бен. – Ну а тут, в Содружестве, люди посмеиваются и над тем, и над другим. – Он указал на деревья вокруг нас. – Однако ближе к осени они стараются вести себя осторожно, чтобы не накликать шатунов.

– Так уж жизнь устроена, – добавил отец. – Половина актерского ремесла – в том, чтобы знать, чем дышит публика.

– Вы по-прежнему думаете, будто я тронулся умом, – усмехнулся Бен. – Вот послушайте: предположим, завтра мы приедем в Бирен и кто-нибудь вам скажет, что в лесу водятся шатуны. Вы ему поверите?

Отец покачал головой.

– Ну а если вам это скажут двое?

Отец снова покачал головой.

Бен подался вперед, не вставая с пенька:

– Ну а если десять человек вам скажут совершенно серьезно, что в лесу бродят шатуны, которые пожирают...

– Да нет же, конечно, я в это не поверю! – рассердился отец. – Это же курам на смех!

– Не поверишь, конечно, – согласился Бен и поднял палец. – Но вопрос-то вот в чем: а в лес ты после этого пойдешь?

Отец замер и впал в задумчивость.

Бен кивнул:

– Глупо было бы не прислушаться, когда полгорода тебя предупреждает, что там опасно, даже если ты и не веришь в то, во что верят они. Ну а если шатунов вы не боитесь, чего же тогда боитесь вы?

– Медведей.

– Разбойников.

– Хорошие, разумные страхи для бродячего актера, – ска-

зал Бен. – Страхи, которых горожане не поймут. В каждой местности – свои мелкие предрассудки, и все смеются над той чушью, в которую верит народ за рекой.

Он серьезно взглянул на них:

– Но вот слышали ли вы хоть раз шуточную песню или забавную историю про чандриан, а? Ставлю пенни, что ни разу.

Мать поразмыслила и покачала головой. Отец как следует приложился к кружке и последовал ее примеру.

– Так вот, я не хочу сказать, что чандрианы и в самом деле бродят где-то поблизости, налетая и убивая, точно молния с ясного неба. Однако боятся их повсюду. А такого обычно без причин не бывает.

Бен усмехнулся и опрокинул свою глиняную чашку, вытряхнув на землю последние капли пива.

– А имена – штука странная. Опасная штука имена! – Он пристально посмотрел на них. – Уж это-то я знаю наверняка, именно потому, что я – человек образованный. Ну а если я вдобавок чуток суеверен... – Он пожал плечами. – Что ж, это мой выбор. Я человек старый. Уж будьте ко мне снисходительны.

Отец задумчиво кивнул.

– Странно, как это я раньше не замечал, что к чандрианам все относятся одинаково? А ведь, казалось бы, я должен был это увидеть... – Он потряс головой, словно пытаясь прочистить мозги. – Однако, думаю, к именам мы можем вернуть-

ся и потом. Так о чем ты хотел поговорить?

Я собрался было незаметно улизнуть, пока меня не застукали, но то, что сказал Бен, заставило меня застыть на месте, не сделав и шага.

– Вам это, наверное, не заметно, вы ж его родители и все такое. Но ваш юный Квоут весьма способный мальчик. – Бен снова наполнил свою чашку и протянул кувшин отцу. Тот отказался. – На самом деле, «способный» – это слабо сказано. Очень, очень слабо.

Мать посмотрела на Бена поверх своей кружки:

– Ну, Бен, это любому видно, кто хоть немного с ним общается. Не понимаю, почему на этом следует заострять внимание. Тем более тебе.

– Мне кажется, что вы недооцениваете ситуацию, – сказал Бен, вытягивая ноги чуть ли не в самый огонь. – Скажите, легко ли он выучился играть на лютне?

Отец был, похоже, несколько удивлен столь внезапной переменной темы.

– Ну, довольно легко, а что?

– И сколько лет ему было?

Отец задумчиво потеревил бородку. В тишине, точно флейта, прозвучал голос моей матери:

– Восемь.

– Ну а теперь вспомни, как учился играть ты сам. Помнишь, сколько лет тебе было? Помнишь, с какими трудностями ты столкнулся?

Отец все теребил бородку, но вид у него сделался более задумчивый и взгляд отстраненный.

Абенти продолжал:

– Могу поручиться: он осваивал каждый аккорд, любой перебор с первого же раза, не запинаясь, не жалуясь. А если он и ошибался, то не более одного раза, верно?

Отец выглядел несколько смущенным:

– Ну, в основном да, но у него же тоже были трудности, как и у любого другого. Вот аккорд ми-мажор ему не давался. У него были большие проблемы с увеличенным и уменьшенным ми-мажором...

– Да, дорогой, я тоже это помню, – мягко вставила мать, – но, мне кажется, дело было просто в маленьких ручонках. Он был все-таки еще очень мал...

– И ручаюсь, что надолго его это не остановило, – негромко сказал Бен. – У него удивительные руки; моя мать назвала бы это «руки волшебника».

Отец улыбнулся:

– Ну да, руки у него от матери, тонкие, но сильные. То, что надо, чтобы горшки выскребать, а, женщина?

Мать шлепнула его, потом поймала за руку, развернула его кисть и показала Бену.

– Руки у него от отца: изящные и ласковые. То, что надо, чтобы соблазнять господских дочек!

Отец попытался было возразить, но она его не слушала.

– С такими глазами и руками ни одна женщина на свете

не сможет чувствовать себя в безопасности, когда он начнет охотиться за дамами!

– Ухаживать, дорогая, ухаживать!

– Смысл тот же, – пожала она плечами. – Охота здесь идет, охота там, и, право, я жалею честных дам, что непреложно помнят о законе и убежать сумели от погони.

Она снова приникла к отцу и положила его руку себе на колени. Она слегка склонила голову набок, он уловил намек, наклонился и поцеловал ее в уголок губ.

– Воистину! – воскликнул Бен, воздев кружку.

Отец обнял ее свободной рукой и сжал за плечи.

– И все равно, Бен, не пойму, к чему ты клонишь.

– Он все делает именно так: стремительно, как удар бича, и почти безошибочно. Могу поручиться: он знает все песни, что ты когда-либо ему пел. Он лучше меня знает, что где лежит у меня в фургоне.

Он снова взял бутыль и открыл пробку.

– Однако дело не только в хорошей памяти. Он соображает! До половины из того, что я только собирался ему показать, он уже дошел сам, своим умом.

Бен подлил пива моей матери.

– Ему одиннадцать лет. Вы когда-нибудь встречали мальчика его возраста, который разговаривал бы так, как он? Конечно, в значительной степени это связано с тем, что он растет в столь просвещенной атмосфере, – Бен указал на фургоны. – Но все же обычно самые глубокие мысли одиннадца-

тилетних мальчиков сводятся к тому, как ловчей играть в камушки и оттащить кошку за хвост.

Мать рассмеялась звонким, как колокольчик, смехом, однако лицо Абенти осталось серьезным.

— Это правда, сударыня. У меня бывали ученики намного старше, которые были бы в восторге, если бы добились хотя бы половины того, чего добился он. — Он ухмыльнулся. — Будь у меня его руки и хотя бы четверть его ума, через год я бы уже ел на серебре!

Воцарилась тишина. Мать негромко сказала:

— Я помню, когда он был младенцем, только-только учился ходить — как он смотрел, как он смотрел вокруг! Ясными, блестящими глазами, как будто весь мир хотел вобрать.

Голос у нее слегка дрогнул. Отец прижал ее к себе, и она опустила голову ему на грудь.

На этот раз молчание длилось дольше. Я уже было подумывал убраться прочь, но тут отец нарушил тишину:

— И что же ты советуешь делать?

В его голосе слышалась легкая озабоченность и отцовская гордость одновременно.

Бен мягко улыбнулся:

— Да ничего особенного. Просто подумайте о том, что вы можете ему предложить, когда придет время выбирать. Он оставит след в мире как один из лучших!

— Лучших в чем? — буркнул отец.

— В чем угодно, в том, что он выберет. Если он останется

здесь – не сомневаюсь, он сделается новым Иллиеном.

Отец улыбнулся. Для актеров Иллиен – истинный герой. Единственный эдема руэ, который сумел по-настоящему прославиться и оставить след в истории. Все наши древнейшие и лучшие песни принадлежат ему.

Более того, если верить легендам, в свое время Иллиен заново изобрел лютню. Иллиен сам был лютнистом, и именно он преобразовал архаичный, хрупкий, неуклюжий придворный инструмент в восхитительную, универсальную семиструнную актерскую лютню, на которой мы играем в наше время. В тех же легендах говорится, что на лютне самого Иллиена струн было восемь.

– Иллиен... Эта мысль мне нравится, – сказала мать. – И короли будут приезжать за много миль, чтобы послушать моего маленького Квоута!

– Он будет останавливать своей игрой трактирные потасовки и пограничные войны! – улыбнулся Бен.

– И дикие бабы станут садиться ему на колени и класть сиськи ему на голову! – с энтузиазмом добавил отец.

Ненадолго воцарилось ошеломленное молчание. Потом мать медленно и подчеркнуто произнесла:

– Полагаю, ты хотел сказать, «дикие звери станут класть головы ему на колени»?

– В самом деле?

Бен кашлянул и продолжал:

– Если он решит сделаться арканистом, думаю, годам к

двадцати четырем он получит должность при дворе. Если ему взбредет на ум стать торговцем, не сомневаюсь, что под старость он будет владеть половиной мира.

Отец насупил брови. Бен усмехнулся:

– Ну, насчет последнего можешь не беспокоиться. Для торговца он чересчур любопытен.

Бен помолчал, словно тщательно обдумывая то, что собирался сказать дальше.

– Его примут в университет, знаете ли. Разумеется, не прямо сейчас, много лет спустя. Моложе семнадцати туда не берут, но я не сомневаюсь, что...

Остального я уже не слышал. В университет! Университет к тому времени сделался для меня чем-то вроде двора Фейе, сказочным местом, о котором можно только мечтать. Школа размером с небольшой город! Десятью десять тысяч книг! Люди, знающие ответ на любой вопрос, который я мог бы задать...

Когда я снова обратил внимание на них, все молчали.

Отец смотрел на мать, угнездившуюся у него под мышкой:

– Ну что, женщина? Ты, часом, не с каким-нибудь залетным богом переспала двенадцать лет тому назад? Это могло бы разрешить нашу загадку!

Она шутливо шлепнула его, а потом ее лицо сделалось задумчивым:

– Ну, если так подумать, двенадцать лет тому назад ко мне и впрямь явился один мужчина... Он связал меня поцелуями

и оплел своей песней. Он лишил меня девичьей чести, украл и увез с собой. — Она помолчала. — Но он не был рыжий. Нет, вряд ли это он!

Она лукаво улыбнулась отцу. Тот, похоже, немного смутился. Она поцеловала его. Он поцеловал ее в ответ.

Мне нравится вспоминать их именно такими. Я тайком убрался прочь. В голове у меня вертелись мысли об университете.

Глава 13

Интерлюдия. Плоть и кровь внутри

В трактире «Путеводный камень» царило молчание. Молчание окутывало двоих людей, сидящих за столом в зале, где никого, кроме них, не было. Квоут умолк, и, хотя глаза его были устремлены на его скрещенные на груди руки, видели они нечто совсем иное. Когда он, наконец, поднял взгляд, он, похоже, удивился, увидев сидящего напротив Хрониста, с пером, зависшим над чернильницей.

Квоут смущенно выдохнул и сделал Хронисту знак отложить перо. Помедлив, Хронист повиновался: протер кончик пера чистой тряпицей и положил его на стол.

– Я бы чего-нибудь выпил, – внезапно объявил Квоут и как будто сам удивился. – В последнее время мне не так часто доводилось рассказывать истории, в горле пересохло.

Он плавно поднялся из-за стола и, лавируя меж пустых столов, направился к стойке.

– Могу предложить вам практически все что угодно: темный эль, светлое вино, сидр с пряностями, шоколад, кофе...

Хронист вскинул бровь:

– От шоколаду я бы не отказался, если он у вас есть. Я просто не ожидал встретить подобную роскошь в такой дали

от... – Он вежливо кашлянул. – В общем, от всего.

– У нас в «Путеводном камне» есть все! – сказал Квоут, небрежным жестом обводя пустой зал. – Ну, кроме посетителей.

Он вытащил из-под стойки керамическую бутылку, гулко брякнул ее на стойку. Вздохнул и позвал:

– Ба-аст! Сидру принеси, а?

Из-за двери в глубине зала буркнули в ответ что-то нечленораздельное.

– Эх, Баст... – укоризненно сказал Квоут, слишком тихо, чтобы быть услышанным.

– Сгонял бы да сам принес, бездельник! – крикнули из подвала. – Я тут занят!

– Что, работник? – поинтересовался Хронист.

Квоут облокотился на стойку и снисходительно улыбнулся.

Вскоре за дверью послышался топот каблуков по деревянным ступеням. И в дверях, что-то сердито бормоча себе под нос, показался Баст.

Одет он был просто: черная рубашка с длинными рукавами заправлена в черные штаны, черные штаны заправлены в мягкие сапожки. Черты лица у него были резкие и изящные, можно сказать, красивые, с ослепительно-голубыми глазами.

Он принес бутылку на стойку, двигаясь со странной, довольно приятной для глаз грацией.

– Всего один посетитель? – укоризненно сказал он. – И

ты не мог сходить сам? Ты меня, между прочим, оторвал от «Целум тинтуре»! А сам целый месяц зудел, чтобы я ее прочел!

– Баст, а знаешь ли ты, что делают в университете со студентами, которые подслушивают своих учителей? – коварно осведомился Квоут.

Баст прижал руку к груди и принялся уверять, что он, мол, ни сном ни духом...

– Ба-аст! – Квоут посмотрел на него сурово.

Баст закрыл рот. У него сделался такой вид, словно он придумывает новое оправдание, но потом плечи у него поникли.

– А как ты узнал?

Квоут хмыкнул:

– Да ты этой книги избегал целый смертный век! И либо ты вдруг сделался на удивление прилежным учеником, либо ты был занят чем-то непопозволенным.

– И что же в университете делают со студентами, которые подслушивают? – с любопытством осведомился Баст.

– Понятия не имею, я-то ни разу не попадался! Думаю, заставить тебя сесть и дослушать мою историю до конца будет справедливым наказанием. Однако же я забылся, – сказал Квоут, указывая в сторону зала. – Мы совсем забросили нашего гостя!

Хронист, однако, судя по всему, отнюдь не скучал. С тех пор, как Баст вошел, Хронист наблюдал за ним, не отводя

глаз. И, слушая разговор, Хронист выглядел все более озадаченным и сосредоточенным.

Честно говоря, о Басте стоит рассказать поподробнее. На первый взгляд он выглядел довольно обыкновенным, хотя и смазливый молодым человеком. Однако было в нем нечто необычное. Вот, к примеру, ходил он в мягких сапожках из черной кожи. По крайней мере, если посмотреть на него в упор, видны были именно сапожки. Однако, если взглянуть на него краем глаза, когда свет падал нужным образом, можно было увидеть нечто совсем иное.

И, если вы обладали нужным складом ума, если вы из тех, кто действительно видит то, на что смотрит, вы могли бы обратить внимание, что глаза у него какие-то странные. И, если вы обладали редким даром не позволять вашим собственным ожиданиям вас обманывать, вы могли бы заметить в них кое-что еще, нечто странное и удивительное.

По этой-то причине Хронист, не отрываясь, смотрел на молодого ученика Квоута, пытаясь сообразить, что же с ним не так. К тому времени как они закончили разговор, взгляд Хрониста можно было назвать как минимум пристальным, если не наглым. И когда Баст, наконец, повернулся лицом к залу, глаза Хрониста заметно расширились, и лицо его, и без того бледное, побелело еще сильнее.

Хронист сунул руку под рубашку и достал что-то, висевшее у него на шее. Он положил это на стол, на расстоянии вытянутой руки, между собою и Бастом. Все это он сделал

в долю секунды, не отрывая глаз от черноволосого молодого человека у стойки. Лицо Хрониста, когда он твердо вдавил металлический диск в стол двумя пальцами, было спокойным.

– Железо! – сказал он. Голос его приобрел странную звучность, как будто то был приказ, которому следовало повиноваться.

Баст согнулся пополам, как будто ему дали под дых, ощерил зубы и издал звук, средний между рыком и воплем. Со сверхъестественным, гибким проворством он вскинул руку на уровень головы и напрягся, готовясь к прыжку.

Все это – за время, которое требуется, чтобы сделать резкий вдох. И тем не менее длиннопалая рука Квоута каким-то образом перехватила запястье Баста. Баст либо не заметил этого, либо не счел нужным заметить и бросился на Хрониста, но рука Квоута остановила его на полпути, словно железный наручник. Баст отчаянно забился, пытаясь освободиться, но Квоут стоял за стойкой, вытянув руку, неподвижно, точно стальной или каменный.

– Стоять! – возглас Квоута рассек воздух, точно приказ командира, и в воцарившейся тишине прозвучали резкие и злые слова:

– Я не потерплю драк между моими друзьями! Я и без того довольно всего потерял.

Его взгляд упал на Хрониста.

– А ну, прекратите, а не то сломаю!

Потрясенный Хронист помедлил. Затем беззвучно шевельнул губами и с легкой дрожью отвел руку от кружка тусклого металла, лежащего на столе.

Напряжение Баста схлынуло, и на миг он безвольно, точно тряпичная кукла, повис на руке, за которую по-прежнему держал его стоящий за стойкой Квоут. Потом дрожащий Баст кое-как встал на ноги и привалился к стойке. Квоут посмотрел на него долгим, испытующим взглядом и выпустил его руку.

Баст плюхнулся на табурет, не сводя глаз с Хрониста. Двигался он осторожно и неуверенно, точно человек с незажившей раной.

Кроме того, Баст изменился. Глаза, смотревшие на Хрониста, по-прежнему были ослепительно-голубыми, как море, но теперь стало видно, что они сплошь одного цвета, точно драгоценные камни или глубокие лесные омуты, а вместо мягких кожаных сапожек обнаружились изящные раздвоенные копытца.

Квоут властно махнул Хронисту, потом обернулся и взял два стаканчика толстого стекла и одну из бутылок, будто наугад. Он поставил стаканы на стойку. Баст с Хронистом опасно смотрели друг на друга.

– Значит, так, – сердито сказал Квоут. – Вас обоих, конечно, можно понять, но это далеко не значит, что вы оба вели себя достойно. Так что нам, пожалуй, стоит начать все заново.

Он взял дыхание.

– Баст, разреши представить тебе Девана Локхиса, известного также под именем Хронист. Он славится своим умением рассказывать, запоминать и записывать истории. Помимо этого, если я не лишился вдруг рассудка, он достойный член арканума, как минимум – ре-лар, один из, быть может, двух десятков людей во всем мире, знающих имя железа.

– Однако же, – продолжал Квоут, – невзирая на все сии достоинства, он несколько наивен в том, что касается обычаев мира сего. Как показала его редкостно слабоумная и почти самоубийственная попытка напасть на первого, подозреваю, представителя народа, которого ему посчастливилось встретить в своей жизни.

Все время, пока Квоут представлял Хрониста, сам Хронист бесстрастно стоял, глядя на Баста так, словно тот был змеей.

– Господин Хронист, я хотел бы представить вам Бастаса, сына Реммена, князя Сумерек и телвит-маэль. Самый способный, то бишь единственный ученик, которого я имею несчастье обучать. Мастер ворожбы, буфетчик и, не в последнюю очередь, мой друг. Который за свои сто пятьдесят лет, не считая уже почти двух лет обучения под моим руководством, ухитрился так и не узнать нескольких важных фактов. Во-первых, того, что нападать на члена арканума, достаточно искусного, чтобы выполнять связывание железа, просто глупо.

– Он же сам на меня напал! – с жаром возразил Баст.

Квоут холодно взглянул на него:

– Я не говорил, что это было неоправданно. Я сказал, что это было глупо!

– Я бы его одолел.

– Вполне вероятно. Но ты бы при этом был ранен, а он – ранен либо убит. Ты забыл, что я представил его как моего гостя?

Баст умолк. Однако выражение лица у него осталось воинственным.

– Ну вот, – сказал Квоут с натянутой жизнерадостностью, – теперь вы знакомы!

– Очень рад, – ледяным тоном процедил Баст.

– Аналогично, – в тон ему ответил Хронист.

– У вас нет никаких причин не быть друзьями, – продолжал Квоут, мало-помалу начиная закипать. – Так ли говорят между собой друзья, а?

Баст с Хронистом продолжали смотреть друг на друга, не двигаясь с места.

– Если вы не бросите дурить, – очень тихо произнес Квоут, – можете сразу убираться отсюда, оба. Один из вас останется с жалким огрызком истории, а второму придется искать себе нового наставника. Если я чего не готов терпеть, так это злостной гордыни!

В негромком и настойчивом голосе Квоута было нечто, что заставило их оторвать взгляд друг от друга. А когда они

обернулись и посмотрели на него, то им показалось, что за стойкой стоит совершенно другой человек. Добродушный трактирщик куда-то исчез, и его место занял некто мрачный и грозный.

«Он же так молод! – удивился Хронист. – Ему никак не может быть больше двадцати пяти... Как же я не заметил этого прежде? Он может переломить меня голыми руками, точно щепку. И как я мог хоть на миг принять его за трактирщика?»

И тут он увидел глаза Квоута. Они потемнели, сделавшись такими густо-зелеными, что казались почти черными. «Вот кого я искал! – подумал про себя Хронист. – Вот человек, дававший советы королям и бродивший древними путями, не имея иного проводника, кроме собственного разума. Вот человек, чье имя сделалось в университете одновременно похвалой и бранным словом!»

Квоут по очереди уставился на Хрониста и на Баста. Ни тот, ни другой не сумел долго выдержать его взгляда. После неловкой паузы Баст протянул руку. Хронист, поколебавшись какую-то долю секунды, подал руку каким-то рывком, точно совал ее в огонь.

Ничего не случилось. Оба, похоже, были несколько удивлены.

– Удивительно, не правда ли? – ядовито сказал им Квоут. – Пять пальцев из плоти, и кровь внутри! Еще чуть-чуть – и можно подумать, будто на том конце руки – разумное

существо!

Лица у обоих мало-помалу сделались виноватые. Они разжали руки.

Квоут плеснул что-то из зеленой бутылки в оба стакана. И этот простой жест его преобразил. Он как будто выцвел, снова сделавшись самим собой. В нем осталось очень мало от того темноглазого человека, что стоял за стойкой минуту назад. Хронист посмотрел на трактирщика, с рукой, замотанной в белую тряпку, и ощутил горечь утраты.

– Ну вот, – Квоут подвинул им стаканы. – Возьмите, садитесь вон за тот стол и поболтайте пока. Желательно, чтобы, когда я вернусь, оба вы были живы и дом не был объят пламенем. Договорились?

Баст смущенно улынулся. Хронист взял оба стакана и вернулся за стол. Баст последовал было за ним и чуть было не сел, но потом спохватился, вернулся и сграбастал бутылку.

– Смотрите, не особо налегайте на это пойло! – предупредил Квоут, уходя в заднюю дверь. – Я не хочу, чтобы вы хихикали, когда я примусь рассказывать!

Двое за столом завязали неловкую, напряженную беседу. Квоут ушел на кухню. Несколько минут спустя он вернулся и принес сыр, каравай черного хлеба, холодную курицу, колбасу, масло и мед.

Они пересели за стол побольше. Квоут расставил тарелки. Он деловито суетился, ну ни дать ни взять – трактирщик! Хронист исподтишка наблюдал за ним. Ему просто не вери-

лось, что этот человек, который мурлычет себе под нос, нарезая колбасу, – тот самый, кто буквально только что стоял за стойкой, грозно темнея глазами.

Пока Хронист собирал бумагу и перья, Квоут через окно посмотрел, на какой высоте стоит солнце. Лицо у него сделалось задумчивым. Наконец, он обернулся к Басту:

– Много ли тебе удалось подслушать?

– Почти все, Реши! – улыбнулся Баст. – Слух у меня острый!

– Это хорошо. А то восполнять упущенное нам некогда. – Он перевел дух. – Ну что ж, тогда вернемся к рассказу. Мужайтесь: история меняет ход. Дальше она пойдет под уклон. Все становится мрачно. Собираются тучи.

Глава 14

Имя ветра

Зимой дела у странствующих актеров идут ни шатко ни валко, однако Абенти употребил это время с пользой и наконец-то взялся всерьез учить меня симпатии. Однако, как это часто бывает, особенно у детей, ожидания оказались куда более захватывающими, чем вышло на самом деле.

Было бы неправдой сказать, что симпатия меня разочаровала. Но, честно говоря, я действительно был разочарован. Магия оказалась совсем не такой, как я ее представлял.

Она была полезна. Этого отрицать нельзя. Бен использовал симпатию, чтобы ставить свет на наших представлениях. С помощью симпатии можно было развести огонь без кремня, можно было поднимать тяжести, не громоздя веревок и блоков.

Однако в первый раз, как я увидел Бена, он каким-то образом призвал ветер! Это была не обычная симпатия. Это была настоящая магия, как в сказках. И больше всего на свете мне хотелось узнать эту тайну.

Весенняя распутица осталась позади, и труппа колесила по лесам и полям западного Содружества. Я, как обычно, ехал на передке Бенова фургона. Лето как раз решилось

вновь дать о себе знать, и вокруг все росло и зеленело.

Около часа все было тихо. Бен подремывал, придерживая одной рукой провисшие вожжи. И тут под колесо попался камень, нас потрянуло, и мы оба очнулись от своих дум.

Бен выпрямился на сиденье и обратился ко мне тоном, который я про себя называл «у меня есть для тебя загадка»:

– Как бы ты поступил, если бы тебе надо было вскипятить котелок?

Я огляделся, увидел большой валун у дороги и указал на него:

– Вон тот камень лежит на солнце, он наверняка нагрелся. Я связал бы его с водой в котелке, и теплота камня вскипятила бы воду.

– Камень с водой – не самая эффективная связь, – поддел меня Бен. – На нагревание воды пойдет всего лишь одна пятнадцатая энергии.

– Но сработает же!

– Ну да, согласен. Но это слабый вариант. Ты способен на большее, э-лир!

Он принялся покрикивать на Альфу и Бету – знак, что он действительно в хорошем настроении. Ослики отнеслись к этому так же спокойно, как и всегда, несмотря на то что Бен обвинял их в таком, чего ни один осел наверняка по доброй воле делать не станет – особенно Бета: старушка отличалась безупречным моральным обликом.

Бен остановился на середине тирады и спросил:

– Ну а как бы ты заставил вон ту птицу упасть на землю? – Он указал на коршуна, кружащего над пшеничным полем у дороги.

– Наверное, никак. Он же мне ничего не сделал.

– Ну а гипотетически?

– А я и говорю гипотетически. Не стал бы я этого делать.

Бен хмыкнул:

– Замечание принято, э-лир. Но все же, как именно ты бы это сделал? И поподробней, пожалуйста!

– Попросил бы Терена его подстрелить.

Бен задумчиво кивнул:

– Хорошо-о... Однако дело касается только тебя и той птицы. Этот коршун, – он негодуяше указал на него, – сказал какую-то гадость про твою матушку!

– О-о! Тогда моя честь требует защитить ее доброе имя самому.

– Именно так!

– А перо у меня есть?

– Нет.

– Да Тейлу ж ты... – я перехватил его неодобрительный взгляд и прикусил язык. – Вечно ты все усложняешь!

– Эту дурную привычку я подхватил у одного ученика, который слишком умен для своего же блага. – Он улыбнулся. – Ну а что бы ты мог сделать, даже если бы перо у тебя было?

– Связал бы его с птицей и намылил его щелоком.

Бен нахмурил брови – то, что от них осталось.

– Каким связыванием?

– Химическим. Наверное, вторым каталитическим.

Бен задумался, помолчал.

– Вторым каталитическим... – Он поскреб подбородок. – Это чтобы растворить жир, который придает гладкость перьям?

Я кивнул.

Он задрал голову, посмотрел на птицу.

– Такое мне даже в голову не приходило! – сказал он со сдержанным восхищением. Я принял это как комплимент.

– Но тем не менее, – Бен снова посмотрел на меня, – пера у тебя нет. Как же ты заставишь его упасть на землю?

Я размышлял несколько минут, но так ничего и не придумал. Тогда я решил попытаться сменить тему урока.

– Ну, – небрежно сказал я, – я просто призвал бы ветер, и он сбил бы птицу с неба!

Бен бросил на меня расчетливый взгляд, который дал мне понять, что он прекрасно понял, к чему я клоню.

– И как же ты бы это сделал, а, э-лир?

Я почуял, что он, возможно, наконец-то готов открыть мне тайну, которую скрывал все эти зимние месяцы. И в то же время меня осенило.

Я набрал в грудь побольше воздуха и произнес слова, связывающие воздух в моих легких с воздухом снаружи. Я прочно укрепил свой алар, сунул большой и указательный палец в сложенные трубочкой губы, и свистнул.

В спину мне дунуло ветерком, ветерок взъерошил мои волосы, тент фургона на мгновение вздулся. Возможно, это было простое совпадение, и тем не менее я невольно расплылся в торжествующей улыбке. В первую секунду я, как идиот, ухмылялся Бену. Лицо у Бена недоверчиво вытянулось.

А потом грудь мне что-то сдавило, как будто я очутился глубоко под водой.

Я попытался вздохнуть и понял, что не могу. Я слегка удивился и продолжал пытаться. Было такое ощущение, как будто я грохнулся на спину и из меня вышибло дух.

И тут вдруг я осознал, что наделал. Меня прошиб холодный пот, я отчаянно вцепился в рубаху Бена и принялся тыкать пальцем в свою грудь, в шею, в разинутый рот.

Лицо Бена из изумленного сделалось мертвенно-бледным.

Я осознал, как тихо стало вокруг. Ни одна травинка не шелхнется. И даже стук колес фургона доносился как-то приглушенно, словно издалека.

Разум мой выл от ужаса, все мысли затопило страхом. Я принялся хвататься за горло, раздирая ворот рубахи. Сквозь звон в ушах гремело колотящееся сердце. Грудь пронзала боль, я все напрягался, пытаюсь вдохнуть.

Бен стремительно – я еще ни разу не видел, чтобы он двигался так быстро, – ухватил меня за разорванную рубаху и соскочил с подножки фургона. Спрыгнул в траву у дороги и шваркнул меня оземь с такой силой, что из меня бы непре-

менно вышибло дух, если бы я только мог дышать.

Я забился на земле. Из глаз у меня хлынули слезы. Я понимал, что сейчас умру. Глаза жгло. Я, как безумный, впиался в землю немеющими, холодными как лед пальцами.

Я слышал, что кто-то что-то кричит, но словно издалека. Бен упал на колени рядом со мной, но небо над ним уже темнело. Он выглядел каким-то рассеянным, словно прислушивался к чему-то, чего я слышать не мог.

Потом посмотрел на меня. Я помню только его глаза: они смотрели откуда-то издалека, и жуткая сила была в них, холодная и бесстрастная.

Он посмотрел на меня. Его губы шевельнулись. Он призвал ветер.

Я содрогнулся, как листок, пораженный молнией. И грянул черный гром.

Следующее, что я помню, – это как Бен поднимал меня на ноги. Я смутно сознавал, что прочие фургоны остановились и из них выглядывают любопытные лица. Из нашего фургона выскочила мать, Бен встретил ее на полдороге и со смешком сказал ей что-то ободряющее. Что именно – я не разобрал, я был занят тем, что дышал, глубоко и вдумчиво.

Прочие фургоны покатили дальше. Я молча побрел следом за Беном к его фургону. Он долго возился напоказ, проверял веревки, натягивающие брезент. Я собрался с мыслями и принялся ему помогать как мог, когда мимо проехал последний фургон нашей труппы.

Подняв глаза, я обнаружил, что взгляд у Бена разъяренный.

– Чем ты думал?! – прошипел он. – Ну? Чем?! Чем ты думал?

Я его таким еще никогда не видел: все его тело собралось в сплошной комок гнева. Бена буквально трясло от ярости. Он занес было руку, чтобы ударить меня... но остановился. Постоял так, потом уронил руку.

Методично проверил последнюю пару веревок и снова взобрался на козлы. Не зная, что еще делать, я последовал за ним.

Бен тряхнул вожжами, и Альфа с Бетой потащили фургон дальше. Теперь мы оказались в хвосте. Бен смотрел прямо перед собой. Я теребил порванный ворот рубашки. Царило напряженное молчание.

Теперь, оглядываясь назад, я понимал, что сделанное мной было вопиющей глупостью. Связав свое дыхание с воздухом вовне, я сделал для себя невозможным дышать. В моих легких было недостаточно силы, чтобы ворочать таким количеством воздуха. Для этого нужна была грудь, как железные меха. С тем же успехом можно было пытаться осушить реку одним глотком или там поднять гору.

Часа два мы ехали в этом неуютном молчании. Солнце коснулось макушек деревьев, когда Бен, наконец, глубоко вздохнул и шумно выдохнул. И передал мне вожжи.

Я посмотрел на Бена и впервые осознал, какой он старый.

Я всегда знал, что ему уже под шестьдесят, но никогда еще не видел, чтобы он выглядел на свои годы.

— Я тут соврал твоей матери, Квоут. Она увидела самый конец того, что произошло, и встревожилась. — Говоря так, он не отрывал глаз от едущего впереди фургона. — Я ей сказал, что мы репетируем, готовим кое-что для представления. Она хорошая женщина. Она не заслуживает того, чтобы ей врили.

Мы все ехали и ехали в этом мучительном молчании. Однако до заката было еще несколько часов, когда я услышал крики, передающиеся от фургона к фургону: «Серовик! Серовик!» Фургон свернул с дороги на траву, его затрясло на кочках, и это заставило Бена очнуться от мрачных дум.

Он огляделся и увидел, что солнце еще высоко в небе.

— А что это мы останавливаемся так рано? Дорогу деревом завалило?

— Серовик!

Я указал вперед, на массивную каменную глыбу, вздымающуюся над крышами фургонов.

— Что-что?

— Ну, они время от времени встречаются нам по дороге.

Я снова указал на серый камень, выглядывающий из-за вершин невысоких придорожных деревьев. Как и большинство серовиков, то был грубо вытесанный прямоугольный блок высотой футов в двенадцать. Окружившие его фургоны выглядели довольно хрупкими рядом с этой машиной.

– Я слышал, что их называют «стоячими камнями», но я видел много таких камней, которые не стояли, а лежали на боку. Когда мы встречаем такой камень, мы всегда останавливаемся возле него на целый день, разве что мы ужасно спешим...

Я остановился, сообразив, что что-то слишком много болтаю.

– Я их знаю под другим названием. Путевые камни... – негромко сказал Бен. Он выглядел старым и усталым. Немного погодя он спросил: – А почему вы останавливаетесь, когда встречаете такой камень?

– Ну, просто так принято. Это отдых в пути. – Я поразмыслил. – Наверно, считается, что они приносят удачу...

Мне хотелось сказать что-нибудь еще, чтобы поддержать разговор, разжечь интерес Бена, но я не мог придумать, что еще сказать.

– Возможно, это и правда, – Бен направил Альфу с Бетой к свободному пятачку по ту сторону камня, в стороне от прочих фургонов. – Приходи ко мне ужинать или сразу после ужина. Нам надо поговорить.

Он повернулся спиной, не взглянув на меня, и принялся выпрягать Альфу.

Я еще никогда не видел Бена в подобном настроении. Встревоженный тем, что все испортил, я побежал к родительскому фургону.

Мать сидела у свежеразложенного костерка, по одному

добавляя в него прутики, чтобы он как следует разгорелся. Отец сидел у нее за спиной, разминая ей шею и плечи. Услышав мой топот, оба вскинули голову.

– Можно мне сегодня вечером поужинать с Беном?

Мать взглянула на отца, потом снова посмотрела на меня.

– Не слишком ли ты навязчив, милый?

– Он сам пригласил. Если я пойду прямо сейчас, я могу помочь ему устроиться на ночь.

Мать повела плечами, и отец снова принялся их разминать. Она улыбнулась мне:

– Тоже верно. Но смотри, не засиживайся полночь! – Она снова улыбнулась. – Иди, поцелуемся!

Она протянула руки, я обнял и поцеловал ее.

Отец тоже меня поцеловал.

– Давай сюда твою рубашку. Мне будет чем заняться, пока мама готовит ужин.

Он стащил с меня рубашку, ощупал порванные края.

– Это ж надо было ухитриться так ее изодрать, а?

Я принялся было мямлить какие-то оправдания, но отец отмахнулся.

– Знаю, знаю, это все ради высшего блага. Но ты все-таки постарайся быть поаккуратнее, а не то самого штопать заставлю. В твоём сундуке есть чистая рубашка. Принеси заодно иголку с ниткой, будь так любезен.

Я шмыгнул в фургон и достал свежую рубашку. Разыскивая иголку с ниткой, я слышал, как мать напевает:

В окне пылает золотой закат,
В вечерний час я жду тебя одна,
Ты должен был давно прийти назад,
Но ждет любовь, тебе верна!

Отец отвечал:

В вечерний час я повернул домой,
При отблесках последнего луча,
Вокруг темно и слышен ветра вой,
Но светит мне родной очаг!

Когда я вышел из фургона, отец театрально перегнул ее через руку и склонился над ней в поцелуе. Я положил иголку с ниткой рядом со своей рубашкой и стал ждать. Поцелуй, судя по всему, был хорош. Я пристально наблюдал за ними, смутно сознавая, что в будущем мне рано или поздно самому захочется поцеловать даму. И, если уж до этого дойдет, я хотел сделать это как следует.

Через некоторое время отец заметил меня и поднял ее.

– С тебя полпенни за представление, господин Зевака! – усмехнулся он. – Ты почему еще здесь, парень? Могу побиться об заклад на те же полпенни, ты хотел о чем-то спросить.

– А почему мы останавливаемся возле серовиков?

– Таков обычай, мой мальчик! – величественно ответил он, разведя руками. – И предрассудок. В любом случае это

одно и то же. Мы останавливаемся потому, что камни приносят удачу, и потому, что всем приятно вдруг взять и остановиться на отдых.

Он помолчал.

– Я про них даже стишок знал. Как же там было-то?..

Как тягокамень, даже в наших снах,
Стоячий камень на пути стоит,
Все глубже в Фейе он тебя манит,
Ключ-камень путь откроет сквозь холмы
Туда, где что-то, что-то, что-то... мы.

Отец немного постоял, глядя в никуда и теребя нижнюю губу. Наконец он покачал головой.

– Нет, конец последней строчки забыл. Господи, до чего же я не люблю стихи! Как вообще можно запомнить слова, если они не положены на музыку?

Он сосредоточенно насупил брови, беззвучно повторяя слова про себя.

– А что такое «тягокамень»? – спросил я.

– Это старое название лоденников, – объяснила мать. – Кусочки звездного железа, которые притягивают к себе всякое другое железо. Я такой видела много лет назад, в собрании дикувинок.

Она подняла взгляд на отца, который все что-то бубнил себе под нос:

– Мы же с тобой видели лоденник в Пелересине, да?

– А? Что? – Вопрос вывел его из задумчивости. – Ну да. В Пелересине.

Он снова подергал себя за губу и нахмурился.

– Сын мой, даже если ты все забудешь, помни одно. Поэт – это музыкант, который не умеет петь. Слова вынуждены искать путь к разуму человека прежде, чем добраться до сердца, а у многих людей разум – мишень прискорбно мелкая. Музыка же трогает сердце напрямую, независимо от того, насколько мелок или упрям разум слушателя.

Мать несколько неженственно фыркнула:

– Сноб! Ты просто стареешь. – Она театрально вздохнула. – На самом деле, в том-то вся и трагедия. Второе, что покидает человека – это его память.

Отец негодуяще напыжился, но мать не обратила на него внимания и сказала мне:

– Кроме того, единственный обычай, который заставляет трупы останавливаться возле серовиков – это лень. Стишок должен был выглядеть как-то так:

Зимою ли, летом
Дорогой бреду,
Прилечь по дороге
Я повод найду,
Кто хочет лениться —
И камень сгодится!

Отец подошел к ней со спины, и глаза у него мрачно сверк-

нули.

– Старею? – вполголоса переспросил он, вновь принимаясь разминать ей плечи. – Женщина, я намерен тебе доказать, как ты не права!

Она лукаво улыбнулась:

– Сударь, я намерена вам это позволить!

Тут я счел за лучшее оставить их разбираться между собой и торопливо зашагал в сторону Бенова фургона, когда отец окликнул меня сзади:

– Ну что, гаммы завтра после обеда? И второй акт «Тинбертина»?

– Ладно!

Я пустился вприпрыжку.

Когда я вернулся к фургону Бена, он уже распряг Альфу с Бетой и чистил их. Я принялся раскладывать костер: обложил кучку сухой листвы шалашиком из прутьев и веточек, снизу тонких, сверху потолще. Управившись, я обернулся к Бену.

Бен снова молчал. А когда заговорил, я буквально видел, как он подбирает слова.

– Что тебе известно о новой песне твоего отца?

– Это про Ланре-то? – уточнил я. – Немного. Ты же знаешь, какой он. Никому ничего не показывает, пока не закончит. Даже мне.

– Я не о самой песне, – сказал Бен. – Я об истории, которая за ней стоит. Об истории Ланре.

Я вспомнил десятки историй, которые при мне собирал отец за последний год, пытаясь нащупать общие нити.

– Ланре был князь, – сказал я. – То ли король... Знатный кто-то. Он хотел сделаться могущественней всех на свете. Он продал душу за власть, но потом что-то пошло не так, и он, кажется, то ли с ума сошел, то ли никогда больше не мог уснуть, то ли...

Я увидел, что Бен качает головой, и остановился.

– Не продавал он душу, – сказал Бен. – Ерунда это все.

Он испустил тяжкий вздох и как будто сдулся.

– Нет, я все делаю не так! Забудь про песню твоего отца. Поговорим об этом после, когда он закончит. Просто, зная историю Ланре, тебе было бы проще понять некоторые вещи.

Бен перевел дух и начал снова:

– Вот, предположим, у нас есть безрассудный шестилетний ребенок. Много ли вреда он может причинить?

Я ответил не сразу, не зная, какого ответа он ждет. Пожалуй, лучше всего будет ответить прямо:

– Немного.

– А предположим, ему двадцать лет, а он все такой же безрассудный – насколько он опасен?

Я решил придерживаться очевидных ответов:

– Все равно не очень, но опасней, чем прежде.

– А если дать ему меч?

До меня начало доходить. Я зажмурился.

– Намного опасней! Да, Бен, я все понял. Правда понял.

Могущество – это хорошо, и глупость, по большей части, безобидна. Но вот могущество, соединенное с глупостью, опасно.

– А я не говорил про «глупость» – поправил меня Бен. – Ты же умный. Мы оба это знаем. Но ты бываешь безрассуден. Умный, и при этом безрассудный человек – одна из самых ужасных вещей, какие только бывают. Хуже того: я поделился с тобой опасными знаниями.

Бен посмотрел на разложенный мною костер, потом взял листик, пробормотал несколько слов и стал смотреть, как между прутиков и растопки трепещет маленький огонек. Он взглянул на меня:

– Ты можешь убить себя вот таким простым действием. – Он криво усмехнулся. – Или поисками имени ветра.

Он начал было говорить что-то еще, потом остановился и потер лицо руками. Снова тяжело вздохнул и как будто сдулся. Когда он отвел руки, лицо у него выглядело усталым.

– Напомни-ка, сколько тебе лет?

– Двенадцать будет в том месяце.

Он покачал головой:

– Об этом так легко забыть! Ты ведешь себя не на свой возраст.

Он пошевелил костер палкой.

– Мне было восемнадцать, когда я поступил в университет, – сказал он. – К тому времени как я узнал столько, сколько знаешь ты, мне исполнилось двадцать.

Он не отрываясь смотрел в огонь.

– Прости меня, Квоут. Сегодня вечером мне надо побыть одному. Мне надо поразмыслить.

Я молча кивнул. Слазил в его фургон, достал треногу, чайник, воду и чай. Принес все это и тихонько положил рядом с Беном. Когда я пошел прочь, он все еще смотрел в огонь.

Понимая, что родители не рассчитывают, что я вернусь так скоро, я направился в лес. Мне и самому надо было поразмыслить. Я был обязан Бену хотя бы этим. И жалел, что не смогу сделать большего.

Миновал полный оборот, прежде чем Бен снова сделался самим собой, живым, веселым Беном. Но и тогда между нами не стало все как раньше. Мы по-прежнему были очень дружны, и все-таки что-то стояло между нами, и я видел, что Бен намеренно держится отстраненно.

Уроки наши почти прекратились. Бен остановил мое только-только начавшееся изучение алхимии, ограничившись одной только химией. Обучать меня сигалдри он отказался вовсе, а главное, свел к минимуму обучение симпатии – он давал мне только то, что считал безопасным.

Эта медлительность меня бесила, однако я помалкивал, рассчитывая, что, если я буду демонстрировать ответственность, скрупулезность и добросовестность, Бен рано или поздно успокоится и все пойдет на лад. Мы были одной семьей, и я знал, что все неурядицы между нами так или иначе

загладятся. Мне нужно было только время.

Я и не подозревал, что наше время уже на исходе.

Глава 15

Развлечения и расставание

Городок звался Хэллоуфелл. Мы задержались там на несколько дней, потому что в городке был хороший каретник, а почти все наши фургоны так или иначе нуждались в наладке и починке. И, пока мы ждали, Бен получил предложение, от которого он не мог отказаться.

Это была вдова, небедная, нестарая и, на мой неопытный взгляд, довольно привлекательная. Официально она искала наставника для своего сына. Однако любой, кто видел их вдвоем, понимал, в чем тут дело.

Она была женой пивовара, но он утонул пару лет назад. Она пыталась управляться с пивоварней, как уж могла, но всех секретов ремесла она не знала, и потому дела шли ни шатко ни валко.

Как видите, лучшей приманки для Бена и придумать было нельзя.

Мы изменили свои планы, и труппа задержалась в Хэллоуфелле еще на несколько дней. Мой двенадцатый день рождения немного перенесли и совместили с прощальной пирушкой Бена.

Чтобы представить, как все это выглядело, вам следует

знать, что нет ничего великолепней труппы, когда актеры играют друг для друга. Хорошие артисты стараются, чтобы каждое выступление выглядело как нечто особое, но все-таки не стоит забывать, что до вас они выступали еще перед сотней других залов. И даже самые преданные своему делу труппы иной раз играют спустя рукава, особенно когда знают, что это сойдет им с рук.

В маленьких городках, в сельских трактирах зрители просто не отличат хорошего выступления от слабого. А вот твои товарищи-актеры еще как отличат!

Ну а теперь представьте, что можно показать людям, которые тысячу раз видели тебя на сцене? Стряхнуть пыль со старых трюков. Придумать несколько новых. И надеяться на лучшее. Ну и, разумеется, крупные провалы позабавят твоих товарищей не меньше крупных успехов!

Я запомнил тот вечер как сплошной водоворот восхитительно теплых чувств, слегка приправленных горечью. Скрипки, лютни, барабаны, все играют, пляшут и поют – кто во что горазд. Смею сказать, что мы превзошли любое празднество фейри, какое только можно представить.

Мне наделили подарков. Трип подарил мне нож на пояс с кожаной рукоятью, сказав, что у каждого мальчишки должно быть что-нибудь, чем можно порезаться. Шанди подарила мне чудесный плащ, сшитый собственноручно, с кучей мелких кармашков для всяких мальчишеских сокровищ. Родители подарили мне лютню, замечательную лютню блестяще-

го черного дерева. Разумеется, меня заставили сыграть песню, и Бен пел вместе со мной. Я немного сбился на непривычном инструменте, а Бен пару раз куда-то ушел на поиски нот, но все было замечательно.

Бен откупорил маленький бочонок меда, который приберегал «как раз на такой случай». Я помню, что на вкус этот мед был точно таким, как я себя чувствовал: сладкий, горьковатый и угрюмый.

Несколько человек собрались и вместе сочинили «Балладу про Бена, пивовара из пивоваров». Отец декламировал ее с таким серьезным видом, точно это была генеалогия модеганского королевского дома, аккомпанируя себе на полуарфе. Все ржали так, что чуть животы не надорвали, а Бен ржал вдвое громче остальных.

В какой-то момент мать подхватила меня и закружила в танце. Ее смех звенел как музыка на ветру. Ее волосы и юбка кружились, обвевая меня. Пахло от нее утешительно, как пахнет только от мамы. И этот запах, и быстрый поцелуй, когда она со смехом чмокнула меня в щеку, облегчили саднящую боль от ухода Бена больше, чем все забавы, вместе взятые.

Шанди обещала станцевать Бену особый танец, только для него, но при условии, что он пойдет с нею в палатку. Я еще никогда не видел, чтобы Бен краснел, однако же он держался молодцом. Он замялся, а когда, наконец, отказался, было видно, что ему это стоило не меньше, чем вырвать из себя

собственную душу. Шанди возмутилась и очень мило надула губки, сказав, что она же так долго репетировала! Наконец она все-таки утащила Бена в палатку, и их уход сопровождался одобрительными возгласами всей труппы.

Трип с Тереном устроили потешный бой на мечях, который был одновременно и захватывающим фехтовальным поединком, и драматичным монологом, который произносил Терен, и шутовской буффонадой, которую показывал Трип (уверен, что все свои трюки он выдумывал тут же на месте). Они носились по всему лагерю. В ходе поединка Трип ухитрился сломать свой меч, спрятаться под дамскую юбку, пофехтовать палкой колбасы и исполнить несколько акробатических номеров, настолько головокружительных, что просто чудо, как он не покалечился. Однако же штаны на заднице у него порвались.

Дакс подпалил сам себя, демонстрируя особенно зрелищное огненное дыхание, и его пришлось тушить. Он особо не пострадал, если не считать опаленной бороды и уязвленной гордости. Однако Бен быстро его утешил: поднес кружку меда и напомнил, что не всем же брови иметь.

Мои родители спели «Песнь о сэре Савиене Тралиарде». Как и большинство великих песен, «Сэр Савиен» принадлежит перу Иллиена, и большинство ценителей считают эту песню венцом творчества Иллиена.

Это прекрасная песня, и она звучала тем прекраснее, что я не так уж часто слышал, чтобы отец исполнял ее целиком.

Песня адски сложная, и отец, вероятно, был единственным в труппе, кто мог сыграть ее как следует. Он этого никак особо не проявлял, но я видел, что она трудна даже для него. Мать пела вторым голосом, голос у нее был нежный и звонкий. И даже костер, казалось, притихал, когда они брали дыхание. Сердце у меня взлетало и ухало в пропасть. Я плакал не только от трагической песни, но и от красоты двух голосов, столь идеально сплетенных воедино.

Да-да, под конец песни я заплакал. Заплакал тогда – и с тех пор каждый раз плачу. И даже когда эту историю просто читают вслух, у меня слезы на глаза наворачиваются. По моему мнению, всякий, кого она не тронет, в душе меньше, чем человек.

Когда они допели, ненадолго воцарилась тишина. Все утирали глаза и хлюпали носами. А потом, выдержав подобающую паузу, кто-то вскричал:

– Про Ланре! Про Ланре!

Крик подхватили еще несколько человек:

– Да-да, про Ланре!

Отец криво усмехнулся и покачал головой. Он никогда не показывал неоконченную песню по частям.

– Ну, А-арль! – протянула Шанди. – Сколько времени ты ее уже варишь? Дай уж отведать!

Отец снова покачал головой, по-прежнему улыбаясь:

– Еще не готово. – Он наклонился и бережно положил лютню в футляр.

– Арлиден, ну хоть попробовать дай! – это был Терен.

– Ну да, ради Бена! Несправедливо же, что он все время слышал, как ты ее бормочешь себе под нос, и так и не узнает...

– Всем же интересно, чем вы там у себя в фургоне с женой занимаетесь, когда не...

– Ну спой!

– Про Ланре!

Трип мигом организовал из труппы скандирующий, степающий хор. Мой отец упирался почти целую минуту, потом, наконец, наклонился и снова достал лютню из футляра. Все восторженно взревели.

Отец сел. Толпа тут же притихла. Он подстроил пару струн, несмотря на то что только что выпустил лютню из рук. Подвигал пальцами, извлек на пробу несколько негромких нот, а потом заиграл – так тихо, что я обнаружил, что слушаю, прежде чем понял, что песня уже началась. А потом к музыке присоединился отцовский голос:

Послушайте – я песню вам спою,
Историю давно прошедших лет,
О гордом Ланре, сильном, словно сталь,
О том, как меч его сверкал в бою,
Как бился он, как пал и вновь восстал,
Влеком любовью к собственной стране,
Он снова пал и скрылся в черной мгле...
Спою о Лире, о его жене —

По зову Лиры он пришел назад,
Пройдя через теснину смертных врат...

Отец взял дыхание и выдержал паузу с открытым ртом, как будто собирался продолжать. А потом расплылся в коварной ухмылке, наклонился и убрал-таки лютню. Люди взвыли и принялись канючить, однако все и так понимали, что им крупно повезло услышать хотя бы это. Кто-то грянул плясовую, и протесты утихли.

Мои родители танцевали друг с другом, ее голова на его груди. Оба с закрытыми глазами. Они выглядели абсолютно счастливыми. Если ты сумел найти такого человека, которого ты можешь обнять и закрыть глаза на весь мир вокруг, ты и впрямь счастливчик. Даже если всего лишь на минуту или на день. Когда я думаю о любви – даже теперь, много лет спустя, – я всегда представляю себе именно их, тихо покачивающихся под музыку.

Потом с моей матерью танцевал Бен. Двигался он уверенно и величаво. Меня поразило, как красиво они смотрятся вместе. Бен, старый, седой, пузатый, с морщинистым лицом и полусожженными бровями. И мать, стройная, свежая, яркая, бледная и гладкокожая в свете костра. Они дополняли друг друга, как две противоположности. Мне больно было думать, что я, возможно, никогда больше не увижу их вместе.

К этому времени небо на востоке начало светлеть. Все со-

брались прощаться.

Не помню, что я ему сказал перед тем, как мы уехали. Я знаю, это звучало удручающе неуместно, но я видел, что он понял. Бен заставил меня пообещать, что я не стану навлекать на себя беды, балуясь с тем, чему он меня научил.

Он наклонился, обнял меня, потом потрепал меня по голове. Я даже был не против. Отчасти в отместку, я попытался пригладить его брови – мне всегда хотелось это сделать.

То, как он изумился – это было потрясающе! Бен снова сгреб меня в охапку, потом отступил.

Мои родители обещали, что, когда мы снова окажемся в здешних краях, непременно заедем к ним в городок. Все актеры дружно сказали, что уж их-то уговаривать не придется. Но, как ни юн я был, я знал правду. Пройдет много-много времени, прежде чем я снова увижу Бена. Годы!

Я не помню, как мы тронулись в путь в то утро, но помню, как пытался уснуть, и как одиноко мне было, и как сладко и горько ныло сердце в груди.

Проснувшись далеко за полночь, я обнаружил рядом с собой сверток, завернутый в мешковину, перевязанный бечевкой, а сверху – яркий листок бумаги с моим именем, который флажком трепетал на ветру.

Раскрыв сверток, я узнал обложку книги. То была «Риторика и логика» – книга, по которой Бен учил меня спорить. Из всей его скромной библиотечки в десяток книжек эта бы-

ла единственная, которую я не прочел от корки до корки. Я ее терпеть не мог.

Раскрыв книгу, я увидел на внутренней стороне обложки надпись. Надпись гласила:

«Квоут!

Покажи себя в университете как следует. Сделай так, чтобы я мог тобой гордиться.

Помни песню твоего отца. Берегись глупости!

Твой друг

Абенти».

Мы с Беном никогда не обсуждали мое поступление в университет. Разумеется, я мечтал когда-нибудь туда попасть. Однако делиться этими мечтами с родителями я опасался. Ведь поступить в университет – значит бросить родителей, бросить трупку, оставить всех и все, что я когда-либо знал.

Откровенно говоря, эта мысль меня ужасала. Каково это – жить все время на одном месте, не один вечер, не оборот, а месяцы и годы? Не выступать на сцене. Не кувыраться с Трипом, не играть избалованного господского сынка в «Трех пенни за желание»? Не ездить в фургоне? Не иметь того, с кем можно спеть?

Я никогда не говорил об этом вслух, но Бен, видно, догадался. Я перечитал его послание, немного поплакал и обещал ему, что сделаю все возможное.

Глава 16

Надежда

В ближайшие несколько месяцев родители делали все, что было в их силах, чтобы заштопать дыру, оставшуюся после ухода Бена, привлекая других членов труппы, чтобы те заставляли меня с пользой проводить время и не давали хандрить.

Понимаете, в труппе возраст не имеет особого значения. Если у тебя хватает сил запрягать лошадей – будешь запрягать лошадей. Если твои руки достаточно проворны – будешь жонглировать. Если ты чисто выбрит и влезает в платье – будешь играть леди Рейтиэль в «Свинопасе и соловье». В общем и целом все было просто.

Поэтому Трип учил меня острить и кувыркаться. Шанди показывала мне бальные танцы полудюжины разных стран. Терен смерил меня мечом и решил, что я уже дорос до того, чтобы обучаться азам мечного боя. Он подчеркнул, что для настоящего боя этого будет мало. Однако достаточно, чтобы изображать поединки на сцене.

В это время года дороги были хорошие, так что мы чудесно проводили время, путешествуя через Содружество на север. Мы преодолевали по пятнадцать-двадцать миль каждый день, разыскивая городки, где мы еще не выступали. Теперь,

когда Бен нас оставил, я чаще ехал с отцом, и отец принялся как следует учить меня актерскому мастерству.

Разумеется, многое я уже и так знал. Но это я все так, по верхам нахватался. А теперь отец взялся систематически обучать меня подлинной механике нашего ремесла. Как с помощью мельчайших изменений тона или позы изобразить олуха, хитреца, дурака.

И, наконец, мать принялась учить меня вести себя в приличном обществе. Кое-что я уже знал благодаря нашим нечастым визитам к барону Грейфеллоу и был уверен, будто я и без того веду себя достаточно прилично, так что мне вовсе ни к чему зазубривать правильные формы обращения, учиться вести себя за столом и разбирать хитросплетения титулов. В конце концов, именно так я матери и сказал.

– Да кому какая разница, что модеганский виконт знатней винтасского боевого тана? – возмутился я. – И кого волнует, что один из них «ваша милость», а другой «милорд»?

– Их самих, – твердо ответила мать. – Если тебе придется перед ними выступать, тебе надо будет вести себя достойно и не попадать локтем в суп.

– А вот папе все равно, какой вилок что едят и какой из ихних титулов важнее! – буркнул я.

Мать нахмурилась, глаза у нее сузились.

– Из их титулов, – нехотя поправился я.

– Твой папа знает куда больше, чем показывает, – сказала мать. – А то, чего он не знает, папа успешно обходит благода-

ря своему непревзойденному обаянию. Так и перебивается.

Она взяла меня за подбородок и развернула лицом к себе. Глаза у нее были зеленые, с золотым колечком вокруг зрачка.

– Так ты хочешь перебиваться? Или ты хочешь, чтобы я тобой гордилась?

Ответ на это мог быть только один. А когда я взялся за дело всерьез, оказалось, что это просто очередная разновидность актерской игры. Еще одна пьеса. Мать даже сочиняла стишки, чтобы мне было проще запоминать самые головоломные подробности этикета. И мы вместе сочинили непристойную песенку под названием «Понтифик ниже королевы». Мы хохотали над ней целый месяц кряду, и мать строго-настрого запретила мне петь ее при отце, чтобы он ненароком не сыграл ее при ком-нибудь не том и не втравил нас в серьезные неприятности.

– Дерево! – донеслось от головы колонны. – Триобхватный дуб!

Отец прервал на середине монолог, который он мне читал, и испустил раздраженный вздох.

– Ну все, приехали! – проворчал он, взглянув на небо.

– Что, останавливаемся? – спросила мать изнутри фургона.

– Опять дерево поперек дороги, – объяснил я.

– Ну что это такое! – возмущался отец, заворачивая фургон на поляну у дороги. – Это королевский тракт или что?

Можно подумать, кроме нас, по нему никто не ездит! Сколько дней миновало после бури? Два оборота?

– Да нет, – сказал я. – Всего шестнадцать дней.

– А поперек дороги до сих пор деревья валяются! Лично я намерен отправлять консулам счет за каждое дерево, которое нам приходится пилить и убирать с дороги. Мы из-за этого задерживаемся на добрых три часа!

Фургон остановился, отец спрыгнул на землю.

– А по-моему, это кстати, – сказала мать, выходя из-за фургона. – Хоть горяченького отведаем! – она многозначительно взглянула на отца и добавила: – На ужин. А то так надоело по вечерам куски перехватывать! Хочется, знаешь ли, чего-то большего...

Отец заметно смягчился.

– Ну ладно, что уж там... – сказал он.

– Милый! – окликнула меня мать. – Ты не мог бы набрать дикого шалфею, а?

– Ну, я не знаю... А он тут растет? – сказал я с должной неуверенностью в голосе.

– Ну, поискать-то можно, – рассудительно сказала она. И краем глаза посмотрела на отца. – Если найдешь, смотри, набери побольше! Засушим на потом.

На самом деле, найду ли я то, за чем меня послали, или нет, обычно особого значения не имело.

Я имел обыкновение по вечерам уходить от труппы. Как правило, меня отсылали с каким-нибудь поручением, пока

родители готовили ужин. Но это был просто повод побыть наедине. В пути уединение найти не так-то просто, и родители нуждались в нем не менее, чем я. Так что они были вовсе не против, если я на целый час уходил за охапкой хвороста. Ну а если к тому времени, как я возвращался, ужин готовить еще и не начинали, это же только справедливо, верно?

Надеюсь, они хорошо провели эти последние часы. Надеюсь, они не стали тратить их на всякую ерунду: костер, там, развести, овощи на ужин порезать... Надеюсь, они попели дуэтом – они часто так делали. Надеюсь, они уединились в нашем фургоне и провели это время в объятиях друг друга. Надеюсь, что потом они лежали рядом и вполголоса болтали о всякой ерунде. Надеюсь, они были вместе и любили друг друга, пока не настал конец.

Надежда эта мелкая, и смысла большого в ней нет. Так или иначе, все равно они умерли.

И все-таки я надеюсь.

Оставим в стороне то время, что я провел в тот вечер один в лесу, играя сам с собой в игры, которые выдумывают дети, чтобы позабавиться. Последние беззаботные часы моей жизни. Последние мгновения моего детства.

Оставим в стороне и мое возвращение в лагерь в тот час, когда солнце как раз начинало садиться. Зрелище тел, раскиданных, как поломанные куклы. Мерзкий запах крови и паленого волоса. И как я бесцельно блуждал, слишком расте-

рянный, чтобы испугаться по-настоящему, оцепеневший от шока и ужаса.

На самом деле, я бы вообще предпочел оставить в стороне весь тот вечер. Я бы вовсе избавил вас от этой ноши, если бы одна ее деталь не была необходима для истории. Деталь существенная. Петля, на которой висит вся история, будто распахнутая дверь. В некотором смысле, с этого-то и начинается сама история. Так давайте уж покончим с этим.

В недвижимом вечернем воздухе висели разрозненные клочки дыма. Было тихо, как будто вся трупка к чему-то прислушивалась. Как будто все вместе затаили дыхание. Небрежный ветерок заставил встрепенуться листву на деревьях и понес клочок дыма мне навстречу, точно облачко, летящее над самой землей. Я вышел из леса и прошел сквозь дым, направляясь к лагерю.

Выйдя из дымного облака, я потер слезящиеся глаза. Я осмотрелся и увидел Трипову палатку: она лежала, наполовину завалившись, и тлела в его костерке. Специально обработанный грубый холст горел медленно и неровно, и едкий сизый дым стелился над землей в тихом вечернем воздухе.

Я увидел труп Терена, лежащий возле его фургона, и сломанный меч у него в руке. Обычно он носил зеленое с серым, сейчас все это было влажным и красным от крови. Одна нога у него была неестественно вывернута, и из-под кожи торчала сломанная кость, белая-белая.

Я так и застыл, не в силах отвести глаз от Терена. Серая рубаха, красная кровь, белая кость. Я пялился на него, как будто то был чертеж из книжки, который я силился прочесть. Все тело у меня онемело. Мысли как будто вязли в сиропе.

Какая-то крохотная разумная часть меня сознавала, что я в глубоком шоке. Она твердила мне это снова и снова. Я пустил в ход всю Бенову науку, чтобы не обращать на нее внимания. Я не хотел думать о том, что вижу. Не хотел понимать, что тут произошло. Не хотел знать, что все это значит.

Не знаю, сколько времени прошло, но наконец перед глазами у меня проплыл еще один клочок дыма. Тогда я, словно в тумане, присел к ближайшему костру. Это был костер Шанди, и над ним висел котелок. Там варилась картошка. Странно привычное зрелище среди этого хаоса.

Я сосредоточился на котелке. Хоть что-то нормальное. Взял палочку, потыкал содержимое, увидел, что картошка готова. Нормально. Я снял котелок с огня и поставил его на землю рядом с трупом Шанди. Одежда на ней висела ключьями. Я попытался откинуть с лица ее волосы, и рука сделалась липкой от крови. Пламя костра отражалось в ее пустых, невидящих глазах.

Я встал и бесцельно огляделся по сторонам. Палатка Трипа теперь разгорелась, а фургон Шанди стоял одним колесом в костерке Мариона. Пламя всюду отливало синим, отчего вся сцена выглядела нереальной, будто во сне.

Я услышал голоса. Выглянув из-за фургона Шанди, я увидел несколько незнакомых людей, мужчин и женщин, рассеявшихся вокруг костра. Костра моих родителей. Голова пошла кругом, я поднял руку, чтобы опереться о колесо фургона. Когда я ухватился за колесо, железная шина колеса рассыпалась у меня под пальцами, разлетелась жирными хлопьями бурой ржавчины. Я отвел руку. Колесо закрипело и начало рассыпаться. Я отступил назад – и оно совсем развалилось. Фургон рассыпался в щепки, будто бы все дерево в нем прогнило, точно старый пень.

Я очутился на виду у тех, что сидели у костра. Один из мужчин кувырнулся назад и вскочил на ноги, обнажив меч. Его движение напомнило мне каплю ртути, выкатывающуюся из сосуда на стол: такое же плавное и непринужденное. Смотрел он пристально, но тело у него было абсолютно расслаблено, как будто он просто встал потянуться.

Меч у него был бледный и изящный. Воздух он рассекал с негромким хрустом. Этот хруст напомнил мне тишину, какая царит в самые морозные зимние дни, когда больно дышать и все вокруг недвижно.

Он был от меня в паре дюжин футов, однако в тускнеющих лучах заката я видел его абсолютно четко. И помню я его так же отчетливо, как свою родную мать, а временами даже лучше. Лицо у него было узкое и острое, безупречно-красивое, будто фарфоровое. Волосы до плеч обрамляли лицо крупными локонами цвета инея. То было бледное создание

зимы. И все в нем было холодным, колючим и белым.

Кроме глаз. Глаза были черные, как козий зрачок, но без радужки. Глаза у него были, как его меч, – и ни глаза, ни меч не отражали ни пламени костра, ни заходящего солнца.

Увидев меня, он успокоился. Опустил острие меча книзу и улыбнулся, осклабя ровные зубы цвета слоновой кости. То было лицо кошмара. Острое чувство пронзило смятение, в которое я прятался, будто под толстое одеяло. Что-то сунуло обе руки мне в грудь и крепко стиснуло. Возможно, то был первый раз в моей жизни, когда я испугался по-настоящему.

У костра хмыкнул лысый человек с седой бородой:

– Похоже, крольчонка-то мы упустили! Осторожней, Пепел, мало ли, вдруг он кусается!

Тот, кого звали Пеплом, убрал меч в ножны со звуком, с каким дерево ломается под тяжестью зимнего льда. И, не подходя ближе, опустился на колени. Это движение снова напомнило мне о ртути. Его лицо, оказавшееся на уровне моих глаз, сделалось заботливым, но глаза остались непроглядно-черными.

– Мальчик, как тебя зовут?

Я стоял и молчал. Застыл, точно испуганный олененок.

Пепел вздохнул, на секунду опустил взгляд. Когда он снова поднял голову, я увидел, что на меня пустыми глазами смотрит жалость.

– Молодой человек, – спросил он, – где же твои мама с папой?

Он некоторое время смотрел мне в глаза, потом оглянулся через плечо в сторону костра, где сидели остальные.

– Никто не знает, где его мама с папой?

Кое-кто из них улыбнулся, резкой, колючей улыбкой, как будто услышал особенно удачную шутку. Один или двое даже расхохотались. Пепел вновь обернулся ко мне, и жалость разлетелась, точно треснувшая маска, оставив на его лице лишь кошмарную улыбку.

– Это же костер твоих родителей? – спросил он. В его голосе звучало жуткое наслаждение.

Я немо кивнул.

Улыбка медленно растаяла. Ничего не выражающее лицо смотрело внутрь меня. Его голос был тих, холоден и колюч.

– Чьи-то родители, – сказал он, – пели песни, которых петь не следует!

– Пепел! – окликнул от костра холодный голос.

Черные глаза раздраженно сузились.

– Ну что?! – прошипел он.

– Ты близок к тому, чтобы меня рассердить. Этот мальчик ничего не сделал. Отправь его под мягкое, безболезненное покрывало... сна.

На последнем слове холодный голос слегка запнулся, словно выговорить его было не так просто.

Голос принадлежал человеку, что сидел поодаль от остальных, окутанный тенью на краю круга света от костра. В небе еще горел закат, и ничто не заслоняло человека от ко-

стра, у которого он сидел, однако тень расползлась вокруг него, точно густое масло. Пламя трещало и прыгало, живое и теплое, окрашенное в синий цвет, однако на этого человека ни единый отсвет не падал. Гуще всего тень собиралась вокруг его головы. Сквозь нее просвечивал глубокий капюшон, в каких ходят священники, однако тень под капюшоном была так глубока, что с тем же успехом я мог бы вглядываться в ночную мглу.

Пепел мельком взглянул на человека в тени и тотчас отвернулся.

– Ты все равно что наблюдатель, Халиакс! – бросил он.

– А ты, похоже, забыл, в чем наша цель, – сказал темный. Его холодный голос сделался более резким. – Или же у тебя просто свои цели, иные, чем мои, а?

Последние слова он произнес веско, так, словно в них было некое особое значение.

Вся надменность Пепла разом оставила его, словно вода из ведра вылилась.

– Нет-нет! – ответил он, оборачиваясь к огню. – Разумеется, нет!

– Это хорошо. Не хотелось бы думать, что наше давнее знакомство подходит к концу.

– Да-да, мне тоже!

– Напомни-ка мне, Пепел, в каких отношениях мы состоим, – произнес человек в тени. Сквозь его терпеливый тон проступил осколок глубинного гнева.

– Я... я тебе служу! – Пепел сделал умиротворяющий жест.

– Ты орудие в моей руке, – мягко поправил человек в тени. – Не более того.

Лицо Пепла сделалось слегка вызывающим. Он помолчал.

– Я не...

Мягкий голос вдруг отвердел, точно прут рамстонской стали:

– Ферула!

Вся ртутная грация Пепла враз испарилась. Он пошатнулся, тело его окаменело от боли.

– Ты орудие в моей руке, – повторил холодный голос. – Скажи это вслух.

Пепел на миг сердито стиснул зубы, потом дернулся и вскрикнул – скорее как раненое животное, чем как человек.

– Я орудие в твоей руке! – выдохнул он.

– Лорд Халиакс.

– Я орудие в твоей руке, лорд Халиакс! – поправился Пепел и, весь дрожа, рухнул на колени.

– Кому ведома глубинная суть твоего имени, Пепел? – проговорил тот медленно и терпеливо, точно школьный наставник, повторяющий забытый урок.

Пепел обхватил себя трясущимися руками и скорчился, зажав глаза:

– Тебе, лорд Халиакс.

– Кто хранит тебя от амир? От певцов? От ситхе? От всего,

что способно причинить тебе вред в этом мире? – спрашивал Халиакс со спокойной учтивостью, как будто ему и впрямь был интересен ответ.

– Ты, лорд Халиакс, – голос Пепла звучал как негромкий обрывок боли.

– А чьим целям ты служишь?

– Твоим целям, лорд Халиакс! – выдавил Пепел. – Твоим, и ничьим более!

Висевшее в воздухе напряжение развеялось, и тело Пепла вдруг обмякло. Он рухнул на четвереньки, и с его лица дождем посыпались на землю капли пота. Белые волосы прилипли к его лицу.

– Спасибо, владыка! – искренне выдохнул он. – Я этого больше не забуду!

– Забудешь. Ты слишком привязан к своим жестоким забавам. Как и вы все.

Скрытое под капюшоном лицо Халиакса повернулось из стороны в сторону, обводя взглядом каждую из фигур, что сидели у костра. Они нервно шевельнулись.

– Я рад, что решил сегодня сопровождать вас лично. Вы ненадежны и привержены своим прихотям. Некоторые из вас, похоже, забыли, к чему мы стремимся, чего хотим достичь.

Прочие, сидевшие у костра, слегка передернулись.

Капюшон вновь обернулся к Пеплу:

– Однако я тебя прощаю. Быть может, если бы не прихо-

дилось напоминать об этом вам, я бы и сам это забыл. — Последние слова прозвучали довольно резко. — Ну же, доверши то, что мы...

Холодный голос осекся, темный капюшон медленно запрокинулся, глядя в небо. Воцарилось выжидающее молчание.

Те, кто сидел у костра, замерли абсолютно неподвижно, и взгляды у них сделались пристальными. Все, как один, вскинули головы, словно глядя в одну и ту же точку на сумеречном небе. Словно пытаюсь уловить запах, принесенный ветром.

Мое внимание привлекло ощущение, будто за мной следят. Я почувствовал напряжение, будто воздух стал чуточку другим. Я сосредоточился на этом, радуясь возможности отвлечься, радуясь чему угодно, лишь бы оно еще на несколько секунд отвлекло меня от необходимости мыслить здраво.

— Они идут! — тихо произнес Халиакс. Он встал, и тень, клубясь, черным туманом хлынула от него во все стороны. — Живей! Ко мне!

Прочие встали со своих мест у костра. Пепел с трудом поднялся на ноги и, пошатываясь, преодолел полдюжины шагов, что отделяли его от костра.

Халиакс раскинул руки, и тень вокруг него распустилась, точно цветок. Затем каждый из них развернулся с нарабатанной легкостью и зашагал в сторону Халиакса в окружающую того тень. Подходя ближе, они замедлили шаг и плавно

начали исчезать, точно были сделаны из песка, разметаемого ветром. Один лишь Пепел оглянулся, и в его кошмарных глазах мелькнул гнев.

А потом все исчезли.

Не стану отягощать вас рассказом о том, что было дальше. Как я бегал от трупа к трупу, лихорадочно пытаюсь нащупать признаки жизни, как учил меня Бен. Как тщетно пытался вырыть могилу. Как ковырял землю, пока не сбил пальцы до крови. Как нашел своих родителей...

Наш фургон я нашел уже в самый мрачный ночной час. Наш мерин унес его на добрую сотню ярдов прочь по дороге, прежде чем издохнуть. Внутри все выглядело таким нормальным, таким спокойным и уютным. Меня ошеломило то, что в глубине фургона так сильно пахнет ими обоими.

Я зажег все лампы, все свечи, что нашлись в фургоне. Свет меня не то чтобы утешил, но это было настоящее, подлинное золотое пламя, не тронутое синевой. Я открыл отцовский футляр с лютней. Лег на родительскую постель, положил рядом лютню. От маминой подушки пахло ее волосами, ее объятиями. Спать я не собирался, но уснул.

Проснулся я, кашляя и задыхаясь. Все вокруг было в огне. Разумеется, это все свечи. Все еще пребывая в шоке, я принялся пихать вещи в сумку. Двигался я медленно и бесцельно. Мне было совсем не страшно. Я спокойно достал из-под своего горящего тюфяка Бенову книжку. Ну чем теперь

мог меня напугать обычный пожар?

Я уложил в футляр отцовскую лютню. Ощущение было такое, словно я ее краду, но я не мог придумать, что еще взять на память о них. Ведь и он, и она тысячу тысяч раз касались ее деревянных боков!

Я ушел прочь. Я шел через лес, пока заря не окрасила восточный край небосвода. Когда запели птицы, я остановился и бросил сумку. Достал отцовскую лютню, прижал ее к себе. И заиграл.

Пальцы у меня болели, но я все играл и играл. Играл до тех пор, пока на струны не брызнула кровь из пальцев. Играл, пока солнце сияло сквозь кроны. Играл, пока не заныли плечи. Играл, стараясь ни о чем не вспоминать, пока наконец не уснул.

Глава 17

Интерлюдия. Осень

Квоут вскинул руку, останавливая Хрониста, обернулся к ученику и нахмурился:

– Баст, не надо на меня так смотреть.

Баст, похоже, готов был удариться в слезы.

– Ох, Реши! – выдавил он. – Я и не подозревал!

Квоут махнул рукой, словно рубя воздух ребром ладони:

– Тебе неоткуда было это знать, Баст, да и незачем заострять на этом внимание.

– Но, Реши...

Квоут посмотрел на ученика сурово:

– Ну что такое, Баст? Что мне теперь – плакать, волосы на себе рвать? Проклинать Тейлу и всех ангелов его? Бить себя в грудь? Нет. Все это дешевая театральность. – Его лицо немного смягчилось. – Я ценю твою заботу, но это всего лишь часть истории, и даже не худшая ее часть, и не для того я об этом рассказал, чтобы на жалость напрашиваться.

Квоут отодвинул стул и встал.

– А потом, все это случилось много-много лет назад. – Он махнул рукой. – Время – великий целитель, и все такое.

Он потер руки:

– Ну-с, схожу-ка я принесу дров, чтоб на всю ночь хвати-

ло. А то ночка будет холодная, если я хоть что-нибудь смыслю в погоде. А ты можешь пока приготовить для выпечки пару караваев да заодно попытаться взять себя в руки. Лично я не намерен рассказывать дальше, пока ты пялишься на меня такими слезливыми коровьими глазами.

С этими словами Квоут ушел за стойку и, пройдя через кухню, вышел через черный ход.

Баст кое-как вытер глаза и проводил наставника взглядом.
– С ним все нормально, пока у него дело есть... – тихо сказал Баст.

– Прошу прощения? – машинально переспросил Хронист. Он неловко поерзал на стуле, словно хотел встать, да не знал, как повежливей отпроситься.

Баст тепло улыбнулся. Глаза у него снова сделались обычными голубыми человеческими глазами.

– Когда я узнал, кто вы, я так обрадовался, что он вам расскажет свою историю! А то он в таком мрачном настроении последнее время, и расшевелить его нечем, заняться ему нечем, только сидеть да лелеять мрачные думы. Я уверен, что, вспоминая старые добрые времена, он... – Баст поморщился. – Нет, это я все неудачно выразился. Вы уж извините за то, что утром было. Я просто не подумал.

– Д-да нет, – поспешно выдавил Хронист, – это все я, это была моя вина, вы извините...

Баст покачал головой.

– Это просто застало вас врасплох, но вы же всего лишь

попытались меня связать. — На лице у него появилась болезненная гримаса.

— Не то чтобы это было приятно, надо сказать. Это все равно как тебя между ног пнули, только по всему телу. Тошнит, и слабость страшная, но это всего лишь больно. Не то чтобы вы на самом деле меня ранили. — Баст выглядел смущенным. — Ну а я-то не просто ранить вас собирался. Я бы и убить мог прежде, чем остановился и задумался.

Прежде чем повисла неловкая пауза, Хронист сказал:

— Как насчет поверить ему на слово, что оба мы безмозглые идиоты, и дело с концом?

Он улыбнулся вымученной улыбкой, которая, однако, была искренней, невзирая на обстоятельства. И протянул руку:

— Мир?

— Мир.

Они обменялись рукопожатием, куда более дружеским, чем прежде. Когда Баст протягивал руку через стол, рукав у него задрался, обнажив расцветающий на запястье синяк.

Баст стыдливо одернул манжету.

— Это когда он меня перехватил, — поспешно сказал он. — Он куда сильнее, чем выглядит. Только ему не говори. А то расстроится, а толку?

Квоут вышел через кухню и затворил за собой дверь. Оглядевшись по сторонам, он как будто удивился, что на

дворе теплый осенний день, а вовсе не весенний лес из его истории. Поднял за ручки плоскую тачку и покатил ее в лес за трактиром. Под ногами шуршала палая листва.

Неподалеку от трактира в лесу стояла сложенная на зиму поленница. Множество дубовых и ясеневых поленьев образовывало высокие, кривые стены, тянущиеся между стволами деревьев. Квоут кинул два полена в тачку – тачка откликнулась приглушенным барабанным громом. Еще два полена. Движения его были точными, лицо бесстрастным, взгляд отсутствующим.

Чем дальше Квоут нагружал тачку, тем медленней он двигался, будто машина, у которой кончался завод. Наконец он остановился вовсе и на целую минуту застыл камнем. И только тогда выдержка ему изменила. Рядом никого не было, никто его видеть не мог, и все же он спрятал лицо в ладонях и заплакал беззвучно, содрагаясь всем телом от тяжких, немых рыданий.

Глава 18

Пути в безопасные места

Быть может, самая важная способность нашего разума – это способность справляться с болью. Классические мыслители учат нас, что у разума есть четыре двери, которые всякий открывает в соответствии со своей нуждой.

Первая дверь – дверь сна. Сон дает нам убежище от мира и всех его страданий. Сон подчеркивает ход времени, помогая отстраниться от того, что причинило нам боль. Раненый человек часто теряет сознание. Подобным же образом человек, услышавший горестную весть, часто падает в обморок. Так разум защищается от боли, уходя через первую дверь.

Вторая дверь – дверь забвения. Некоторые раны слишком глубоки, чтобы зажить или чтобы зажить быстро. Кроме того, многие воспоминания болезненны сами по себе, и исцеления тут нет. Фраза «время лечит любые раны» – ложь. Время лечит большинство ран. Остальные просто спрятаны за этой дверью.

Третья дверь – дверь безумия. Бывают времена, когда разуму нанесен такой удар, что он прячется в безумии. Может показаться, что это не спасение, но это оно. Бывают времена, когда реальность – сплошная мука, и чтобы избежать этой муки, разуму приходится расстаться с реальностью.

Последняя дверь – дверь смерти. Прибежище на крайний случай. Когда мы мертвы, нас уже ничто не ранит. По крайней мере так говорят.

После того как всю мою семью убили, я забрел глубоко в чащу леса и уснул. Мое тело требовало сна, и разум воспользовался первой из дверей, чтобы притупить боль. Прикрыл рану до тех пор, пока не придет подходящее время для исцеления. Ища спасения, значительная часть моего разума просто перестала работать – уснула, если угодно.

Пока разум мой спал, многое из мучительных впечатлений предыдущего дня было выпровожено через вторую дверь. Нет, не полностью. Я не забыл о случившемся, однако память притупилась, и я смотрел на все как бы сквозь густую вуаль. Если бы я захотел, я бы мог вызвать в памяти и лица убитых, и человека с черными глазами. Но я не хотел вспоминать. Я отмахнулся от этих мыслей и предоставил им зарастать пылью где-то в дальнем углу моего рассудка.

Я спал и грезил – не о крови, не об остекленевших глазах, не о смраде паленого волоса, а о чем-то другом, более приятном. И боль в ране мало-помалу начала притупляться...

Мне снилось, что я иду по лесу с Лаклитом, лесным жителем с простоватым лицом, что странствовал с нашей трупной, когда я был помоложе. Он беззвучно двигался сквозь подлесок, я же производил больше шума, чем раненый вол, тянувший перевернутую телегу.

Мы довольно долго брели в уютном молчании, пока я не остановился поглазеть на цветок. Он тихо подошел и встал у меня за спиной.

– Желтобородник, – сказал Лаклит. – Вон, по исподке видно.

Он протянул руку и осторожно погладил нижнюю часть листа. Действительно, на бороду похоже... Я кивнул.

– А это вот ива. Если пожевать ее кору, она умеряет боль. Кора была горькая и слегка хрустела на зубах.

– Это вот чесоточник, не трогай его листья.

Я не стал их трогать.

– А это воронец. Ягодки можно есть, когда они красные, но зеленые или желтеющие не трогай ни в коем случае. А если хочешь ходить бесшумно, ноги надо ставить вот так.

У меня быстро заныли икры.

– А вот так можно тихо раздвигать ветки, чтобы не оставлять следов. Вот так можно определить, где сухие дрова. Вот так можно спрятаться от дождя, когда нечем укрыться. А это отчекорень. Есть его можно, но он противный на вкус. А вон то, – он указал пальцем, – прямичник и рыженица, их никогда не ешь. А вот это растение, с маленькими шишечками, – это буррум. Его можно есть, только если ты наелся чего-то вроде прямичника. От него тебя вывернет наизнанку. А вот так делается силок, в котором кролик останется жив. А вот так – силок, который кролика придушит.

Он завязал веревку петлей – сперва так, потом этак.

Глядя, как его руки управляются с веревкой, я осознал, что это уже не Лаклит, а Абенти. Мы с ним ехали в фургоне, и он учил меня завязывать морские узлы.

– Узлы – интересная штука! – говорил Бен, не прекращая трудиться. – Узел может быть самым прочным, или, наоборот, самым слабым местом веревки. Все зависит только от того, хорошо ли он завязан.

Он поднял руки, показывая мне немыслимо сложный узор, растянутый у него между пальцев.

Глаза у него блеснули:

– Вопросы есть?

– Вопросы есть? – спросил отец. Мы рано остановились на ночлег, из-за того что встретили серовик. Отец сидел и настраивал лютню: он наконец-то собирался сыграть нам с матерью свою песню. Мы же так долго этого ждали... – Вопросы есть? – повторил он, прислонясь спиной к громадному серому камню.

– А почему мы останавливаемся у путеводных камней?

– В основном по традиции. Но некоторые говорят, будто они отмечают старые пути...

Голос отца изменился и превратился в голос Бена:

– Безопасные пути. Иногда пути в безопасные места, иногда безопасные пути, ведущие навстречу опасности. – Бен протянул руку к камню, словно чувствуя жар пламени: – Но в них есть сила. Лишь глупец станет это отрицать.

А потом Бен исчез, а стоячих камней сделалось много. Ку-

да больше, чем я прежде видел в одном месте. Я стоял в центре двойного круга камней. Один камень лежал поперек двух других, образуя огромную арку, под которой лежала густая тень. Я потянулся, чтобы коснуться его...

И пробудился. Разум мой прикрыл свежую боль названиями сотни трав и ягод, четырьмя способами разводить огонь, девятью видами силков, которые можно соорудить из молодого деревца и бечевки, и тем, как найти проточную воду.

О том, другом, что я видел во сне, я почти не думал. Бен так и не научил меня вязать морские узлы. А отец так и не закончил свою песню.

Я перебрал все, что было у меня с собой: холщовый мешок, ножичек, моток бечевки, немного воску, медный пенни, два железных шима и «Риторика и логика» – книжка, которую подарил мне Бен. Больше у меня ничего не было, кроме одежды, что на мне, да отцовской лютни.

Я отправился разыскивать питьевую воду. «Вода прежде всего! – говаривал мне Лаклит. – Без всего остального можно прожить несколько дней». Я прикинул расположение местности, отыскал звериные тропы. К тому времени как я нашел небольшое родниковое озерцо, угнездившееся между нескольких берез, небо над деревьями начало лиловеть. Пить мне хотелось ужасно, однако осторожность взяла верх, и я выпил всего несколько глотков.

Потом я набрал сухих дров под стволами и раскидистыми деревьями. Поставил простенький силок. Отыскал несколь-

ко стеблей матушкина листа и натер соком окровавленные, сбитые пальцы. Пальцы защипало – это помогло мне не вспоминать о том, как именно я их сбил.

Дождаясь, пока высохнет сок, я впервые огляделся по сторонам просто так. Над родником теснились дубы и березы. Их стволы образовывали узор из чередующихся темных и светлых полос под шатром раскидистых ветвей. Из озерца на восток по камням бежал небольшой ручеек. Возможно, там было красиво, но этого я не заметил. Я ничего подобного не замечал. Деревья для меня были убежищем, подлесок – источником пищи, а озерцо, в котором отражалась луна, напоминало мне только о том, как я хочу пить.

Возле озерца лежал на боку большой прямоугольный камень. Еще несколько дней назад я признал бы в нем серовик. Теперь это было всего лишь удобное укрытие от ветра, к которому можно привалиться спиной во сне.

Сквозь ветви я увидел, что на небе зажглись звезды. Значит, с тех пор как я попробовал воду, прошло уже несколько часов. Поскольку плохо мне не стало, я решил, что вода нормальная, и как следует напился.

Вода не освежила меня – я только почувствовал, как мне хочется есть. Я сел на камень на берегу озерца, оборвал листья со стеблей матушкиного листа и съел один стебель. Стебель был жесткий, горький и как бумага. Я съел все стебли, но это не помогло. Я попил еще воды и лег спать. Камень был холодный и жесткий, но мне было все равно – по крайней

мере я делал вид, что мне все равно.

Я проснулся, попил воды и пошел проверить поставленный силок. В силке я с изумлением обнаружил кролика, который дергался, пытаясь освободиться. Я достал свой ножичек и вспомнил, как Лаклит учил меня свежевать кроликов. Потом я подумал про кровь, липкую кровь на руках. Меня стошнило. Я обрезал бечевку, отпустил кролика и вернулся к озерцу.

Я снова попил воды и сел на камень. Голова слегка кружилась — от голода, что ли?

Через некоторое время в голове у меня прояснилось, и я выбралил себя за глупость. Я нашел на поваленном дереве несколько грибов-трутовиков, помыл их в озерце и съел. Грибы хрустели на зубах и на вкус были как грязь. Я съел все, что нашел.

Поставил новый силок, такой, который придушивает. Тут в воздухе запахло дождем, и я вернулся к серовику, чтобы соорудить убежище для лютни.

Глава 19

Пальцы и струны

Поначалу я был почти как механический: бездумно выполнял действия, которые должны были помочь мне выжить.

Второго пойманного кролика я съел и третьего тоже. Нашел лужайку с земляникой. Нарыл кореньев. К вечеру четвертого дня у меня было все, что необходимо для выживания: кострище, обложенное камнями, укрытие для лютни. Я даже собрал небольшой запас еды, которым можно было воспользоваться в случае нужды.

У меня было кое-что еще, совершенно мне не нужное: время. Управившись с первоочередными нуждами, я обнаружил, что делать мне нечего. Думаю, именно тогда некая малая часть моего рассудка начала мало-помалу просыпаться.

Не стоит заблуждаться: я еще не стал самим собой. По крайней мере я не был тем человеком, что всего оборот тому назад. Я полностью отдавался любому делу, за которое брался, не оставляя ни малейшей части себя воспоминаниям.

Я исхудал и обносился. Я спал под дождем и на солнце, на мягкой траве, на сырой земле, на острых камнях с тем непробиваемым равнодушием, которое способно даровать лишь горе. На происходящее я обращал внимание лишь когда шел

дождь, потому что тогда нельзя было достать лютню, чтобы поиграть, и это причиняло мне боль.

Да, разумеется, я играл. Это было мне единственным утешением.

На исходе первого месяца на пальцах у меня выросли каменные мозоли, и я мог играть часами напролет. Я играл все песни подряд, которые помнил. Потом я играл то, что помнил лишь наполовину, в меру своих сил восполняя забытое.

Со временем я мог играть, с тех пор как проснись и до тех пор как усну. Я бросил играть то, что знал, и принялся сочинять новые песни. Мне уже доводилось сочинять песни; я даже помог отцу сложить пару строк. Но теперь я посвятил этому себя целиком. Некоторые из тех песен остались со мной и поныне.

Вскоре после этого я принялся играть... Как бы это сказать-то?

Я принялся играть не песни, а нечто иное. Когда солнце согревает траву, а ветерок приносит прохладу, это создает определенное ощущение. И я играл, пока мне не удавалось воспроизвести это ощущение. Я играл до тех пор, пока музыка не начинала звучать как «Теплая трава и прохладный ветерок».

Играл я только для себя, но аудитория у меня была требовательная. Я помню, как провел почти целых три дня, пытаясь уловить «Ветер, колышущий листок».

На исходе второго месяца я мог сыграть что угодно по-

что так же непринужденно, как я это видел и чувствовал: и «Солнце, садящееся в облака», и «Птицу, пьющую из озера», и «Росу на папоротнике».

Где-то на третий месяц я перестал смотреть по сторонам и обратился внутрь себя, чтобы сыграть то, что там было. Я научился играть «Еду в фургоне с Беном», «Пою с отцом у костра», «Смотрю, как танцует Шанди», «Растираю листья, когда на улице хорошая погода», «Мама улыбается»...

Нет нужды говорить, что играть это было больно, но это было нечто вроде боли в пальцах, стертых о струны. Я немного кровоточил и надеялся, что скоро нарастут мозоли.

Ближе к концу лета одна струна лопнула, лопнула так, что уж не починишь. Большую часть дня я провел в немом ступоре, не зная, что мне делать. Разум мой по-прежнему пребывал в оцепенении и большей частью в забытии. Я использовал бледную тень своей былой находчивости, чтобы решить эту проблему. Обнаружив, что ни восстановить струну, ни добыть новую не получится, я сел и принялся учиться играть на шести струнах.

Через оборот я играл на шести струнах почти так же хорошо, как и на семи. Три оборота спустя я пытался сыграть «Пережидаю дождь», и тут лопнула вторая струна.

На этот раз я не колебался. Я снял бесполезную струну и принялся учиться играть заново.

На середине «Жатвы» порвалась третья. Потратив почти

полдня на бесплодные попытки, я понял, что три порванных струны – это уже слишком много. Поэтому я собрал в потрепанный мешок затупившийся ножичек, полмотка бечевки и Бенову книгу. Вскинул на плечи отцовскую лютню и пошел куда глаза глядят.

Я пытался мурлыкать «Снег, падающий вместе с осенней листвой» или «Мозолистые пальцы и лютня с четырьмя струнами», но это было совсем не то, что играть.

Я намеревался найти дорогу и пойти по ней в город. Я понятия не имел, далеко ли до дороги или до города, и в какую сторону надо идти, и как они могут называться. Я знал, что нахожусь где-то в южном Содружестве, но точное местоположение было погребено вместе с другими воспоминаниями, которые мне откапывать особо не хотелось.

Погода помогла мне сделать выбор. Прохладная осень готова была смениться зимними холодами. Я знал, что на юге теплее. И потому, за неимением лучшего, я повернулся левым плечом к солнцу и постарался пройти как можно большее расстояние.

Следующий оборот был пыткой. То небольшое из еды, что я захватил с собой, скоро кончилось, и мне приходилось останавливаться и добывать себе пищу. В некоторые дни я не мог найти воды, а когда находил, мне не в чем было взять ее с собой. Неприметная тележная колея вывела меня на дорогу побольше, а та – на другую, еще более наезженную. Я до

пузырей стер ноги башмаками. По ночам временами бывало жутко холодно.

По дороге попадались трактиры, но я разве что пил иногда из конских колод, а так обходил их подальше. Попадались мне и маленькие городки, однако мне нужен был настоящий город. Откуда у крестьян струны для лютни?

Поначалу, услышав грохот телеги или конский топот, я, хромая, отходил в сторону и прятался у дороги. Мне не приходилось говорить с людьми с того вечера, как убили мою семью. Я был куда ближе к дикому зверю, чем к двенадцатилетнему мальчишке. Но в конце концов дорога сделалась слишком широкой и наезженной, и я проводил больше времени прячась, чем идя вперед. И я наконец-то решился не обращать внимания на проезжих, и с облегчением увидел, что на меня почти никто не смотрит.

Однажды утром я провел в пути меньше часа, когда услышал, что сзади меня догоняет телега. Дорога была достаточно широкой, чтобы по ней могли рядом ехать две телеги, но я все равно отошел на траву на обочине.

– Эй, малый! – окликнул меня грубый мужской голос. Я не обернулся. – Слышь, малый!

Я, не оглядываясь, отошел подальше в траву. И встал, глядя в землю под ногами.

Телега медленно дотащилась до меня. И голос взревел вдвое громче прежнего:

– Малый! Малый!!!

Я поднял голову и увидел старика с обветренным лицом, который щурился против солнца. Ему могло быть лет сорок, а могло быть и семьдесят. Рядом с ним на телеге сидел широкоплечий молодой человек с простецким лицом. Видимо, отец с сыном.

– Малый, ты чё, оглох, что ли?

Я покачал головой.

– Так ты немой?

Я снова покачал головой:

– Нет.

Разговаривать с людьми было странно. И голос звучал незнакомо, хрипло, будто заржавел от долгого молчания.

Он сощурился, глядя на меня:

– В город небось?

Я кивнул. Мне не хотелось снова говорить.

– Ну так полезай! – он кивнул на задок телеги. – Сэм, чай, не надорвется, если довезет такого заморыша.

Он похлопал по крупу своего мула.

Было проще согласиться, чем убежать прочь. К тому же стертые ноги щипало от пота. Я подошел к телеге сзади и забрался в нее, затащив с собой свою лютню. Телега была на три четверти завалена большими мешками. Несколько круглых шишковатых тыкв вывалилось из открытого мешка и теперь беспорядочно катались по полу.

Старик тряхнул вожжами:

– Н-но!

Мул нехотя тронулся дальше. Я подобрал раскатившиеся тыквы и запихал их обратно в мешок. Старый крестьянин улыбнулся мне через плечо.

– Спасибо, малый! Меня звать Сет, а это Джейк. Ты бы присел лучше, а то тряханет – и вывалишься.

Я сел на один из мешков, отчего-то напрягшись, не зная, чего ждать.

Старик отдал вожжи сыну и достал из лежащего между ними мешка большой коричневый каравай. Небрежно отломал здоровую краюху, ляпнул сверху масла и протянул мне.

От этой ненавязчивой доброты у меня защемило в груди. Я уже полгода не ел хлеба. Хлеб был мягкий и теплый, масло вкусное. Кусочек я приберег на потом, спрятав его в свой мешок.

С четверть часа миновало в молчании, а потом старик полуобернулся ко мне.

– А ты что, малый, играть, что ль, умеешь? – он указал на футляр с лютней.

Я покрепче прижал ее к себе:

– Она сломанная!

– А-а! – разочарованно протянул он. Я думал, он велит мне слезать, но он вместо этого улыбнулся и кивнул на мужчину рядом с ним. – Ну ладно, тогда уж мы тебя сами позабавим!

И затянул «Лудильщик да дубильщик», застольную, что старше самого Господа Бога. Секунду спустя его сын подхва-

тил песню, и их грубые голоса слились в простой гармонии, от которой внутри у меня что-то зануло — я вспомнил иные повозки, другие песни, полузабытый дом.

Глава 20

Окровавленные руки – в саднящие кулаки

Было близко к полудню, когда телега свернула на новую дорогу, шире реки, вымощенную булыжниками. Поначалу на дороге была небольшая горстка путников да пара телег, но мне, после того как я столько времени провел в одиночестве, это казалось огромной толпой.

Мы въезжали все дальше в город, и приземистые домики уступили место более высоким лавкам и трактирам. Деревья и сады сменились переулками и лоточниками. Широкая река улицы оказалась запружена сотней повозок и пешеходов, десятками телег и фургонов. Временами попадались и всадники.

Слышался цокот копыт и крики людей, пахло пивом, потом, отбросами и смолой. Интересно знать, что это за город и бывал ли я тут прежде? Прежде чем...

Я скрипнул зубами и заставил себя думать о другом.

– Почти приехали! – крикнул Сет, перекрывая гам. В конце концов улица вывела нас на рыночную площадь. Фургоны рокотали по мостовой отдаленными раскатами грома. Где-то в отдалении пронзительно плакал младенец. Некоторое время мы ехали куда глаза глядят, пока Сет не нашел свободный

закоулок напротив книжной лавки.

Сет остановил телегу, и я спрыгнул на мостовую, пока они разминали затекшие руки и ноги. Потом, как бы по молчаливому уговору, я принялся помогать им разгружать бугристые мешки и оттаскивать их в сторону.

Полчаса спустя мы отдыхали среди груды мешков. Сет посмотрел на меня, прикрыв глаза ладонью:

– А тебе зачем в город-то надо было, а, малый?

– Мне нужны струны для лютни, – ответил я. И только тут сообразил, что не знаю, где отцовская лютня! Я принялся лихорадочно озираться. Ее не было ни в телеге, где я ее оставил, ни у стены, ни на грудах тыкв... Сердце у меня упало, но тут, наконец, я заметил ее под мешковиной. Я подошел и стиснул ее дрожащими руками.

Старик улыбнулся мне и протянул пару шишковатых тыкв, из тех, что мы разгружали:

– Разве твоя мать не будет рада, если ты принесешь ей пару лучших оранжевых масляных тыкв по эту сторону от Эльда?

– Н-нет, я не... – выдавил я, отмахиваясь от воспоминания о сбитых пальцах, роющих землю, и вони паленого волоса. – Я... ну, то есть вы и так уже...

Я осекся, крепче прижал к себе лютню и отступил на пару шагов.

Старик пристально посмотрел на меня, словно впервые меня увидел. Я внезапно представил, как я должен выгля-

деть: оборванный, истощенный... Я обнял лютню и попятился еще дальше. Крестьянин уронил руки и перестал улыбаться.

– Эх, парень-парень! – тихо сказал он.

Старик положил тыкву на место, обернулся ко мне и говорил мягко и серьезно.

– Мы тут с Джейком торговать будем до заката примерно. Если к тому времени найдешь, что искал, так милости просим к нам на хутор. Нам с хозяйкой лишние руки временами ой как нужны! Так что ты нам пригодишься. Скажи, Джейк?

Джейк тоже смотрел на меня, и на его честной физиономии отражалась жалость.

– А то как же, пап! Она так и говорила, когда мы уезжали.

Старый крестьянин по-прежнему смотрел на меня серьезно и пристально.

– Это вот Приморская площадь, – сказал он, ткнув пальцем себе под ноги. – Мы тут пробудем до темноты, может, и подольше задержимся. Так что приходи, коли тебя подвезти надо. – Взгляд у него сделался озабоченным. – Эй, слышь? Ты можешь поехать с нами!

Я отступал все дальше и дальше, шаг за шагом, сам не зная, почему я так делаю. Я только знал, что, если поехать с ними, придется объяснять, придется вспоминать. Все что угодно – только не отворять ту дверь...

– Н-нет, – выдавил я. – Нет, спасибо. Вы мне очень помогли. Все будет в порядке...

Меня пихнул в спину человек в кожаном переднике. Я вздрогнул, повернулся и бросился бежать.

Я слышал, как кто-то из них окликнул меня, но голос потерялся в толпе. Я убегал все дальше, и на сердце у меня было тяжело.

Тарбеан настолько велик, что его из конца в конец за день не пройдешь. Даже если сумеешь не заблудиться в запутанной сети извилистых улочек и тупиков.

На самом деле, город был чересчур велик. Громаден, бесконечен. Моря народу, леса домов, и улицы, широкие, как реки. Там пахло мочой, потом, угольным дымом и смолой. Будь я в своем уме, я бы туда нипочем не сунулся.

Долго ли, коротко ли, но я заблудился. Свернул не туда, попытался вернуться обратно, срезав путь проулком, похожим на узкую пропасть меж двух высоких зданий. Проулок вился, точно овраг, прорезанный потоком, который нашел себе новое, более чистое русло. Мусор взбирался на стены и заполнял щели меж зданиями и ниши дверных проемов. Миновав несколько поворотов, я почувствовал тошнотворный запах какой-то дохлятины.

Я свернул за угол – и врезался в стену. Из глаз у меня посыпались искры, я временно ослеп. Я почувствовал, как меня грубо ухватили за руки.

Открыв глаза, я увидел мальчишку постарше. Он был вдвое крупнее меня, черноволосый, со свирепым взглядом. Лицо у него было перемазано грязью, от этого казалось, буд-

то у него растет борода, и его мальчишеское лицо выглядело неожиданно жестоким.

Еще двое мальчишек рывком оттащили меня от стены. Один из них выкрутил мне руку, я вскрикнул. Старший мальчишка ухмыльнулся, услышав мой крик, и провел рукой по своим волосам.

– Ты чего тут делаешь, Налт? Заблудился, что ли?

Он ухмылялся все шире.

Я попытался вырваться, но один из мальчишек вывернул мне запястье, и я выдохнул:

– Нет!

– По-моему, он заблудился, Пайк, – сказал мальчишка справа от меня. Тот, что слева, с размаху ударил меня локтем по голове, и переулочек накренился у меня перед глазами.

Пайк расхохотался.

– Я столяра ищу, – пробормотал я, слегка оглушенный.

Лицо у Пайка скривилось в свирепой гримасе. Он схватил меня за плечи.

– А тебя кто-то спрашивал?! – заорал он. – Тебе говорили, что ты можешь что-то вякать, а?

Он с размаху ударил меня лбом в лицо, я услышал хруст и почувствовал резкую боль.

– Слышь, Пайк! – голос доносился откуда-то, откуда доноситься никак не мог. Чья-то нога потыкала мой футляр с лютней, опрокинула его набок. – Слышь, Пайк, глянь-ка!

Услышав гулкий звук, с которым футляр упал на землю,

Пайк посмотрел под ноги:

– Эй, Налът, что это ты спер, а?

– Она не ворованная!

Один из мальчишек, державших меня за руки, расхохотался:

– Ну да, конечно, тебе ее дядюшка дал, чтобы ты ее продал и купил лекарство для больной бабули!

Он снова заржал. Я отчаянно моргал, пытаюсь избавиться от слез, которые текли из глаз.

Послышалось три щелчка – кто-то расстегнул застёжки. И отчетливый аккорд – лютню достали из футляра.

– Ой, Налът, твоя бабуля так расстроится, что ты это потерял! – тихо произнес Пайк.

– Раздави нас Тейлу! – выпалил мальчишка справа от меня. – Пайк, да ты знаешь, сколько она стоит? За такое золотом платят!

– Не поминай имени Тейлу всеу, – сказал мальчишка слева от меня.

– Чего?

– «Не поминай имени Тейлу иначе, как в час великой нужды, ибо Тейлу судит всякую мысль и всякое деяние», – процитировал тот.

– Так вот, пусть Тейлу меня обоссyt своим обгорелым членом, если эта штукавина не стоит двадцати талантов! А это значит, что хоть шесть-то мы с Дикена слупим. Вы представляете, сколько всего можно сделать на такие деньжищи,

а?

– Ничего ты на них не сделаешь, если не прекратишь говорить такие вещи. Тейлу бдит над нами, однако месть его страшна! – Голос второго мальчишки звучал благоговейно и испуганно.

– Чего, опять в церкви заночевал, да? К тебе вся эта религия липнет, все равно как ко мне блохи!

– Я те щас руки узлом завяжу!

– Твоя мамка дает за пенни!

– Маму мою не трожь, Лин!

– За железный пенни!

К этому времени я успел проморгаться и теперь видел, что Пайк присел на корточки посреди переулка. Он заморожено глазел на лютню. Мою прекрасную лютню! Он крутил ее своими немытыми лапами, и вид у него был мечтательный. Сквозь пелену страха и боли меня мало-помалу начал пробирать ужас.

Голоса у меня за спиной становились все громче и громче, а внутри меня разгорался жаркий гнев. Я напрягся. Драться с ними я не мог, но знал, что, если схватить лютню и добежать до толпы, я, возможно, смогу от них отделаться и снова оказаться в безопасности.

– ...А она все равно трахалась! Только теперь ей платили всего по полпенни за раз. То-то у тебя и головка такая слабая. Хорошо еще, что вмятины не осталось! Не расстраивайся – потому-то ты у нас теперь такой религиозный! – торже-

ствующе закончил первый мальчишка.

Я чувствовал, как напрягся противник справа. Я тоже напрягся, готовясь к рывку.

– Но спасибо за предупреждение! Я слышал, Тейлу любит прятаться за всякими навозными кучами и...

И внезапно обе мои руки оказались свободны: один мальчишка впечатал другого в стену. Я пробежал три шага до Пайка, схватил лютню за гриф и рванул было прочь.

Но Пайк оказался то ли проворней, чем я рассчитывал, то ли сильнее. Он не выпустил лютню из рук. Я вынужден был остановиться, а Пайк – подняться на ноги.

Мои разочарование и гнев хлынули через край. Я выпустил лютню и кинулся на Пайка. Я, как бешеный, вцепился ногтями ему в лицо и в шею, однако он был ветераном слишком многих уличных драк и не дал мне дотянуться ни до чего жизненно важного. Мой ноготь оставил у него кровавую царапину от уха до подбородка. А потом Пайк налетел на меня и принялся теснить, пока я не налетел на стену.

Голова у меня ударилась о кирпичи, и я бы упал, если бы Пайк не втискивал меня в ветхую, крошащуюся стенку. Я набрал воздуха в грудь – и только тут осознал, что все это время вопил.

От Пайка воняло застарелым потом и прогорклым маслом. Его руки прижимали мои руки к бокам, он все сильнее вдавливал меня в стенку. Я смутно осознал, что лютню мою он, похоже, бросил.

Я снова набрал воздуха – и бешено забился, снова ударившись головой о стену. Я обнаружил, что мое лицо вдавилось в его плечо, и укусил что было мочи. Я почувствовал, как лопнула под зубами кожа, и ощутил вкус крови.

Пайк заорал и отшатнулся. Я перевел дух и поморщился от рвущей боли в груди.

Не успел я шевельнуться или подумать о чем-то, как Пайк сгреб меня снова. Он шваркнул меня об стену – раз, другой. Моя голова болталась взад-вперед, отлетая от стены. Потом он ухватил меня за горло, развернул и швырнул об землю.

Тут я услышал треск, и все вокруг как будто остановилось.

С тех пор как погибла моя трупка, мне временами снились родители. Они были живы и пели песни. Во сне смерть их была ошибкой, недоразумением, новой пьесой, которую они репетировали. И на несколько секунд я освобождался от огромного горя, что непрерывно давило на меня тяжелым одеялом. Я обнимал их, мы вместе смеялись над моими дурацкими тревогами. Я пел вместе с ними, и на миг все становилось чудесно. Просто чудесно.

Но я всегда просыпался один в темноте у лесного озера. Что я тут делаю? Где папа и мама?

И тут я все вспоминал – будто рана открывалась заново. Они мертвы, а я – один, в жутком одиночестве. И тяжкий груз, приподнявшийся всего на мгновение, обрушивался на меня вновь, тяжелей прежнего, потому что я был к этому не

готов. И я лежал на спине, глядя во тьму, и в груди у меня ныло, и дышать было тяжело, и в глубине души я понимал, что теперь уже никогда ничего не будет в порядке, никогда и ничего.

Когда Пайк швырнул меня на землю, тело мое почти утратило чувствительность, и я даже не заметил, как ломается подо мной отцовская лютня. Но звук, который я услышал, был как умирающий сон, и от него у меня в груди снова запыло и сделалось тяжело дышать.

Я огляделся и увидел, что Пайк тяжело дышит и держится за плечо. Один из мальчишек стоял, упираясь коленкой в грудь другого. Они уже не дрались – оба ошеломленно смотрели в мою сторону.

Я тупо уставился на свои руки, окровавленные в тех местах, где щепки поранили кожу.

– Этот пащенок меня укусил! – тихо сказал Пайк, как будто поверить не мог в то, что случилось.

– Слазь с меня! – сказал мальчишка, который лежал на спине.

– Говорил же я тебе, нельзя говорить таких вещей! Видишь, что вышло?

Рожа Пайка исказилась и побагровела.

– Укуси-ил! – взревел он, и со всей дури пнул меня в голову.

Я попытался увернуться, не повредив при этом лютню еще сильнее. Его пинок пришелся мне в почки, и я снова

распростерся на обломках, расплющив их больше прежнего.

– Видал, что бывает, когда насмехаешься над именем Тейлу?

– Да заткнись ты со своим Тейлу! Слезь с меня и забери эту штуку. Может, Дикен за нее все равно хоть что-нибудь даст.

– Погляди, что ты наделал!!! – орал на меня Пайк. Пинок угодил мне в ребра и развернул меня набок. В глазах начало темнеть. Я был почти рад этому, это меня отвлекало. Но глубинная боль никуда не делась, никуда не ушла. Я стиснул окровавленные руки в саднящие кулаки.

– Вот эти шишечки вроде целы. А они серебряные такие, зуб даю, они тоже денег стоят!

Пайк снова занес ногу. Я попытался было вскинуть руки, чтобы защититься, но руки только бессильно дернулись, и Пайк пнул меня в живот.

– Хватай вон ту штуковину...

– Пайк! Па-айк!

Пайк еще раз пнул меня в живот, и меня слабо стошнило на камни мостовой.

– Эй, а ну, стоять! Городская стража! – заорал новый голос. На мгновение воцарилась тишина, потом – шарканье и топот убегающих ног. Секунду спустя мимо протопали тяжелые сапоги и тоже исчезли в отдалении.

Помню, как болело в груди. А потом я потерял сознание. Из тьмы меня вытряхнул кто-то, кто выворачивал мои

карманы. Я попытался было открыть глаза, но безуспешно.

Я услышал голос, бормочущий себе под нос:

– Как, и это все, что я получаю за то, что спас тебе жизнь? Медяк и пара шимов? Выпивка на один вечер? Вот бестолковый уболюдок!

Он гулко закашлялся, меня обдало перегаром.

– И верещал еще! Кабы ты не верещал, как девка, я бы и не стал так торопиться!

Я попытался было что-то сказать, но у меня вырвался лишь стон.

– Ну, хоть живой, и на том спасибо.

Я услышал крик – человек встал, тяжелый топот его башмаков удалился прочь, и настала тишина.

Через некоторое время я обнаружил, что могу открыть глаза. Перед глазами все плыло, и нос, казалось, раздуло больше головы. Я аккуратно его ощупал. Сломан. Вспомнив уроки Бена, я ухватился за нос с двух сторон обеими руками и резким рывком вправил его на место. Стиснул зубы, сдерживая болезненный вскрик, и глаза наполнились слезами.

Я проморгался и с облегчением обнаружил, что улица уже не выглядит такой размытой, как только что. Содержимое моего мешка валялось на земле возле меня: полмотка бечевки, тупой ножичек, «Риторика и логика» и остатки той краюхи, которой накормил меня крестьянин. Как давно это было!

Крестьянин... Я подумал о Сете и Джейке. Теплый хлеб с маслом. Песни на телеге. Они предлагали убежище, новый

дом...

Внезапное воспоминание вызвало приступ тошнотворной паники. Я огляделся по сторонам. От резкого движения заболела голова. Я принялся рыться руками в отбросах, и нащупал ужасно знакомые щепки. Я немо уставился на них, а мир вокруг тем временем незаметно начал темнеть. Я бросил взгляд на узкую полоску неба над головой и увидел, что оно лиловеет. Смеркалось.

Сколько же уже времени? Я поспешно собрал свои пожитки, обойдясь с книгой Бена бережней, чем со всем остальным, и захромал туда, где, как я надеялся, находилась Приморская площадь.

К тому времени как я отыскал площадь, на небе угасали последние отсветы заката. Несколько телег лениво расползались посреди немногих припозднившихся покупателей. Я, хромая, метался из угла в угол площади, точно безумный, разыскивая старого крестьянина, который меня подвез. Разыскивая те уродливые, шишковатые тыквы.

Задыхаясь и спотыкаясь, я наконец нашел книжную лавку, напротив которой остановился Сет. Сета и его телеги нигде не было. Я рухнул на пустое место, где раньше стояла телега, и враз ощутил боль всех травм, на которые до сих пор заставлял себя не обращать внимания.

Я ощупал их одну за другой. Несколько ребер очень болело, но я не мог определить, сломаны они или хрящ порван.

Если резко повернуть голову, накатывало головокружение и тошнота – вероятно, сотрясение мозга. Нос у меня был сло-ман, а ушибов и ссадин было просто не сосчитать. И еще я был голоден.

Последнее было единственной проблемой, с которой я мог что-то сделать. Я достал то, что оставалось от сегодняш-него хлеба, и съел его. Хлеба было мало, но все-таки лучше, чем ничего. Я напился из конской колоды. Мне достаточно сильно хотелось пить, чтобы не обращать внимания на то, что вода солоноватая и несвежая.

Я подумал было уйти из города, но в моем нынешнем со-стоянии мне потребовалось бы несколько часов ходьбы. К тому же за пределами города меня не ждало ничего, кроме многих миль крестьянских пашен. Ни деревьев, за которы-ми можно спрятаться от ветра. Ни хвороста, чтобы развести костер. Ни кроликов, на которых можно ставить силки. Ни кореньев, которые можно нарыть. Ни папоротника для по-стели...

Я был так голоден, что желудок стянуло тугим узлом. Тут, по крайней мере, откуда-то пахло жареной курицей. Я пошел бы на запах, но голова слишком сильно кружилась, а ребра болели. Может, завтра кто-нибудь даст мне что-нибудь по-есть... А сейчас я слишком устал. И хотел только одного – спать.

Мостовая уже успела остыть после дневного солнца, под-нимался ветер. Я перебрался на порог книжной лавки, что-

бы укрыться от ветра. Я почти уже уснул, когда хозяин лавки отворил дверь и пнул меня, велев убираться, а то он стражу кликнет. Я поспешно захромал прочь.

Потом я отыскал в переулке несколько пустых ящиков. Я свернулся за ними, избитый и усталый. Зажмурил глаза, стараясь не вспоминать, каково это – выпаться в тепле, рядом с людьми, которые тебя любят.

То была первая ночь из почти трех лет, которые я провел в Тарбеане.

Глава 21

Подвал, хлеб и ведро

Время было послеобеденное. Точнее, оно было бы послеобеденным, если бы мне было чем обедать. Я кланчил милостыню на Купеческом кругу. Пока что день принес мне два пинка (один от стражника, один от наемника), три тычка (два от погонщиков, один от матроса), одно новое ругательство, описывающее анатомически маловероятную ситуацию (тоже от матроса), и брызги слюны от довольно неприятного старикашки неопределенных занятий.

И один железный шим. Это я приписывал скорее законам вероятности, чем людской доброте. Даже слепая свинья нет-нет, а желудь отыщет.

Я провел в Тарбеане почти месяц и накануне впервые попробовал воровать. Начало было не слишком многообещающее. Я сунул руку в карман мяснику и попался. Это стоило мне такой затрещины, что сегодня у меня кружилась голова всякий раз, как я пытался резко встать или начать двигаться. Первая проба сил в воровстве меня не особо воодушевила, и я решил, что сегодня буду просить милостыню. Милостыню подавали в целом как обычно.

Живот сводило от голода, а если купить черствого хлеба на один шим, это все равно особо не поможет. Я уже поду-

мывал перейти на другую улицу, когда увидел, как какой-то мальчишка подбежал к нищему младше меня на другой стороне улицы. Они о чем-то взбудораженно потолковали и побежали прочь.

Разумеется, я последовал за ними, влекомый бледной тенью своего бывшего жгучего любопытства. Кроме того, то, что заставило их посреди дня сорваться с насиженного места на углу оживленной улицы, наверняка заслуживало внимания. Может, тейлинцы опять хлеб раздают. Может, лоток с фруктами опрокинулся. А может, стража кого-нибудь вешает... В общем, потратить на это полчаса было не жалко.

Я следовал за мальчишками по извилистым улочкам и наконец увидел, как они свернули за угол и сбежали по лестнице в подвал сгоревшего дома. Я остановился. Слабая искорка любопытства затухла под давлением благоразумия.

Вскоре они появились снова. У обоих в руках было по ломтю черного хлеба. Я смотрел, как они прошли мимо, хоча и толкаясь. Младший, лет шести, не больше, увидел, что я смотрю, и махнул рукой.

– Там еще осталось! – крикнул он с набитым ртом. – Но ты лучше поторопись!

Благоразумие мое тут же развернулось обратной стороной, и я осторожно спустился вниз. Внизу лестницы было несколько гнилых досок – все, что осталось от выбитой двери. Внутри я увидел короткий коридорчик, ведущий в тускло освещенную комнату. Девочка с колючим взглядом про-

тиснулась мимо меня, не поднимая глаз. У нее в руках тоже был кусок хлеба.

Я переступил через обломки двери и очутился в холодной, сырой темноте. Сделав десяток шагов, я услышал глухой стон и застыл на месте. Стон был почти звериный, но слух подсказал мне, что он исходит из человеческих уст.

Не знаю, чего я ждал, – во всяком случае совсем не того, что нашел. В двух старых лампах горела ворвань², отбрасывая тусклые тени на черные каменные стены. В комнате стояло шесть топчанов, все были заняты. Двое ребятишек, почти младенцы, делили между собой одеяло, расстеленное на каменном полу, и еще один свернулся на груде тряпья. В темном углу сидел мальчишка моих лет, привалившись головой к стене.

Один из мальчишек слегка пошевелился на топчане, словно ворочался во сне. Однако в движении этом было что-то странное. Напряжение какое-то. Я пригляделся – и понял, в чем дело. Он был привязан к топчану. Все шестеро были привязаны.

Он натянул веревки и снова издал тот звук, что я слышал из коридора. Теперь он был отчетливей: низкий, стенающий вой.

– А-а-а-а-а-аба-а-а-а-а!

В первый момент я только и мог, что вспомнить сразу все истории, какие я когда-либо слышал о герцоге Гибейском. О

² Китовый жир, используемый в основном для освещения.

том, как он и его люди двадцать лет похищали и мучили людей, пока церковь не вмешалась и не положила этому конец.

– Что такое, что такое! – отозвался голос из другой комнаты. Интонация была странная – как будто это был не вопрос.

Мальчишка на топчане задержался в веревках.

– А-а-а-а-бе-е-е-е-е!

В дверях появился человек, отряхивающий руки о подол своей потрепанной рясы.

– Что такое, что такое! – повторил он все тем же странным, невопросительным тоном. Голос у него был старческий, усталый по краям, но в центре его было терпение.

Терпение тяжкого валуна, или кошки, которая возится с котятками. Совсем не такой голос, какой ожидаешь услышать от герцога Гибейского.

– Что такое, что такое! Тише, Тани, тише. Я не ушел, я в соседней комнате. Вот, видишь, я вернулся.

Его ноги шлепали по голому каменному полу. Человек был бос. Я ощутил, как напряжение мало-помалу покидает меня. Что бы тут ни происходило, вряд ли это было что-то столь мрачное, как я воображал.

Увидев приближающегося человека, мальчик перестал рваться.

– И-и-и-а-а-а! – сказал он и снова натянул веревки.

– Что такое? – на этот раз то был вопрос.

– И-и-и-а-а-а!

– А?

Старик оглянулся и только тут увидел меня.

– А! Привет.

Он снова перевел взгляд на мальчишку на кровати:

– Какой ты у нас сегодня умница! Тани меня позвал сказать, что у нас гости!

Лицо Тани расплылось в жуткой усмешке, и он издал резкий, хриплый выдох. Как ни мучительно это звучало, было очевидно, что Тани смеется.

Босой человек обернулся, посмотрел на меня и сказал:

– Я тебя не узнаю. Ты тут бывал раньше?

Я покачал головой.

– Ну, у меня хлебушек есть, ему всего два дня. Натаскай воды, и можешь взять, сколько съешь. – Он посмотрел на меня: – Тебя это устраивает?

Я кивнул. Единственной мебелью в комнате, если не считать топчанов, были стул, стол и открытая бочка, стоящая у одной из дверей. На столе стопкой сложены четыре больших круглых караваев.

Он тоже кивнул и осторожно направился к стулу. Шел он неуклюже, как будто ему больно было ступать.

Добравшись до стула и сев на него, он указал на бочку у двери:

– Вон там, за дверью, насос и ведро. Ты не торопись, гоняться тут не за кем.

Говоря, он рассеянно закинул ногу на ногу и принялся растирать босую ступню.

«Проблемы с кровообращением, – подумала давно заброшенная часть меня. – Повышенный риск инфекций и серьезный дискомфорт. Ноги надо класть на возвышение, массировать и протирать теплым настоем ивовой коры, камфары и маранты».

– И ведро слишком полное не набирай! А то еще надорвешься или разольешь. Тут и без того сыро.

Он поставил ногу на пол и наклонился, чтобы взять на руки одного из малышей, который беспокойно завожился на одеяле.

Наполняя бочку, я поглядывал на этого человека. Волосы у него были седые, но, несмотря на это и на то, как он медленно, осторожно двигался, не так уж он был и стар. Лет сорока, а то и моложе. Он носил длинную рясу, такую штопаную и латаную, что я никак не мог угадать ни какого цвета она была изначально, ни какую форму имела. Но, хотя он выглядел таким же оборванным, как и я, он был куда чище. Это не значит, что он был чистым, – всего лишь чище меня. Это было нетрудно.

Звали его Трапис. Залатанная ряса была его единственной одеждой. Почти все время своей жизни он проводил в этом сыром подвале, ухаживая за безнадежными, до которых больше никому дела не было. Большинство из них были мальчики. Некоторых, например, Тани, приходилось привязывать, чтобы они не поранились или не упали с кровати. Других, таких, как Джаспин, который два года назад тро-

нулся умом на почве воспаления, приходилось привязывать, чтобы они не покалечили других.

Параличные, увечные, расслабленные, мучимые судорогами – Трапис ходил за всеми с одинаковым бесконечным терпением. Я ни разу не слышал, чтобы он на что-то жаловался, даже на свои босые ноги, которые всегда были опухшие и наверняка причиняли ему постоянную боль.

Он помогал нам, детям, чем мог – подкармливал, когда было чем. Чтобы отработать эту скромную еду, мы носили ему воду, мыли полы, бегали с поручениями, качали малышей, чтобы те не плакали. Мы делали все, о чем он просил, и даже когда еды не было, мы работали за глоток воды, за усталую улыбку, за то, что на свете есть кто-то, кто видит в нас людей, а не оборванных зверенышей.

Временами казалось, будто Трапис в одиночку пытается спасти всех отпетых в нашем уголке Тарбеана. За это мы и любили его, молчаливо и яростно, как любят только животные. Если бы хоть кто-то поднял на Траписа руку, сотня мальчишек с воплями разорвала бы обидчика в клочья прямо посреди улицы.

В первые несколько месяцев я довольно часто оставался у него в подвале, потом, со временем, все реже и реже. Трапис и Тани были приятной компанией. Ни тот, ни другой не нуждались в длинных разговорах, и меня это вполне устраивало. Однако другие уличные мальчишки меня несказанно нервировали, и потому я бывал там нечасто – только когда

отчаянно нуждался в помощи или когда мне было чем поделиться.

Несмотря на то что я редко там бывал, мне все же приятно было знать, что в городе есть хоть одно место, где меня не станут пинать, шугать или плевать в меня. Когда я в одиночестве прятался на крышах, хорошо было знать, что на свете есть Трапис и его подвал. Это было почти как дом, куда можно вернуться. Почти как дом.

Глава 22

Время для демонов

За эти первые месяцы в Тарбеане я многому научился. Я узнал, в каких трактирах и ресторанах выкидывают самые вкусные объедки и насколько тухлой должна быть еда, чтобы тебя от нее стошнило.

Я узнал, что обнесенный стеной комплекс зданий близ пристаней – это храм Тейлу. Тейлинцы иногда раздавали нам хлеб, заставляя произносить вслух молитвы, прежде чем позволить забрать каравай. Я был не против. Это легче, чем просить милостыню. Иногда священники в серых рясах зазывали меня в церковь, чтобы помолиться там, но я успел наслушаться всякого и тотчас убегал прочь, независимо от того, успел ли я получить свой каравай.

Я научился прятаться. У меня было тайное укрытие на старой кожевенной мастерской, где три крыши сходились вместе: там можно было спрятаться от ветра и дождя. Бенову книгу я припрятал подальше под стропилами, завернув в мешковину. В руки я ее брал очень редко, словно некую святыню. Это был последний осязаемый кусок моего прошлого, и я делал все, чтобы с ней ничего не случилось.

Я узнал, что Тарбеан огромен. Пока сам не увидишь – не поймешь. Все равно, как море. Я могу рассказать вам о вол-

нах и о воде, но все равно вы не получите ни малейшего представления о его размерах, пока сами не окажетесь на берегу. Вы не поймете моря по-настоящему, пока не очутитесь посреди него, так, чтобы со всех сторон было только море, бескрайнее море. Только тогда осознаете вы, как вы малы, как беспомощны.

Огромен Тарбеан был отчасти из-за того, что делился на тысячу мелких частей, и у каждой – свой особый нрав. Там был Подол, Скотопригонный двор, Прачечные, Средний город, Свечники, Кожевенная слобода, Портовая сторона, Смольный ряд, Портняжный проезд... В Тарбеане можно было прожить всю жизнь, и так и не изучить его весь.

Однако с практической точки зрения Тарбеан делился на две части: Приморье и Нагорье. В Приморье жили бедняки. Бедность превращала их в попрошайек, воров и шлюх. В Нагорье люди были богаты. Поэтому они были стряпчими, политиками и придворными.

Я провел в Тарбеане два месяца, когда мне впервые пришлось в голову пойти просить милостыню в Нагорье. Городом полностью овладела зима, и из-за игрищ средьзимья улицы сделались опаснее обычного.

Меня это поражало. Каждую зиму, сколько я себя помнил, наша труппа устраивала Зимние игрища в каком-нибудь городке. Нацепив маски демонов, мы терроризировали местных все семь дней высокого скорбения ко всеобщему удовольствию. Отец так убедительно изображал Энканиса, что

можно было подумать – что мы вызвали самого Энканиса. Главное, что отец умел быть жутким и одновременно осмоторительным. За все время, что игрища устраивала наша труппа, никто ни разу не пострадал.

В Тарбеане все было иначе. Нет, в принципе все было то же самое. Люди в причудливо раскрашенных масках демонов точно так же бродили по городу, устраивая мелкие проказы. Был там и Энканис в традиционной черной маске, который куролесил куда серьезнее. Наверняка и Тейлу в своей серебряной маске бродил где-то в приличных кварталах, играя свою роль, хотя сам я его ни разу не видел. Я же говорю, в принципе все было то же самое.

Но вели себя они иначе. Для начала, Тарбеан был слишком велик, чтобы все демоны принадлежали к одной труппе. Да тут и сотни трупп было бы мало! Так что вместо того чтобы платить профессионалам, что было бы разумней и безопасней, тарбеанские церкви пошли по более выгодному пути: они продавали демонские маски.

А потому в первый же день высокого скорбения на улицы вырвались десять тысяч демонов. Десять тысяч демонов-любителей, имеющих полное право творить любые бесчинства, какие захотят.

Может показаться, будто это идеальные условия для начинающего вора. Вот уж где можно развернуться! На самом деле – ничего подобного. В Приморье демоны кишели гуще всего. И в то время как большинство из них вели себя до-

стойно, разбегались при звуке имени Тейлу и держали свои шалости в разумных пределах, многие поступали иначе. В первые несколько дней высокого скорбения на улицах было небезопасно, и большую часть времени я провел в укрытии, от греха подальше.

Однако с приближением средьзимья на улицах сделалось поспокойнее. Демонов становилось все меньше: кто потерял маску, кому надоело проказничать. Разумеется, часть из них извел Тейлу, но, несмотря на серебряную маску, он был всего один. Вряд ли он мог обойти весь Тарбеан за какие-то семь дней.

И в последний день скорбения я решился сходить в Нагорье. В день середины зимы у всех хорошее настроение, а в хорошем настроении и подают хорошо. А главное, ряды демонов заметно поредели, а значит, ходить по улицам сделалось сравнительно безопасно.

Я пустился в путь немного заплodень. Я был голоден, потому что мне не удалось украсть ни кусочка хлеба. Помнится, направляясь к Нагорью, я испытывал смутное радостное возбуждение. Возможно, в глубине души я вспоминал, как праздновал средьзимье со своей семьей: теплый ужин, теплая постель... А может, я заразился ароматом хвойных веток, которые собирали в кучи и поджигали, празднуя победу Тейлу.

В тот день я узнал две вещи. Я узнал, почему нищие не ходят в Нагорье, и еще я узнал, что, вопреки утверждениям

церкви, средьзимье – все-таки время для демонов.

Я вышел из переулка – и меня сразу поразило, как сильно эта часть города отличается от той, откуда я пришел.

В Приморье торговцы обхаживали и улещивали покупателей, надеясь зазвать их к себе в лавку. А в случае неудачи не стеснялись открыто выражать свое неудовольствие: брались, а то и кидались с кулаками.

Тут владельцы лавок нервно ломали руки. Они кланялись, расшаркивались и были безупречно вежливы. Никто не повышал голоса. После хамоватого, напористого Приморья я чувствовал себя будто на великосветском балу. Все были одеты в новое. Все чистые, умытые, и все как будто участвовали в каком-то замысловатом танце.

Однако и тут водились тени. Оглядывая улицу, я приметил двоих мужчин, скрывавшихся в переулке напротив. Маски у них были хорошие: кроваво-красные и свирепые. Одна с разинутой пастью, вторая с перекошенным ртом, в котором торчали острые белые зубы. Оба были в традиционных черных рясах с капюшонами, я это одобрил. Среди демонов Приморья очень многие не давали себе труда обзавестись достойным костюмом.

Двое демонов выскользнули из переулка и увязались за прилично одетой парочкой, которая под ручку гуляла по улице. Демоны осторожно преследовали их футов сто, а потом один сорвал с кавалера шляпу и сунул ее в ближайший су-

гроб. А второй грубо ухватил даму и оторвал ее от земли. Женщина завизжала. Мужчина тем временем отнимал у демона свою трость – он явно растерялся.

По счастью, дама сохранила присутствие духа.

– Тейус! Тейус! – закричала она. – Тейус антауса эха!

Услышав имя Тейлу, фигуры в масках отпрянули и кинулись прочь.

Все радостно завопили. Один из торговцев помог кавалеру выудить шляпу из сугроба. Я даже удивился, как тут все культурно. Очевидно, в богатой половине города даже демоны, и те вежливые.

Осмелев от увиденного, я вглядывался в толпу, выбирая наиболее многообещающих прохожих. Я подошел к девушке. На ней было серо-голубое платье и накидка белого меха. Волосы у нее были длинные и золотистые, обрамлявшие лицо тщательно уложенными локонами.

Когда я подошел, она взглянула на меня и остановилась. Я услышал, как она ахнула и зажала рот ладонью.

– Тетенька, дайте денежку! – Я протянул руку и сделал так, чтобы она слегка дрожала. Голос у меня тоже слегка дрожал. – Ну пожалуйста!

Я изо всех сил старался выглядеть таким маленьким и несчастным, каким я себя чувствовал. Я переминался с ноги на ногу на тонком сером снегу.

– Ах, бедный крошка! – вздохнула она так тихо, что я едва услышал. И принялась возиться с подвешенным к поясу

кошельком, то ли не в силах оторвать от меня взгляд, то ли не желая отводить глаза. Наконец она заглянула в кошелек и что-то достала. Она вложила это мне в руку, и я почувствовал холодную, обнадеживающую тяжесть монеты.

– Спасибо, сударыня! – машинально ответил я. Опустив взгляд, я увидел, как сквозь пальцы блеснуло серебро. Разжав кулак, я увидел серебряный пенни. Целый серебряный пенни!

Я разинул рот. За серебряный пенни давали десять медных или пятьдесят железных. Да что там: за эти деньги можно было ложиться спать сытым каждый вечер в течение полмесяца! За железный пенни можно было переночевать на полу в «Багровом глазе», за два – у очага, возле углей после вечерней топки. Можно было купить тряпичное одеяло, спрятать его на крыше и греться под ним всю зиму!

Я поднял взгляд на девушку. Та по-прежнему смотрела на меня жалостливо. Она не могла знать, что значат для меня эти деньги.

– Благодарю вас, леди! – голос у меня сорвался. Мне вспомнилась одна из фраз, которые мы произносили, когда я жил в трупке: – Пусть все ваши истории будут счастливыми, а все пути – ровными и быстрыми!

Она улыбнулась мне и, кажется, хотела что-то сказать, но у меня возникло странное ощущение в затылке. Как будто кто-то за мной следил. На улице либо быстро привыкаешь чувствовать такие вещи, либо жизнь твоя будет жалкой и ко-

роткой.

Я оглянулся – и увидел лавочника, который о чем-то разговаривал со стражником, указывая в мою сторону. Это был не какой-нибудь приморский стражник. Этот был чисто выбрит, с отменной выправкой. На нем была черная кожаная куртка с металлическими заклепками, а в руке – окованная медью дубинка длиной в его руку. До меня долетели обрывки того, что говорил лавочник:

– ...Клиентов распугивать! Кто станет покупать шоколад, когда... – он снова указал в мою сторону и сказал что-то, чего я не расслышал. – ...Вам уплачено? То-то. Может быть, мне следует сообщить...

Стражник повернул голову и посмотрел в мою сторону. Я перехватил его взгляд – и кинулся бежать.

Я бросился в первый попавшийся переулок. Мои тонкие туфли скользили на снежке, припорошившем мостовую. Я услышал за спиной топот тяжелых сапог и свернул в другой переулок, отходивший в сторону от первого.

Грудь жгло огнем. Я озираясь, ища, куда бы деться, где бы спрятаться. Но этой части города я не знал. Тут не было ни куч мусора, в которые можно забиться, ни сгоревших домов, через которые можно прошмыгнуть. Я почувствовал, как острый кусок замерзшего щебня рассек тонкую подметку. Ступню пронзила боль, но я заставил себя бежать дальше.

После третьего поворота я очутился в тупике. Я успел наполовину вскарабкаться на стену, когда чья-то рука ухватила

меня за щиколотку и стянула вниз.

Я ударился головой о мостовую, и мир вокруг поплыл. Стражник поднял меня с земли, держа за запястье и за волосы.

— Что, самый умный, да? — пропыхтел стражник. Его дыхание обжигало мне лицо. От него пахло дубленой кожей и потом. — А ведь уже большой, мог бы и знать, что драпать без толку!

Он сердито меня встряхнул и выкрутил мне волосы. Я вскрикнул, переулочок вокруг накренился.

Стражник грубо притиснул меня к стенке:

— Мог бы и знать, что в Нагорье шлаться не надо! — Он потряхнул меня. — Ты что, тупой, что ли?

— Н-нет, — бестолково ответил я, ощутив свободной рукой холодную стенку. — Нет...

Мой ответ его, похоже, взбесил.

— Ах, нет?! — рявкнул он. — У меня из-за тебя неприятности, парень! Того гляди жалобу накатают! Раз ты не тупой, значит, надо тебя проучить!

Он развернул меня и швырнул на землю. Я поскользнулся на грязном снегу переулочка. Ударился локтем о землю, рука враз онемела. Кулак, сжимавший целый месяц еды, и теплые одеяла, и сухую обувь, разжался. Что-то драгоценное отлетело прочь и упало даже без звона, ударившись о землю.

А я и не заметил. Дубинка со свистом рассекла воздух и обрушилась мне на ногу.

– Не ходи в Нагорье, понял? – рычал стражник. Дубинка обрушилась на меня снова, на этот раз – поперек лопаток. – Дальше Пустой улицы вам, шлюхиным сынам, ходить заказано, понял, ты?

Он хлестнул меня по щеке обратной стороной кисти, я почувствовал вкус крови, голова мотнулась по занесенной снегом булыжной мостовой.

Я свернулся клубочком, а он шипел на меня:

– И имей в виду: Мельничная улица и Мельничный рынок – это все мой участок, так что ты! сюда! никогда! больше! не суйся! – Каждое слово сопровождалось ударом дубинки. – Понял?

Я лежал и трясся на развороченном снегу, надеясь, что это все. Что он теперь уйдет.

– Понял, ты?

Он пнул меня в живот, и я почувствовал, как внутри у меня что-то оборвалось.

Я вскрикнул и, должно быть, что-то пробормотал. Видя, что я не встаю, он пнул меня снова, потом ушел.

Наверное, я потерял сознание или некоторое время лежал в забытии. Когда я, наконец, очнулся, уже смеркалось. Я промерз до мозга костей. Я долго ползал по грязному снегу и отсыревшему мусору, нащупывая серебряный пенни. Пальцы так онемели от холода, что почти не двигались.

Один глаз у меня заплыл, и во рту стоял вкус крови, но я все равно искал, пока не угасли последние отсветы заката. И

даже после того как переулочек утонул в непроглядной тьме, я все просеивал снег сквозь пальцы, хотя в глубине души и знал, что руки у меня настолько онемели, что я не нащупаю монету, даже если она мне и попадется.

Я по стеночке поднялся на ноги и побрел прочь. Шел я медленно, из-за ушибленной ноги. На каждом шагу ногу пронзала боль, и я хватался за стены, чтобы не переносить вес на нее.

Я спустился в Приморье, ту часть города, где я чувствовал себя более или менее дома. Нога онемела и одеревенела от холода, и, хотя разумную часть меня это тревожило, практическая моя половина была только рада, что хоть одна часть тела больше не болит.

До моего тайного убежища было несколько миль, а шел я очень медленно. В какой-то момент я, наверное, упал. Этого я не помню, зато помню, как я лежал в снегу и как там было на удивление уютно. Я чувствовал, как сон окутывает меня плотным одеялом, похожим на смерть.

Я закрыл глаза. Я помню глубокую тишину, что царила вокруг, на пустынной улице. Я слишком оцепенел и устал, так что мне было не особенно страшно. В бреду смерть представлялась мне огромной птицей с крыльями из пламени и тени. Она кружила надо мной и терпеливо ждала, ждала меня...

Я уснул, и огромная птица укутала меня своими пылающими крыльями. Мне приснилось восхитительное тепло.

Потом птица вонзила в меня свои когти, раздирая меня...

Нет, это была просто боль в переломанных ребрах. Кто-то перевернул меня на спину.

Я открыл затуманенные глаза и увидел, что надо мной стоит демон. В помрачении рассудка, когда я мог поверить во что угодно, вид человека в демонской маске заставил меня очнуться, соблазнительное тепло, которое только что меня окутывало, развеялось, оставив мое тело безвольным и тяжким, как свинец.

– Ну да! Я же тебе говорил. Тут ребенок в снегу!

Демон поднял меня на ноги.

Теперь, очнувшись, я увидел, что маска у него сплошь черная. То был Энканис, владыка демонов. Он поставил меня на ноги и принялся отряхивать с меня налипший снег.

Здоровым глазом я увидел поблизости фигуру в синюшно-зеленой маске.

– Ну, пойдем же! – сказал второй демон женским голосом, звучащим странно и глухо из-за рядов острых зубов.

Энканис не обратил на нее внимания.

– С тобой все в порядке?

Ответа я придумать не смог, поэтому сосредоточился на том, чтобы не упасть, пока мужчина продолжал отряхивать с меня снег рукавом своей черной рясы. Издали донесся рев рогов.

Демоница нервно оглянулась.

– Надо уходить, пока они не дошли сюда, а то застрянем! –

сердито прошипела она.

Энканис вытряхнул снег из моих волос пальцами в черной перчатке, потом остановился и вгляделся в мое лицо. Черная маска странно расплывалась у меня перед глазами.

– Тело Господне, Холли! Мальчишку кто-то избил до полусмерти. Да еще на средьзимье!

– Стражник, – с трудом прохрипел я. И снова почувствовал вкус крови.

– Ты же замерзнешь! – сказал Энканис и принялся растирать мне руки и ноги, стараясь восстановить кровообращение. – Тебе придется пойти с нами...

Рога пропели снова, уже ближе. Вместе с ними до нас долетел смутный шум толпы.

– Ну что за глупости! – сказала демоница. – Он не в том состоянии, чтобы бегать по городу!

– Он не в том состоянии, чтобы оставаться здесь! – отрезал Энканис. Он не переставал растирать мне руки и ноги. К ним мало-помалу возвращалась чувствительность – жгучий, колючий жар, который казался пародией на ту уютную теплоту, что я ощущал минуту назад, засыпая. Каждый раз, как он наткался на ушиб, меня пронзало болью, но тело мое было слишком измучено, чтобы отдернуться.

Демоница в зеленой маске подошла и положила руку на плечо своему спутнику:

– Геррек, надо идти! Не волнуйся, о нем найдется кому позаботиться. – Она попыталась утащить своего приятеля

прочь, но у нее ничего не вышло. – Послушай, если нас тут застанут с ним, все решат, будто это мы сделали!

Человек в черной маске выругался, кивнул и принялся шарить под рясой.

– Смотри, не ложись больше! – настойчиво приказал он. – Спрячься под крышу. Куда-нибудь в тепло.

Шум толпы приблизился настолько, что я уже различал отдельные голоса, топот конских копыт и скрип деревянных колес. Человек в черной маске протянул руку.

Мне потребовалось время, чтобы разглядеть, что он мне дает. Серебряный талант, толще и увесистей того пенни, что я потерял. Такие деньги, что я себе просто и представить не мог...

– На, бери!

Он был воплощением тьмы: черный плащ с капюшоном, черная маска, черные перчатки. Энканис стоял передо мной, протягивая блестящий серебряный кружок, сверкающий в лунном свете. Это напомнило мне сцену из «Деоники», где Тарсус продает душу.

Я взял талант, но рука у меня так онемела, что я его не почувствовал. Мне пришлось опустить глаза, чтобы убедиться, что мои пальцы действительно сжимают монету. Мне помешлось, что по руке у меня разливается теплота, и я почувствовал себя сильнее. Я улыбнулся человеку в черной маске.

– На вот, и перчатки тоже возьми!

Он стянул с себя перчатки и прижал их к моей груди. По-

том женщина в зеленой демонской маске утянула моего благодетеля прочь, прежде чем я успел его поблагодарить. Я проводил их взглядом. В своих черных одеяниях они походили на клочья отступающей тьмы на фоне темно-серых стен тарбеанских улиц, озаренных лунным светом.

Не прошло и минуты, как из-за угла показались факелы приближающейся процессии. Сотни голосов, поющих и кричащих, мужских и женских, накатывали на меня, точно волны. Я принялся пятиться, пока не уперся спиной в стену, потом стал пробираться вбок, пока не добрался до глубокого дверного проема.

Из этого удобного места я смотрел на проходящую мимо процессию. Толпа с криками и хохотом катилась мимо. Тейлу, высокий и горделивый, стоял на повозке, запряженной четырьмя белыми лошадьми. Серебряная маска сверкала в свете факелов. Его белые одежды были безупречно чисты и подбиты мехом на вороте и манжетах. Вокруг повозки шагали священники в серых рясах, звеня в колокольчики и распевая. Многие были в тяжелых железных цепях кающихся. Гул голосов и звон колоколов, пение и лязг цепей сливались в некую музыку. Все глаза были устремлены на Тейлу. Никто и не заметил меня в тени дверного проема.

На то, чтобы они все прошли мимо, потребовалось минут десять. Только после этого я выбрался из дверного проема и осторожно потащился домой. Идти было тяжело, но мне придавала сил монета, которую я держал в руке. Через каж-

дые десять шагов я проверял, на месте ли мой талант, чтобы убедиться, что онемевшая рука его не выронила. Я хотел было надеть перчатки, которые мне дали, но боялся, что монета выпадет и потеряется в снегу.

Не знаю, сколько времени у меня ушло на обратную дорогу. От ходьбы я слегка согрелся, хотя ноги по-прежнему были одеревеневшие и бесчувственные. Оглядываясь через плечо, я видел, что каждый второй мой след отмечен кровавым отпечатком. Это меня, странным образом, успокаивало. Кровоточащая нога все-таки лучше, чем отмороженная.

Я зашел в первый же трактир, который знал, – «Смеющийся человек». В трактире гремела музыка, песни, там праздновали. Я миновал главный вход и свернул в переулок. В дверях черного хода болтали две девицы, увливающие от работы.

Я дохромал до них, опираясь на стенку. Девицы меня не замечали, пока я не оказался к ним вплотную. Та, что помоложе, подняла на меня глаза и ахнула.

Я сделал еще шаг в их сторону.

– Вы не могли бы принести мне еды и одеяло? Я заплачу!

Я протянул руку и сам испугался, увидев, как она трясется. Рука была перемазана кровью, оттого что я хватался за лицо. Во рту саднило. Говорить было больно.

– Пожалуйста!

Они смотрели на меня в ошеломленном молчании. Потом переглянулись, и старшая из двоих махнула второй, чтобы

та шла в дом. Младшая девушка исчезла в дверях, не говоря ни слова. Старшая, которой было лет шестнадцать, подошла ближе и протянула руку.

Я протянул ей монету и тяжело уронил руку. Девушка посмотрела на нее и исчезла в трактире, прежде смерив меня еще одним долгим взглядом.

Сквозь распахнутую дверь до меня доносились теплые, суматошные звуки переполненного трактира: гомон множества голосов, прерываемый взрывами хохота, веселый звон бутылок, глухой стук деревянных кружек о столы...

И, нежно пронизывая весь этот шум, на заднем плане звенела лютия. Звук был слабый, почти теряющийся в трактирном гаме, но я слышал его, как мать слышит плач своего младенца даже за десять комнат. Музыка была словно память о семье, о дружбе, о теплом чувстве, что ты свой, что ты не один. Внутри у меня все перевернулось, даже зубы заныли. Руки ненадолго перестали болеть от холода и затосковали по знакомому ощущению струящейся через них музыки.

Я сделал шаг. Медленный шаг вдоль стены. Подальше от дверного проема, так, чтобы музыки было больше не слышно. И еще шаг, пока руки вновь не заболели от холода и ноющая боль в груди не осталась лишь болью в переломанных ребрах. Эта боль была проще, вынести ее было легче.

Не знаю, сколько времени прошло, пока не вернулись девчонки. Та, что помладше, держала одеяло, в которое было что-то завернуто. Я прижал одеяло к ноющей груди. Ноша

выглядела какой-то чересчур тяжелой для своих размеров, но, с другой стороны, руки у меня тряслись даже от собственного веса, так что сказать наверняка было трудно. Старшая девушка протянула мне маленький, туго набитый кошелек. Я взял и его тоже и стиснул до боли в обмороженных пальцах.

Девушка посмотрела на меня:

– Можешь посидеть в уголке у огня, если хочешь.

Младшая закивала:

– Натти будет не против!

Она шагнула вперед и потянулась, чтобы взять меня за руку.

Я отшатнулся и едва не упал.

«Нет!» – хотел крикнуть я, но у меня вырвался лишь слабый хрип.

– Не трогайте меня.

Голос у меня дрожал, я не мог понять, от злости или от страха. Я пошатнулся, привалился к стене. Мой голос звучал как-то невнятно:

– Со мной все будет нормально.

Младшая из девушек расплакалась, бессильно уронив руки.

– Мне есть куда пойти. – Голос у меня сорвался, я повернулся и заторопился прочь.

Я старался идти как можно быстрее. От чего я убегаю – я и сам не знал, от людей разве что. Это был еще один урок, который я вызубрил как нельзя лучше: люди – это боль. За спи-

ной у меня слышались сдавленные всхлипы. Казалось, миновало ужасно много времени, прежде чем я свернул за угол.

Я забрался в свое убежище, там, где крыши двух домов сходились вместе, а над ними нависала третья. Сам не знаю, как я ухитрился туда вскарабкаться.

В одеяле обнаружилась целая бутылка вина с пряностями, каравай свежего хлеба и индюшачья грудка, величиной с два моих кулака, даже больше. Я закутался в одеяло и спрятался от ветра. Сухая метель сменилась снегом с дождем. Спину мне грела теплая кирпичная труба. Это было чудесно.

Первый глоток вина обжег мне рот огнем там, где губы были разбиты. Но второй уже не так щипался. Хлеб был мягкий, индейка еще теплая.

Проснулся я в полночь, когда во всем городе разом ударили в колокола. На улице бегали и орали. Семь дней высокого скорбения остались позади. Средьзимье миновало. Наступил новый год.

Глава 23

Пылающее колесо

Всю ночь я провел в своем тайном убежище и на следующий день, проснувшись, обнаружил, что мое тело превратилось в сплошной комок боли. Поскольку у меня еще оставалась еда и немного вина, я предпочел остаться, где был, чтобы не рисковать свалиться, когда стану спускаться вниз.

День был пасмурный, дул сырой ветер, который все никак не утихал. Ко мне под крышу задувало снег с дождем. Труба за спиной была теплая, но не настолько, чтобы как следует просушить одеяло и изгнать липкую сырость, которой пропиталась моя одежда.

Вино и хлеб я прикончил быстро, а потом проводил время, грызя индюшачьи кости и пытаюсь растопить снег в пустой бутылке, чтобы напиться. Ни от того, ни от другого особого толку не вышло, и в конце концов я принялся горстями есть мокрый снег, от чего меня прошибла дрожь и во рту остался привкус смолы.

Несмотря на свои травмы, во второй половине дня я уснул. Пробудился я глубокой ночью. Мне сделалось очень тепло. Я откинул одеяло и отодвинулся подальше от трубы, которая теперь раскалилась, чтобы пробудиться снова на рассвете, дрожащим и промокшим насквозь. Чувствовал я

себя странно: голова кружилась, и все было как в тумане. Я снова прижался к трубе и провел весь день то просыпаясь, то снова проваливаясь в беспокойный, лихорадочный сон.

Как я спустился с крыши, в лихорадочном бреду, весь избитый, – этого я совершенно не помню. Не помню я и того, как прошел три четверти мили через Свечники и Дошаники. Помню только, как свалился с лестницы, ведущей в подвал Траписа. Кошелек с деньгами был крепко зажат у меня в руке. Я лежал, дрожа и потея, и слышал тихое шлепанье босых ног по каменному полу.

– Что такое, что такое! – мягко сказал он, поднимая меня. – Тише, тише...

Трапис ходил за мной все то время, пока я валялся в лихорадке. Закутывал меня в одеяла, кормил, а когда сделалось ясно, что сама по себе лихорадка не пройдет, купил на деньги, что я принес, сладко-горькое лекарство. Он протирал мне лицо и руки влажной тряпичей и терпеливо, мягко приговаривал: «Тише, тише! Что такое, что такое!», пока я рыдал от бесконечных горячечных снов. Мне снились убитые родители, и чандрианы, и человек с пустыми глазами.

Очнулся я с ясной головой и нормальной температурой.

– У-у-у-у-у-ри-и-и-и-и! – громко сообщил привязанный к топчану Тани.

– Что такое, что такое! Тише, Тани, тише! – сказал Трапис, укладывая одного младенца и беря на руки другого. Ре-

бенок по-совиному водил большими, темными глазами, но головку, похоже, не держал. В комнате было тихо.

– У-у-у-у-у-ри-и-и-и-и! – повторил Тани.

Я откашлялся, стараясь прочистить горло.

– На полу рядом с тобой стоит чашка, – сказал мне Трапис, глядя по головке младенца, которого держал на руках.

– У-у-у-у-у у-у-у-у-у-ри-и-и-и-и и-и-и-ха-а-а-а-а!!! – взревел Тани. Его крик прерывался странными вздохами. Шум взбудоражил еще нескольких мальчишек, они заматались на топчанах. Сидевший в углу мальчик постарше схватился за голову и застонал. Он принялся раскачиваться взад-вперед, поначалу еле-еле, потом все сильнее и сильнее, так, что когда он наклонялся вперед, то стучался лбом о голую каменную стену.

Трапис очутился рядом с ним прежде, чем мальчишка успел причинить себе серьезный вред. Он обнял раскачивающегося мальчика:

– Тише, Лони, тише! Тс-с-тс-с!

Мальчик слегка притих, но совсем раскачиваться не перестал.

– Ну что же ты, Тани, ну зачем же ты так шумишь? – сказал Трапис, серьезно, но без упрека. – Зачем ты устроил такой переполох? Лони же может ушибиться!

– У-у-р-ра-а-хи-и... – негромко отозвался Тани. В его голосе мне почудилось нечто вроде раскаяния.

– По-моему, он хочет послушать историю, – сказал я и сам

удивился.

– А-а-а-а! – подтвердил Тани.

– Ты ведь этого хочешь, да, Тани?

– А-а-а-а!

Трапис помолчал.

– А я не знаю никаких историй, – сказал он.

Тани упрямо молчал.

«Ну ведь все же знают какую-нибудь историю! – подумал я. – По крайней мере одну историю знает всякий».

– У-у-у-у-ри-и!

Трапис окинул взглядом притихшую комнату, словно искал повода отвертеться.

– Ну-у, – нехотя сказал он наконец, – мы ведь уже давно историй не рассказывали, да?

Он посмотрел на мальчика, которого обнимал:

– Хочешь послушать историю, а, Лони?

Лони энергично закивал, едва не ударив Траписа затылком в щеку.

– А ты будешь хорошо себя вести и посидишь тихо, пока я буду рассказывать?

Лони прекратил раскачиваться почти тут же. Трапис медленно разжал руки и отступил. Приглядевшись к мальчику и убедившись, что тот уже не расшибется, он, медленно ступая, вернулся к своему стулу.

– Ну что ж, – тихо проговорил он себе под нос, наклоняясь и беря на руки младенца, которого только что положил, –

есть ли мне, что рассказать?

Трапис говорил очень тихо, глядя в широко раскрытые глаза малыша.

– Нет, пожалуй, что нечего. А могу ли я что-нибудь припомнить? Ну, ничего не поделаешь, придется.

Он довольно долго сидел и что-то мурлыкал младенцу, которого держал на руках. Лицо у него было задумчивым.

– Ах, ну да, конечно! – Он выпрямился и сел прямее. – Ну что, будете слушать?

Это старая-старая история. Из тех времен, когда никого из нас еще и на свете не было. И даже наших отцов еще не было. Случилось это давным-давно. Может... может, лет четыреста назад. Да нет, даже больше. Наверное, тысячу лет назад. А может, и не тысячу, а поменьше.

На свете тогда жилось очень плохо. Люди голодали и болели. То голод, то великий мор. Бывали в те времена и многочисленные войны, и всякие прочие беды, а все оттого, что остановить это было некому.

Но хуже всего то, что по земле в те времена бродило множество демонов. Некоторые были мелкие и вредные – твари, что портили лошадей и заставляли скисать молоко. Но были и другие, намного хуже.

Были демоны, что вселялись в тела людей и заставляли их болеть или сходить с ума, но и это было еще не самое худшее. Были демоны наподобие огромных зверей, что ловили и по-

жирали людей живьем, не обращая внимания на их вопли, но и это было еще не самое худшее. Иные демоны похищали человеческую кожу и ходили в ней, будто в одежде, но даже и эти были не худшими.

Ибо был один демон, что возвышался над всеми прочими. Энканис, всепоглощающая тьма. Куда бы он ни шел, лицо его скрывалось в тени, и ужалившие его скорпионы погибали от той порчи, которой они коснулись.

Тейлу же, творец мира и владыка всего сущего, взирал на мир людей. И видел он, что демоны играют нами, убивают нас и пожирают тела наши. Иных людей он спасал, но лишь немногих. Ибо Тейлу праведен и спасает лишь достойных, а в те дни мало кто поступал даже во благо себе, не говоря уж во благо остальным.

Увидев сие, исполнялся Тейлу скорби. Ибо он создал мир благим, дабы жили люди. Но церковь его подверглась порче. Они обирали бедных и не жили по законам, им дарованным...

Нет, погодите. Церкви же тогда еще не было, ни церкви, ни священников. Просто люди, мужчины и женщины, и некоторые из них знали, кто такой Тейлу. Но даже они были злыми, и потому, когда они зывали к Господу Тейлу о помощи, не испытывал он желания им помогать.

Много лет смотрел Тейлу и ждал, и вот наконец узрел он женщину, чистую сердцем и духом. Имя ее было Периаль. Мать взрастила ее так, чтобы она знала Тейлу, и Периаль

чтила его, насколько могла при своей скудной жизни. И, хотя жилось ей самой тяжело, молилась Периаль лишь о других и никогда – о себе самой.

Много лет наблюдал за нею Тейлу. Видел он, что жизнь ее тяжела, полна несчастий и страданий по вине демонов и дурных людей. И все же Периаль ни разу не прокляла имя его, и не переставала молиться, и ни разу не отнеслась ни к одному человеку иначе, чем с добром и уважением.

И вот как-то раз, поздно ночью, Тейлу явился ей во сне. Предстал он пред нею, обликом подобный пламени или солнечному свету. Явился он ей во славе и спросил, знает ли она, кто перед ней.

– Воистину, – ответила она. Понимаете, она совсем не испугалась, потому что решила, будто это просто необычный сон. – Ты есть Господь Тейлу.

Он кивнул и спросил у нее, знает ли она, зачем он явился к ней.

– Ты собираешься что-то сделать для моей соседки Дебору? – спросила женщина. Потому что она молилась за Дебору, прежде чем лечь спать. – Быть может, ты наложишь руку на ее мужа, Лозеля, и сделаешь его немного добрее? Очень уж нехорошо он с ней обращается. Не следует мужчине прикладывать руку к женщине иначе, как с любовью.

Тейлу знал ее соседей. Ведал он, что люди они злые и творят много зла. Вся деревня была исполнена зла, кроме нее. Весь мир был исполнен зла. Так он ей и сказал.

– Нет, Дебора была очень добра ко мне, – возразила Периаль. – Да и Лозель, хоть и не очень он мне нравится, все же сосед мне!

Тейлу ей сказал, что Дебора проводит время в постелях многих мужей, а Лозель напивается каждый день, даже и в скорбенье. Нет, погодите – скорбенья же тогда еще не было. Но все равно, пил он много. И временами так выходил из себя, что колотил жену до тех пор, пока она уже не могла ни встать, ни кричать в голос.

Периаль долго молчала во сне. Она знала, что Тейлу говорит правду, но, хоть Периаль и была чиста сердцем, однако же она была не глупа. Она и без того подозревала, что соседи ее творят все то, о чем говорил Тейлу. Но, хотя теперь она знала это наверняка, судьба соседей по-прежнему была ей безразлична.

– Так ты не поможешь ей?

Тейлу отвечал, что муж с женой оба – достойное наказание друг другу. Ибо они злы, а зло заслуживает наказания.

Периаль ответила от всей души, быть может, потому, что думала, будто все это ей снится, но может быть, что она поступила бы так же, даже если бы бодрствовала, ибо высказала она то, что было у нее на сердце.

– Не их то вина, что мир полон тяжкого выбора, и голода, и одиночества, – сказала она. – Чего и ждать от людей, когда в соседях у них демоны?

Однако, хотя Тейлу и открыл уши свои ее мудрым речам,

ответил он ей, что род людской зол, а зло заслуживает наказания.

– По-моему, ты просто не понимаешь, что такое быть человеком, – сказала она ему. – Я бы все равно им помогла, если бы только умела, – решительно заявила Периаль.

«Да будет так!!!» – рек ей Тейлу, и протянул руку свою, и положил руку ей на сердце. И, когда коснулся ее Тейлу, ощутила Периаль, будто она – большой золотой колокол, который только что прозвенел впервые. И открыла она глаза, и поняла, что то был не обычный сон.

А потому не удивилась она, обнаружив, что беременна. И не прошло и трех месяцев, как родила она чудесного черноглазого мальчика. Дала она ему имя Менда. В тот же день, как родился, Менда научился ползать. Через два дня он начал ходить. Дивилась Периаль, но не тревожилась, ибо знала, что дитя это – дар Божий.

Однако же Периаль была мудра. Она знала, что люди могут этого не понять. И потому держала Менду при себе, и, когда друзья и соседи приходили ее навестить, отсылала их прочь.

Однако долго так длиться не могло, в маленьком городке тайну не сохранишь. Люди знали, что Периаль не замужем. И хотя дети, рожденные вне брака, в те времена были обычным делом, дети, всего за пару месяцев ставшие взрослыми, обычным делом не были. Все боялись того, что Периаль возлегла с демоном и что дитя ее – демонское отродье.

В те мрачные годы в этом не было ничего неслыханного, и потому уstraшились люди.

И вот в первый день седьмого оборота весь городок собрался и явился к крохотному домишке, где Периаль жила сама по себе вместе с сыном. Возглавлял их городской кузнец по имени Рэнген.

– Покажи мальчишку! – вскричал он. Однако из дома никто не отозвался. – Вынеси мальчишку, чтобы мы видели, что он – не более, чем дитя человеческое!

В домике по-прежнему было тихо, и, хотя там было немало мужей, ни один не захотел войти в дом, где могло находиться демонское отродье. И вот кузнец вскричал снова:

– Периаль, вынеси нам юного Менду, а не то мы спалим дом с тобой вместе!

Тут отворилась дверь и вышел человек. Никто из людей не понял, кто он такой, ибо, хотя миновало всего лишь семь оборотов, как Менда вышел из чрева, выглядел он, как юноша лет семнадцати. Стоял он, высокий и гордый, и волосы и глаза его были черны как уголь.

– Я тот, кого вы считаете Мендой, – рек он голосом мощным и глубоким. – Чего вы от меня хотите?

Услышав его голос, ахнула Периаль в своей хижине. Мало того, что Менда заговорил впервые, она узнала этот голос – голос был тот самый, что разговаривал с нею во сне, несколько месяцев тому назад.

– Что значит «кого вы считаете Мендой»? – переспросил

кузнец, крепко стиснув свой молот. Кузнец знал, что бывают демоны, которые выглядят как люди, и демоны, что носят человеческую кожу как одежду, наподобие того, как человек может спрятаться в овечьей шкуре.

Дитя, что было уже не дитя, заговорило снова:

– Я сын Периаль, но я не Менда. И не демон я.

– Тогда коснись моего железного молота! – отвечал Рэнген. Ибо ведал он, что демоны боятся двух вещей: холодно-го железа и чистого пламени. И протянул он свой тяжкий кузнечный молот. Молот дрожал у него в руках, но никто не стал думать о нем хуже из-за этого.

Тот, что не был Мендой, шагнул вперед и возложил обе руки на железный молот. И ничего не случилось. Периаль, что стояла и смотрела в дверях своего дома, разрыдалась, ибо, как ни верила она Тейлу, а все же некая ее часть была исполнена материнской тревоги за сына.

– Нет, я не Менда, хоть моя мать и дала мне это имя. Ибо я – Тейлу, владыка всего сущего. Явился я, дабы освободить вас от демонов и зла в ваших собственных сердцах. Аз есмь Тейлу, сын себе самому. Пусть же злые услышат голос мой и вострепещут!

И они вострепетали. Однако иные отказывались верить. Они называли его демоном и угрожали ему. Произносили они жестокие, исполненные страха речи. Иные бросались камнями и проклинали его, и плевали в его сторону и в сторону его матери.

Тогда разгневался Тейлу и готов был убить их всех, но тут бросилась вперед Периаль, и положила руку ему на плечо, и удержала его.

— Чего же было и ждать? — тихо спросила она. — Чего ждать от людей, живущих в соседстве с демонами? И лучшая из собак начнет кусаться, когда ее то и дело пинают!

Обдумал Тейлу ее слова и увидел, что Периаль мудра. И вот взглянул он поверх своих рук на Рэнгена, заглянул ему в самое сердце и рек:

— Рэнген, сын Энгена, ты имеешь любовницу и платишь ей, чтобы возлежала с тобою. А иные люди приходят к тебе, чтобы выполнить работу, ты же обманываешь или обворовываешь их. И, как ни громко ты молишься, не веришь ты, что я, Тейлу, сотворил мир и слежу за всеми, кто в нем живет.

Услышав это, побледнел Рэнген и уронил наземь свой молот. Ибо то, что сказал ему Тейлу, было чистой правдой. Воззрел Тейлу на всех людей, мужчин и женщин, что были там. Заглянул он в их сердца и сказал о том, что увидел. И все они были полны зла так, что Рэнген оказался еще одним из лучших.

Тут провел Тейлу черту вдоль дороги, так, чтобы разделяла она его и всех пришедших.

— Дорога эта подобна извилистому ходу жизни. И два пути ведут по ней бок о бок. Каждый из вас идет по той стороне. Выбирайте же: остаться на прежнем пути или перейти на мой.

– Но ведь дорога-то одна и та же! Все равно она ведет в одно и то же место, – заметил кто-то.

– Это правда.

– И куда же ведет дорога?

– К смерти. Все жизни кончаются смертью, кроме одной. Ибо такова природа вещей.

– Так какая разница, на которой ты стороне?

Вопросы эти задавал Рэнген. Он был высок – один из немногих людей, что были выше черноглазого Тейлу. Однако Рэнген был потрясен всем, что видел и слышал за эти несколько часов.

– Что ждет на нашей стороне дороги?

– Страдание, – ответил Тейлу голосом жестким и холодным, как камень. – И наказание.

– А на твоей стороне?

– Пока что – страдание, – отвечал Тейлу тем же голосом. – И наказание за все, что вы совершили. Этого избежать не удастся. Но здесь есть еще и я, это мой путь.

– И как же мне перейти?

– Сокрушись, раскайся и перейди на мою сторону.

И шагнул Рэнген через черту и встал рядом с Богом своим. Тогда наклонился Тейлу, и поднял он молот, что вырвал кузнец. Но не вернул он молот, а ударил им Рэнгена, точно бичом. Раз. Другой. Третий. И от третьего удара рухнул Рэнген на колени, рыдая и плача от боли. Но после третьего удара отложил Тейлу молот, опустился на колени и заглянул

Рэнгену в лицо.

— Ты перешел первым, — сказал он тихо, так, что слышал его только кузнец. — Это было отважное деяние, и совершить его было нелегко. Я горжусь тобою. Отныне ты не Рэнген, но Верет, кузнец, кующий путь.

И обнял его Тейлу обеими руками, и прикосновение его избавило Рэнгена, ставшего ныне Веретом, почти от всей боли, которую тот испытывал. Однако же не от всей, ибо правду сказал Тейлу: наказание неизбежно.

Один за другим переходили они, одного за другим разил их молотом Тейлу. Однако после того, как каждый из них падал, Тейлу опускался на колени, говорил с ними, давал им новые имена и отчасти исцелял от боли.

Многие из людей носили в себе демонов, и демоны убежали с воплями, когда молот касался их. С этими людьми Тейлу говорил дольше, однако и их он под конец обнимал, и все они исполнялись благодарности. Иные плясали от радости, что избавились от ужасных тварей, которые жили внутри них.

И вот под конец по ту сторону черты осталось лишь семеро. Трижды спросил их Тейлу, не хотят ли они перейти, и трижды отказались они. После третьего раза перепрыгнул Тейлу черту и поверг каждого из них наземь могучим ударом.

Однако не все это были люди. Когда Тейлу ударил четвертого, запахло каленым железом и горячей кожей. Ибо чет-

вертый был вовсе не человек, но демон, облаченный в человеческую кожу. Когда это обнаружилось, схватил Тейлу демона и задавил его руками, прокляв его имя и отправив во тьму крошечную, которая и есть дом ему подобных.

Оставшиеся трое позволили себя повергнуть. Демонов среди них больше не оказалось, хотя из тел иных из упавших также бежали демоны. Покончив с этим, Тейлу не стал говорить с теми шестерыми, что не стали переходить черту, и не преклонил он колен, дабы обнять их и утешить их раны.

На следующий день отправился Тейлу довершать то, что начал. Из города в город переходил он и в каждой деревушке, которую встречал, предлагал тот же выбор, что и прежде. И каждый раз выходило так же: одни переходили, другие оставались, иные оказывались вовсе не людьми, а демонами, и демонов он изничтожал.

Был, однако, один демон, который ускользал от Тейлу. Энканис, чье лицо было в тени. Энканис, чей голос ножом резал души людские.

И где бы ни останавливался Тейлу, предлагая людям выбрать путь, оказывалось, что Энканис только что побывал там до него, изводя посева и отравляя колодцы. Энканис подзуживал людей убивать друг друга и воровал ночами детей из люлек.

Миновало семь лет, и ноги Тейлу обошли весь свет. Изгнал он демонов, что изводили нас. Всех, кроме одного. Ибо Энканис остался на свободе и творил зло за тысячу демонов,

уничтожая и оскверняя все и повсюду, куда б ни явился.

И вот Тейлу преследовал, а Энканис спасался бегством. И вскоре Тейлу отделяло от демона всего семь дней пути, потом два дня, потом полдня. И вот уже оказался Тейлу так близко, что ощущал холод, оставленный после себя Энканисом, и различал места, где демон ступал ногами и касался руками, ибо следы демона были отмечены холодным черным инеем.

Энканис, зная, что его преследуют, явился в большой торговый город. Призвал владыка демонов свою силу, и город обратился в развалины. Сделал он это в надежде, что Тейлу задержится и ему вновь удастся ускользнуть, однако Бог Грядущий задержался лишь затем, чтобы назначить священников, которые заботились бы о народе разоренного города.

Шесть дней спасался Энканис бегством, шесть больших городов разрушил он. Однако на седьмой день Тейлу подошел вплотную прежде, нежели Энканис успел пустить в ход свою силу, и седьмой город был спасен. Вот почему семь – число счастливое, и вот почему день чаэн – праздничный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.